

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

**ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА
1916 ГОД**

**ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ 2016**

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
1916 ГОД

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Под общей редакцией С.М. Исхакова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Ф.Г. Тараторкин

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Редакционный совет

В.Э. Голдман

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги–Меллона

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жангиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исаков

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор Кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

А.Л. Смышляев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, проректор РГГУ

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Filipp G. Taratorkin

Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Academic Secretary

Editorial Board

Wendy Z. Goldman

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

Anton A. Gorskiy

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Igor V. Kurukin

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Daniel Panateri

Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences

Alexander L. Smishliaev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture

Alexey E. Titkov

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Продолжавшаяся почти три года Первая мировая война, которая велась европейскими державами под лозунгами защиты демократии, освобождения угнетенных народов, разгрома германского милитаризма или варварской России, сильно затягивалась и всюду посеяла огромные проблемы как в самой Европе, так и вне ее, везде вызывала в обществе общую тревогу за будущее, за необратимые последствия разраставшегося все больше и больше конфликта. Если в России правящие круги стремились к тому, чтобы достичь военной победы, которая имела для них судьбоносное значение, то народу эта война в принципе была чужда и непонятна. Ситуация на театрах военных действий зависела от умения генералов, офицеров, солдат воевать.

Этот номер посвящен кампании 1916 г.¹ В статье В.Ж. Цветкова анализируются особенности разработки и проведения боевых операций на Восточном фронте. В них принимал участие начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Роль этого генерала, сыгравшего существенную роль в управлении русскими войсками, лишь не так давно стала предметом детального изучения. Внимание общественности к его судьбе, к его роли в ходе войны впервые было привлечено после того, как 16 апреля 1993 г. в Московском доме ученых состоялся тематический вечер под красноречивым названием «Забывтые имена: генерал Алексеев М.В.», подготовленный Ассоциацией по изучению Первой мировой войны, Институтом российской истории РАН, Институтом всеобщей истории РАН и Институтом славяноведения и балканистики РАН. Ведущим этого вечера выступил известный советский военный историк А.Г. Кавтарадзе, сотрудник Института российской истории РАН, а среди выступающих была внучатая племянница генерала — Т.П. Борисова.

¹ О кампаниях 1914 и 1915 гг. см.: Исторический вестник. 2014. № 8; 2015. № 14.

В статье А.В. Олейникова показаны боевые действия русской армии в оперативно-стратегическом контексте на всех театрах военных действий Восточного фронта, определено значение, которое оказали эти операции на ход вооруженного противоборства. Участию донских казаков в период этой войны посвящена статья А.В. Венкова. В снабжении русской армии продовольствием и фуражом, по мнению М.В. Оськина, к концу 1916 г. возник кризис, который не был преодолен. На примере Калужского гарнизона А.С. Анисков показал необычную ситуацию в тыловых гарнизонах страны, когда во время войны концентрация войск во многих городах Центральной России породила феномен военных городов. Повседневная жизнь г. Николаева, испытавшего сильное влияние войны, раскрывается В.А. Пархоменко (Украина). В статье А.И. Шеляг рассмотрен польский вопрос в условиях войны.

В разных регионах России в последнее время появились документальные сборники, посвященные влиянию войны на ситуацию в глубоком тылу. Одними из них являются рецензируемые издания о том, что происходило в Самарской, Оренбургской и Уфимской губерниях.

Исследователи продолжают поиск источников, посвященных разным аспектам этой войны. В номере впервые публикуется обнаруженный В.Д. Лебедевым документ, который сыграл важную роль в истории отечественной военной авиации.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

The First World War had been going on for nearly three years and was being waged by the European states under the aegis of protection of democracy, liberation of the oppressed people, and fighting back of the German militarism and Russia's barbarism. It was dragging on and unearthing major problems both in Europe and outside of it, bringing with it general social unrest in concerns about the future, for irrevocable consequences of the ever expanding conflict.

While the ruling elite of Russia was trying to achieve a military victory that was of crucial importance to them, the civil population perceived the war as fundamentally foreign and inexplicable. The situation on the battlefields wholly depended on the generals', officers' and the soldiers' ability to fight.

This issue is dedicated to the military campaign of 1916. The article by V.Zh. Tsvetkov analyses the details of strategic operations on the Eastern Front. One of the key figures in those operations was the Infantry General M.V. Alekseyev, head of the Superior Commander-in-Chief's headquarters. The crucial role (gem to role) of this general in commanding the Russian troops only recently became an object of thorough research. Public attention was for the first time directed to his fate and his role in WWI following the "Forgotten names: General M.V. Alekseyev" discussion held by the Association for the First World War Studies, the Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences, the World History Institute of the Russian Academy of Sciences and the Institute of the Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. The discussion was hosted by A.G. Kavtaradze, a famous Soviet military historian from the Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences, and the general's grand-niece, T.P. Borisova, was one of the speakers.

The article by A.V. Oleynikov describes the military actions of the Russian army in all the military theatres of the Eastern Front, and evaluates the effect of those actions on the overall military confrontation. The Don Cossacks and their role in the examined war period are the subject matter of the article by A.V. Venkov. The situation with food and forage supplies became critical towards the end of 1916, claims M.V. Oskin in his article, and the crisis only deepened later on. Taking the Kaluga Garrison as a model, A.S. Aniskov shows an unusual situation in the rearward garrisons of the country, when the concentration of troops in many towns in the central Russia gave rise to the phenomenon of “military towns”. Everyday life in the city of Nikolayev experienced a strong military impact, as described in the article by V.A. Parkhomenko (Ukraine). «The Polish issue» at the time of WWI is examined in the article by A.I. Shelyag.

In different regions of Russia a number of documentary almanacs have been published recently that are dedicated to the influence of the war on the deep rear situation. Some of them are reviewed in this issue: on the events in the Samara, Orenburg and Ufa provinces.

The researchers continue their quest for sources pertaining to the various aspects of the war. This issue features a heretofore unpublished document discovered by V.D. Lebedev. The document had a crucial role in the history of Russian military aviation.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ж. Цветков. Генерал М.В. Алексеев — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Опыт военно-стратегических разработок в конце 1915 г. — 1916 г.	10
А.В. Олейников. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1916 г. в оперативно-стратегическом контексте..	42
А.В. Венков. Донские казаки в Первой мировой войне (Кампания 1916 года).....	72
М.В. Оськин. Продфуражное снабжение русской армии в кампании 1916 г.: между изобилием и кризисом.....	86
А.С. Анисков. Калужский гарнизон в 1916 году	106
В.А. Пархоменко. Повседневная жизнь в Николаеве в 1916 году ...	118
А.И. Шеляг. Польский вопрос на III конгрессе Союза народов в Лозанне (июнь 1916 г.).....	134

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

В.Н. Парамонов. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 гг. Сборник документов.	154
С.М. Иехаков. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Сборник документов и материалов.....	159

ИСТОЧНИКИ

Рапорт о воздушном бое в районе Молодечно в 1916 г.	164
--	-----

CONTENTS

The First World War. 1916

Editor: Salavat M. Iskhakov

V.Zh. Tsvetkov. General M.V. Alekseyev, head of the Commander-in-Chief's Headquarters. War strategy experience at the end of 1915–1916.....	10
A.V. Oleynikov. The Russian Imperial army in the campaign of 1916: military action theatres in the strategic context.	42
A.V. Venkov. The Don Cossacks in the WWI: the 1916 campaign.....	72
M.V. Oskin. Food and forage supplies of the Russian army in the 1916 campaign: between profusion and crisis.....	86
A.S. Aniskov. The Kaluga garrison in 1916.....	106
V.A. Parkhomenko. Everyday life in Nikolayev in 1916.	118
A.I. Shelyag. “The Polish issue” at the 3rd congress of the Union des Nationalit’s in Lausanne (June 1916).....	134

THOUGHTS ON HISTORY

V.N. Paramonov. The province of Samara during the years of WWI. July 1914 — February 1917. Collection of documents.....	154
S.M. Iskhakov. Bashkiria during the years of WWI. 1914–1918: Collection of documents and materials.	159

SOURCES

Report on the air battle near Molodechno in 1916.....	164
---	-----

В.Ж. Цветков

ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ — НАЧАЛЬНИК ШТАБА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Опыт военно-стратегических разработок
в конце 1915 г. — 1916 г.¹

российской историографии события кампании 1916 г. привлекали гораздо большее внимание, чем операции предыдущего периода. Широко распространенным был подход, согласно которому Брусиловский прорыв характеризовался не просто как удачно проведенная операция, но как своеобразный символ «побед русского оружия», пример яркой победы на общем «фоне» неудачной, «последней войны Российской империи». Показательно, что в школьных учебниках советского времени, при общем критическом анализе боевых действий России в Первой мировой войне, действия Юго-Западного фронта определялись как наступление, проведенное «под командованием талантливого генерала А.А. Брусилова», после которого «австро-венгерская армия потерпела такое поражение, от которого она уже не могла оправиться». Вина же за то, что «развить первоначальный успех русским войскам не удалось», возлагалась на «царскую Ставку» (по сути

¹ Начало см.: Цветков В.Ж. Генерал М.В. Алексеев и стратегическое планирование в русской армии накануне и в начальный период Первой мировой войны // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 6–49; *он же*. Разработка и осуществление генералом М.В. Алексеевым стратегических планов боевых операций на Восточном фронте в ноябре 1914 г. — сентябре 1915 г. // Исторический вестник. 2016. № 14. С. 6–43.

и на генерала М.В. Алексеева), которая «не дала Юго-Западному фронту необходимых резервов и боеприпасов»².

Отчасти это суждение было связано с тем, что генерал от кавалерии Брусилов позже служил в РККА и поддерживал советскую власть. В СССР неоднократно (шесть раз с 1929 по 1983 г.) переиздавались его «Воспоминания» (правда, в неполном виде)³. Интересная подборка документальных материалов из военно-исторического архива (ЦГВИА СССР) сохранилась в сборнике документов, изданных Воениздатом накануне Великой Отечественной войны. Здесь приводилась, в частности, переписка генерала Алексеева с союзными представителями и с командующими фронтами накануне и в начальный период Брусиловского прорыва. В аннотации к данному сборнику было сказано, что «книга предназначена для начальствующего состава Красной Армии как пособие для изучения организации и развития фронтовой операции по прорыву неприятельского фронта»⁴.

В работе военного историка И.И. Ростунова приводился подробный анализ разработки Ставкой Верховного главнокомандующего планов боевых операций на 1916 г.⁵ Оценку боевых действий русской армии в общестратегических планах Антанты давал в своей монографии В.А. Емец⁶.

Важным историографическим событием стала публикация документов из личного архива генерала Алексеева в книге его дочери В.М. Алексеевой-Борель⁷, что послужило импульсом для серьезного пересмотра прежних взглядов на биографию Алексеева.

В современной историографии следует выделить работы С.Н. Базанова, непосредственно посвященные проблемам подготовки и проведения Брусиловского прорыва, специфике полководческого искусства генерала Брусилова⁸. К истории боевых действий на Восточном фронте неоднократно обращался С.Г. Нелипович. Им был проведен подробный разбор действий

² См., напр.: Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР. Учебник для 9-го класса средней школы. М., 1978. С. 112–113.

³ См., напр.: Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1943.

⁴ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1940.

⁵ Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964.

⁶ Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.

⁷ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

⁸ См., напр.: Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006; Жизнь и звездный час генерала Брусилова // Наука России. 2006. № 4.

русского генералитета в условиях подготовки и проведения наступательных операций 1916 г. и, в частности, дан анализ особенностей неудачных для русской армии боев за Ковель⁹. Стратегический очерк боевых операций 1916 г., анализ их особенностей на Восточном и Западном фронтах, взаимодействие союзников по Антанте подробно рассматривались в работах А.В. Олейникова¹⁰. Интересные оценки работы Ставки содержатся в монографии М.В. Оськина, где проводится сравнительный анализ штабной работы времени главковерха великого князя Николая Николаевича и главковерха Николая II, объясняются преимущества второго состава, отмечается значение деятельности Алексева: император сделал своим начальником штаба выдающегося полководца — генерала Алексева, который за войну успел покомандовать всеми без исключения российскими военачальниками действующей армии¹¹. Развернутая характеристика геополитического положения Восточного фронта в 1915–1916 гг., причин и предпосылок наступательных операций русской армии дается в монографии О.Р. Айрапетова, посвященной событиям данного периода¹².

Но при большом объеме работ, посвященных Брусиловскому прорыву, многие вопросы деятельности Ставки и генерала Алексева в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего (наштаверха) остаются либо практически неизученными, либо трактуются довольно односторонне. До настоящего времени, например, в публицистике встречается весьма спорное утверждение о том, что только генералу А.А. Брусилову (вопреки Ставке) принадлежит идея нанесения одновременных ударов по всей протяженности фронта. Деятельность же генерала Алексева в Ставке в 1916 г. подчас рассматривается не в военной сфере, а в области политических «интриг», в плане подготовки «антимонархического заговора». Других «дел» у боевого генерала в 1916 г. якобы и быть не могло.

В конце 1915 г. — начале 1916 г., вступив в должность наштаверха, генерал от инфантерии Алексеев принимал активное участие в разработке и осуществлении нескольких важных операций.

«Великое отступление» русских войск и стабилизация фронта в конце 1915 г. требовали новых подходов к перспективам продолжения войны. Предвоенные стратегические планы, равно как и планы первого периода

⁹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Кампания 1916. М., 2006.

¹⁰ *Олейников А.В.* Россия и союзники в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Астрахань, 2009.

¹¹ *Оськин М.В.* Первая мировая война. М., 2010. С. 123.

¹² *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015.

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев.
Художник М.Я. Мизернюк. Ставка. Могилев. 1916 г.

войны уже не отражали реальности. Был потерян Привислинский край с его относительно развитой сетью железных и грунтовых дорог, на территории которого разворачивались фронтальные сражения лета—осени 1914 г. и с которого можно было развивать наступательные действия на Германию и Австро-Венгрию. Противник овладел и линиями крепостей, опираясь на которые можно было сдержать наступление германо-австрийских войск в Европейскую Россию.

К концу 1915 г. центральная часть сильно растянувшегося по сравнению с 1914 г. Восточного фронта опиралась на территории Полесского края. Эти губернии были недостаточно обеспечены ресурсами и железнодорожной сетью. Рокадных линий, позволявших быстро перебрасывать войска с одного участка фронта на другой, не хватало. Заболоченная территория Полесья хотя и препятствовала наступательным действиям врага на центральных направлениях, но ставила русские войска в зависимость от состояния грунтовых дорог и сезонных, погодных условий. Далекое неудовлетворительным было состояние прифронтовой полосы, не подготовленной к длительной позиционной войне.

Стратегические линии предполагаемых операций на 1916 г. оставались, в общем, теми же, что и в предшествующие годы. Это — или удар по немецким позициям в направлении на Вильно, Брест и Варшаву, с целью возвращения польских губерний и последующим выходом к границам Германии. Или — развитие наступательных операций в юго-западном направлении,

Предлагаемые М.В. Алексеевым направления стратегических ударов русских войск в 1916 г.
 Зайончковский А. *Мировая война 1914—1918 гг.* Т. III. М., 1939

с перспективой удара на Балканы, где положение стремительно ухудшалось после начала наступления в Сербию австро-германских войск.

Второе направление в конце 1915 г. признавалось важным, поскольку здесь следовало оказать поддержку отступающей сербской армии, вывести из состояния военной неопределенности Румынию, присоединив ее к Антанте, и добиться координации усилий с союзными войсками на формирующемся Салоникском фронте. Следовало не допустить объединения Германии и Австро-Венгрии с Болгарией и Турцией, не дать возможности создать коммуникационный «коридор» от Берлина до Стамбула (после поражения Сербии в начале 1916 г. подобная перспектива стала реальностью).

Алексеев не отрицал значимости юго-западного направления, о важности которого он неоднократно заявлял еще до войны. Однако проведение

здесь широкомасштабных операций напрямую связывалось им с адекватными усилиями союзников. В октябре 1915 г. им был составлен достаточно оригинальный проект возможного стратегического удара по Австро-Венгрии, с последующей возможностью перехода в наступление на Будапешт, Вену и Берлин. Подобный проект стал, по сути, логическим продолжением замыслов Алексеева, связанных с активными действиями Юго-Западного фронта и выражаемых им еще в 1914 г.

1 октября 1915 г. в телеграмме главнокомандующему французской армией генералу Ж. Жоффру Алексеев сообщал, что российское командование готовит сильный экспедиционный отряд в районе Одессы — Кишинева, который может быть использован для операций на Балканах. В основе этого подразделения были части 7-й армии (до конца 1915 г. ее дислокация прикрывала крайний левый фланг Восточного фронта), усиленные призванными по мобилизации ополченцами. Данный экспедиционный отряд (первоначальная численность в 100 тыс. человек могла быть увеличена и до 200 тыс.) состоял из пяти полевых и двух ополченских корпусов. По сути своей 7-я армия являлась стратегическим резервом для юго-западного направления, переброска которого могла быть осуществлена в зависимости от успехов или неудач на том или ином участке фронта.

Алексеев предлагал Жоффру вариант, при котором части экспедиционного отряда либо перебрасываются в Галицию на усиление Юго-Западного фронта, либо (на что более всего рассчитывал генерал) начинают совместные с Румынией наступательные операции через Яссы на Сучану—Дрона—Ватра. Не исключался и вариант десанта в Болгарию, вблизи Варны. Тем самым, по мысли штабаверха, удалось бы решить обозначенные выше стратегические задачи: снять давление австро-германских войск на сербскую армию, включить Румынию в состав антигерманской коалиции и нейтрализовать военную угрозу со стороны Болгарии.

Но мог ли Восточный фронт собственными силами обеспечить выполнение данного конкретного плана? Маловероятно, вследствие в первую очередь нехватки вооружения. Решить же эту проблему предстояло, по мнению Алексеева, не только за счет собственного производства или перевооружения воинских частей (разные марки винтовок: для строевых частей на фронте и отдельно — для тыловых гарнизонов), но, прежде всего, за счет поставок союзников.

Ставка считала необходимым поставку союзниками не менее 500 тыс. винтовок, причем даже после получения первой партии (250—300 тыс.) можно было бы приступить к задуманным операциям. 7 ноября Алексеев предпринял еще одну попытку убедить союзников в перспективах боевых

действий на Балканах. Им была составлена памятная записка на имя представителей военных миссий Франции, Англии и Италии в Ставке, а также дано письменное разъяснение военных планов главе МИДа С.Д. Сазонову. В этих документах генерал подчеркивал, что именно с Балкан «мы можем нанести удар в наиболее опасном направлении для противника, объединить усилия союзных армий для достижения общей цели, вывести из колеблющегося состояния Румынию». Суть проекта Алексеева заключалась в создании сильной (не менее 10 корпусов союзников) группировки на Балканах, перенесении сюда главных усилий с Западного фронта, результатом которых могли бы стать: поражение австро-германских войск, их отступление за Дунай, освобождение оккупированной Сербии и дальнейшее наступление на Будапешт. В это же время союзные корпуса получили бы активную поддержку на флангах. Справа удар по сходящимся линиям к Будапешту нанесли бы войска Юго-Западного фронта, усиленные резервами 7-й армии, а слева, на Вену через Альпы двинулись бы итальянские войска. Активизация Юго-Западного фронта помогла бы и соседнему, Западному фронту русской армии начать наступление на Брест и Варшаву. Тем самым «успешное наступление союзных армий и достижение ими линии Брест—Львов—Будапешт может дать решительный поворот в ходе затянувшейся войны и повлиять на колеблющиеся нейтральные государства Грецию и Румынию, для которых реальная сила и успех будут более внушительны, чем дипломатические переговоры и обещания»¹³.

С первых же месяцев пребывания в должности штабс-капитана Алексей выступал активным защитником идеи четкой координации боевых действий всех стран Антанты. В этом он видел залог успеха. Правда, реальность не оправдывала ожиданий генерала. Тогда как страны Четверного союза смогли добиться желаемой боевой общности, страны Антанты никак не могут выработать общую стратегическую мысль. В телеграмме 7 января 1916 г. своему предшественнику в должности главнокомандующего Северо-Западным фронтом, генералу от кавалерии Я.Г. Жилинскому, назначенному военным представителем России при французской Главной квартире, Алексей отмечал необходимость «установить общую идею борьбы постепенного сжимания и окружения Германии, выработать соответственно с этим значение отдельных театров и что на них желательно достигать, согласовать по времени операции на различных фронтах. Без всего этого действия противника носят характер глубоко продуманных общего значения предприятий, наши — каких-то частных ударов, не связанных ни общ-

¹³ Емец В.А. Указ. соч. С. 230–232.

ностью замысла, ни временем: когда одни атакуют, другие по различным причинам бездействуют».

В другой телеграмме (от 18 января 1916 г.) Жилинскому Алексеев высказывался относительно союзной помощи еще точнее: «...Заключение, что Франция, имеющая 2 200 000 бойцов, должна быть пассивна, а Англия, Италия и Россия должны “истощать” Германию, — тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, но внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегически, безусловно, необходима. Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, — на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть, хотя немного обоюдные, а не односторонние...»¹⁴

Предложенный проект не получил ожидаемой поддержки союзников, считавших Балканский театр военных действий второстепенным. Поэтому Алексеев не стал доводить его до детальной оперативно-стратегической разработки. Реальное положение на фронте в начале 1916 г., тем не менее, позволяло, как считал наштаверх, нанести сосредоточенный удар по противнику силами одного лишь Юго-Западного фронта. Не дожидаясь окончательного ответа союзников, Алексеев во Всеподданнейшем докладе от 31 октября 1915 г. изложил план удара по австро-венгерским войскам в районе Черновцы—Станислав, с дальнейшим развитием наступления на Львов. Примечательно, что обозначенная здесь Алексеевым коммуникационная линия наступления проявится предстоящим летом, во время Брусиловского прорыва (в успешных действиях 7-й и 9-й армий Юго-Западного фронта).

Предписания, разработанные наштаверхом для Юго-Западного фронта (главное значение имела директива Ставки от 10 ноября за № 5202а, а также телеграмма от 30 декабря за № 5527а), показывали, что задуманная операция предполагалась отнюдь не как частный, тактический удар по противостоящим силам противника. К сожалению, до сих пор в историографии недостаточно изучаются проблемы, связанные с боями декабря 1915 г. — января 1916 г. (бои на реке Стрыпе). В случае достижения успеха Алексеев предполагал вывести весь Восточный фронт из состояния позиционного тупика, бесперспективность и опасность которого (большие затраты на содержание фактически бездействующих армий, угнетенное психологиче-

¹⁴ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года... С. 36.

ское состояние солдат и офицеров, не видящих перспектив продолжения войны, и упадок настроения из-за неудачных боев уходящего года) он отчетливо понимал. Поэтому Ставкой предусматривалось не только нанесение удара Юго-Западным фронтом на линию Красне—Львов, но и возможность перехода в наступление и Западного фронта, которому следовало развивать наступление на Брест. А продвижение к фронту Брест—Львов—Сигет не только позволит оказать «непосредственную помощь союзникам», но и поставит под угрозу захваченные летом 1915 г. австро-германскими войсками коммуникационные линии в привислинских губерниях.

Еще более важно отметить комбинированный характер предполагаемого наступления. Здесь, очевидно не без учета опыта боев под Горлице и Свенцянами, Алексеев отмечал, что пехота должна перейти в наступление только после интенсивной артиллерийской подготовки (предполагалось, что трехдюймовки смогут пробить проходы в проволочных заграждениях, а гаубицы и тяжелая артиллерия ударят по укрепленным сооружениям врага). В развитие же успеха предполагалось бросить в тыл противника, за Карпаты и Венгерскую равнину, сосредоточенную конную группу (с этой целью сосредоточивался конный корпус под командованием генерал-лейтенанта А.М. Драгомирова). Более того, в оперативный резерв Юго-Западного фронта переводились части Гвардейского корпуса. Показательно, что Алексеев, вполне доверяя своим недавним сослуживцам, предоставлял командующему фронтом (им продолжал командовать бывший непосредственный начальник Алексеева — генерал от артиллерии Н.И. Иванов) самому выбрать направление, в которое следовало вводить резервы и кавгруппу¹⁵.

Таким образом, в первой же самостоятельно разработанной операции в должности штабс-капитана Алексеев проявил весьма яркие стратегические способности. Им намечались важные направления ударов, подчеркивались необходимость координации усилий разных родов войск, существенное значение артподготовки (то, что позднее получит название «артиллерийского налета») и своевременность ввода резервов для развития и углубления прорыва. Планировалось тесное взаимодействие фронтов русской армии с обязательной поддержкой со стороны союзников. Все эти военные и геополитические факторы были признаны необходимыми для успешной операции.

¹⁵ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. М., 1920. С. 9—10.

Генерал М.В. Алексеев в Ставке. Могилев. 1916 г.

Достаточно точно описал план генерала известный военный теоретик, участник Первой мировой войны полковник Е.Э. Месснер: «...План Алексева был таков: усилить Юго-Западный фронт резервами Северного и Южного фронтов и от рубежа Ровно—Проскуров предпринять энергичное наступление на Запад — на Галицию, на Карпаты. Одновременно с этим англо-франко-сербо-греческие войска должны от Салоник повести наступление на север через Македонию и Сербию. Пунктом встречи этих двух армейских масс будет Будапешт. Говорили, что одной из деталей широко задуманного плана было — собрать в тылу Юго-Западного фронта всю нашу кавалерию и, по прорыве пехотой укрепленных полос австро-венгров, кинуть эту конницу вперед, чтобы стотысячной массой коней расстроить вражеское сопротивление на пути к венгерской столице.

План генерала Алексева имел целью занятием столицы Венгрии побудить эту страну к отделению от Австрии и заключению сепаратного мира. Это заставило бы и Австрию капитулировать. В результате Германия была бы изолирована и к дальнейшему сопротивлению неспособна...»¹⁶

Однако перспективы задуманной наштаверхом операции не осуществились. 14 декабря перешли к атаке части 9-й армии. 16 декабря к ней присоединилась 7-я армия, перевезенная с Черноморского побережья, и началась атака австрийских позиций. Около месяца шли бои, которые

¹⁶ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С. 419.

не принесли решительного перевеса наступающим. Правда, операция была остановлена самим Алексеевым (телеграмма от 13 января 1916 г.), считавшим, что следует иметь свободные войска, по причине возможного вступления в войну Румынии. Но в общем линия фронта практически не изменилась, войска понесли большие потери, снова восстановилось состояние позиционной войны.

Не вдаваясь в детали осуществления операции, следует отметить, что по всем вышеперечисленным военным и политическим параметрам были допущены отдельные ошибки и недочеты.

Организационные недочеты были очевидны. Но это указывал, в частности, в своем рапорте командующий 7-й армией (будущий главнокомандующий армиями Румынского фронта) генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев. По его мнению, следовало также учесть и погодный фактор (начавшиеся оттепели и полностью разбитые прифронтовые дороги), и слишком узкий фронт главной атаки, и крайне неудовлетворительную тактическую разведку позиций противника, и «преступную экономию» главкомом Юго-Западного фронта снарядов (что, правда, объяснялось вполне оправданными опасениями генерала Иванова, вызванными излишним перерасходом боеприпасов, допущенным в боях 1915 г.)¹⁷.

Допущенные ошибки были обобщены Алексеевым и изложены в телеграмме Жилинскому от 18 января 1916 г.: «Операция Юго-Западного фронта не привела к намеченной цели. Кроме действительно крайне неблагоприятной погоды — длительной оттепели, распутившейся почвы, в которой вязли орудия, лошади, даже люди, — были и более существенные причины, оказавшие влияние на такой исход. Прежде всего: а) отсутствие, по-видимому, веры в операцию у генерал-адъютанта Иванова и индифферентное отношение его к разработке плана; много в сношениях хитрил, в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на 4 дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих указаний для объединения работы армий, ограничиваясь писанием после совершившихся фактов критического обзора. Но это лишь оправдательные документы для личной репутации, к коей он ревнив; б) отсутствие вдумчивой, надлежащей разработки плана боя в 9-й и 7-й армиях; в) неправильные приемы атаки, особенно в 9-й армии, что повлекло к большим потерям; г) отсутствие единовременности атаки на фронте 7-й армии; д) сильные позиции, отлично укрепленные, большое количество

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2 об.; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. ... С. 13–15.

артиллерии и пулеметов у противника. Всему этому не дали надлежащей оценки: повторили те способы удара, которые удавались ранее при несколько иных условиях; е) недостаточное количество тяжелой артиллерии и особенно снарядов, и не вполне умелое применение наличного количества...»¹⁸

Алексеев признавал, что в результате операции удалось оттянуть силы противника с других участков фронта, но этим, собственно, и исчерпывался ее положительный результат, который мог быть гораздо большим.

Быстро меняющаяся стратегия и тактика войны требовали перемен и в штабной работе. По-новому требовалось проводить подготовку к операции. Генерал-лейтенант барон А.П. Будберг вспоминал, что вскоре после нового, 1916 года были получены копии письма начальника штаба Верховного главнокомандующего к начальникам штаба фронта, в котором подробно разбирались данные вопросы: «Письмо указывало, например, что в подготовительный период... не было проведено широких и тщательных разведок, а самое осуществление операции было произведено весьма скверно и без должного соображения с условиями снабжения, подвоза и кругооборота парков и обозов. Особенно подчеркивался факт движения пехоты в общее решительное наступление без должной артиллерийской подготовки, что и привело к огромным потерям и провалу всей операции; затем были перечислены многочисленные мелкие упущения и ошибки, не оставлявшие сомнений в том, что многие из верхних и средних регистров и рычагов командного и штабного руководства проявили свою полную неготовность к истовому и умелому исполнению своих профессиональных обязанностей и дали неопровержимые доказательства непредусмотрительности и неумения распорядиться в боевой обстановке...»

Для Алексеева как штабиста было очевидно, что многое из того, что предстоит сделать ради победы в войне, зависит не только от «духа войск», но и от четкого, организованного руководства войсками, от скрупулезного учета мелочей и деталей. Не случайно, очевидно, в самой Ставке генерал, не доверяя оперативные вопросы своим подчиненным, был вынужден многое «брать на себя». С одной стороны, конечно, подобные методы приводили к заметной перегрузке его самого и к обвинениям в том, что генерал «никому не доверяет», не в состоянии «организовать своих подчиненных». Но с другой — свидетельствовало о том, что сложившийся порядок управления требовал серьезной перестройки, а сделать это в условиях войны было крайне сложно. Это и заставляло Алексеева, ради «успеха дела», как говорится, «работать за троих».

¹⁸ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года... С. 33–34.

Будберг отмечал далее, характеризуя работу офицеров Генштаба, что «война отозвалась на профессиональной стороне командной и штабной работы не так, как того следовало ожидать, но ухудшила ее качество, а не улучшила. Спешная и лихорадочная военная обстановка очень скоро отразилась на размерах и качествах как самоконтроля, так и надлежащей поверки со стороны старших инстанций; постепенно была забыта повелительная необходимость самой кропотливой работы по тщательной подготовке и детальной отделке всякой военной операции во всех ее составных данных; мало-помалу ослабли качества исполнения по отделам изучения обстановки, подробных рекогносцировок, согласования боевых планов и расчетов с вопросами снабжения и т.п. Все это перешло в руки штабной молодежи, недостаточно прочно оттренированной...

Создалась и укрепилась привычка делать многое одним махом, в уверенности в собственной безошибочности и в ненужности тратить силы и время на разные мелочи и проверки. По мере роста таких тенденций и привычек работа старшего командования и старших штабов освободилась от многого ей неотъемлемо присущего и обязательного, а это весьма способствовало облегчению способности зарождения и испытания разных боевых фантазий, каковые при правильном функционировании всего командного аппарата должны были обнаружить свои недостатки и несообразности, но в нашей действительности получали утверждение и приводились в исполнение...»¹⁹.

Недостатки в штабной работе сочетались и с недостатками в снабжении. Традиционные заявления о снаряжном и патронном «голоде» в представлении Алексеева получали более конкретный смысл. В цитированном выше письме Жилинскому он отмечал, что «наиболее остро ощущаем мы теперь: а) недостаток тяжелой артиллерии, б) неприбытие винтовок, в) недостаток ружейных патронов. Некомплект людей в армиях покрыт, но многие остаются невооруженными. В среднем каждый корпус имеет около 20 тыс. вооруженных, а штатное число людей 28 800. Слабее всего дело обстоит в армиях Западного фронта. Если удастся выручить грузы с Белого моря и Архангельска (поставки грузов из Великобритании. — В.Ц.), то дело поправится».

Примечательна характеристика и тактических особенностей боевых действий, выраженная Алексеевым: «...Наши бои, вследствие недостатка артиллерии вообще, а тяжелой особенно, лежат на пулеметном и ружейном огне. Поэтому нечего удивляться, если средний расход ружейных патронов

¹⁹ Военный альбом генерала А.П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне 1914–1917. М., 2014. С. 146–147.

на человека у французов — 30, у англичан — 50, у нас — 125 в месяц...»²⁰ Этим отражалось характерное для русской армии периода 1915 г. положение, при котором приходилось сражаться с противником в условиях близкого контакта. Вместо эффективного, с дальних и ближних дистанций обстрела вражеских позиций приходилось в непосредственных условиях атаки обстреливать врага, проделывать проходы в проволочных заграждениях, уничтожать его укрепления. В этих условиях вся тяжесть боя ложилась на пехоту, на винтовочный, пулеметный огонь и даже на достаточно характерные для русской армии рукопашные схватки. Но это и приводило пехоту к большим потерям и не давало нужных результатов при прорыве. Должного взаимодействия войск пока достичь не удавалось.

Организационные последствия проведенной операции сказались на судьбе командующего фронтом. Генерал Иванов был отправлен в отставку, а новым командующим стал генерал Брусилов. Ему предстояло учесть ошибки предшественника и подготовить войска к новым боям.

К числу очевидных промахов при проведении операции следует отнести и не оправдавшиеся надежды на союзническую помощь. Сербия и Черногория были разгромлены к началу февраля 1916 г. Салоникский фронт активных боевых действий не предпринял.

Генерал Алексеев не принадлежал к сторонникам войны с Турцией любой ценой, а воспринимал ее, скорее, как вынужденную. По его убеждению, главным звеном противостоящего Антанте блока была только Германия. Скептически относился Алексеев к возможности операции по занятию Стамбула и Черноморских проливов. В 1915 г. — начале 1916 г. он считал эти планы проявлением тех самых стратегических фантазий, о которых писал Будберг. В сохранившихся документах Ставки имеются показательные резолюции штабс-капитана на проектах предлагавшихся десантных операций. На одной из докладных записок штаба командующего Черноморским флотом он написал, что штаб адмирала А.А. Эбергарда «продолжает выписывать стратегические вензеля, что не входит в круг его работы. Нужно хорошо разрабатывать задания и не давать хозяйничать “Бреслау” и “Гебену” (немецкие крейсера, вошедшие в состав турецкого флота. — В.Ц.). Нужно прекратить доставку неприятельских подкреплений и запасов Черным морем. Это задачи, выдвигаемые жизнью, а мечты о широких десантах отложить пока».

Более того, сохранившиеся документы показывают готовность Алексеева в тогдашней ситуации к сепаратному миру с Турцией (учитывая то

²⁰ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года... С. 36–37.

обстоятельство, что в войну ее втянули немцы, спровоцировав бомбардировку черноморских городов, и деятели «военной партии» во главе с военным министром Энвер-пашой, а сторонники мира с Россией были и среди окружения султана). В октябре 1915 г. на имя главы МИДа Сазонова Алексеевым была составлена соответствующая записка, в которой генерал, полагая, что цели войны «могут, а иногда и должны... расширяться в случае успеха и суживаться в случае неудачи», пытался убедить своего адресата — «в настоящее время цели войны не могут уже быть теми, какими они представлялись год назад». Необходима концентрация усилий на самом главном направлении.

Предполагая вероятность «окончательной утраты всей или части» территории России, Алексеев считал «единственной» задачей войны — разгром Германии: «всякие другие цели должны отпасть перед необходимостью сокрушить военную германскую мощь», а «Константинополь поневоле должен быть отложен на далекое будущее». Кроме того, наштаверх был убежден, что «недавнее присоединение Болгарии к нашим врагам окончательно и бесповоротно решило этот вопрос в таком смысле... Отсюда остается сделать вывод о желательности напрячь все наши силы к тому, чтобы примириться с Турцией, заплатив за это дорогой ценой». «Мы не в силах, — заканчивал письмо генерал, — преследовать иную цель как главнейшую, от которой зависит будущность России, т.е. сокрушение и изгнание из наших пределов врага. Одним из наидеятельнейших средств к тому может служить сепаратный мир с Турцией; а потому к скорейшему заключению такого мира нам следует приложить все наши старания».

Но примирение с Османской империей, как известно, не состоялось. Отказался рассматривать подобные проекты Николай II, для которого победоносное окончание войны означало также и осуществление давней идеи — получения контроля над Черноморскими проливами. А после победоносных для русской армии боев под Эрзерумом и на персидском фронте, вступления в строй линкоров-дредноутов Черноморского флота отстаивал эти идеи и сам Алексеев, рассчитывавший на скорую победу в 1917 г.²¹

Следующей важной операцией Восточного фронта, план которой был разработан Алексеевым, стала Нарочская. На этот раз решающий удар, который предстояло нанести Западному фронту, именно удар по немецким войскам, должен был стать приоритетным. Началу операции предшествовала межсоюзническая конференция в Шантильи, на которой, наконец,

²¹ Емец В.А. Указ. соч. С. 225–226, 233.

были приняты решения о «согласованных наступлениях в близкие между собой сроки, чтобы противник не успевал перебросить свои войска с одного театра на другой».

14 февраля 1916 г. в Ставке состоялось первое в новом году совещание, на котором присутствовали главнокомандующие фронтами и их начальники штабов. Данный факт важен сам по себе, поскольку вопреки даже собственным взглядам (как сторонника единоличных решений) Алексеев добивался максимально возможной согласованности действий всех военачальников, от которых будет зависеть успех предстоящих операций. Коллективное обсуждение предполагало и общее решение, и общую ответственность за реализацию намеченного плана. К началу совещания наштаверх подготовил доклад, в котором следовало бы выделить следующие, принципиально важные, стратегические моменты: «Наша задача — согласовать действия всех армий, не допуская изолированного их выступления и учитывая притом возможность или выступления Румынии против нас, или необходимость оказания ей поддержки». Как и прежде, успех наступательных операций ставился в прямую зависимость от степени снабжения фронтов стрелковым оружием и тяжелой артиллерией.

Теперь наштаверхом делался акцент на важности скоординированных действий всех фронтов, причем изначально выбранное направление главного удара не исключало возможности его изменения в зависимости от боевой обстановки: «...Северная армия (Северный фронт. — В.Ц.) прикрывает пути к Ревелю, Петрограду и Бологое; Западная — на Бологое, Москву, Гомель и Чернигов; Юго-Западная держится выжидательного положения. Наступление предпочтительнее вести левым флангом Северного фронта и правым Западного, усилив их Гвардией и 1-м корпусом с Юго-Западного. Если наступление будет развиваться успешно, Юзфронт перейдет к активным действиям, даже при неопределившейся роли Румынии, направляя главный удар на Ковель—Холм. Если бы пришлось наступать сначала Юзфронту, то главный удар должен был наноситься из района Ровно, причем фронт усиливается 4-мя корпусами резерва главковерха». Бои на Западном фронте координировались с Верденской операцией союзников²².

Также в докладе Алексеева отмечалась необходимость перегруппировки сил между фронтами (прежде всего подразделений Гвардейского корпуса). Подобная практика стала весьма распространенной в условиях, когда резервы уже не сосредоточивались в глубоком тылу (как это имело место в начальный период войны) и не перебрасывались из тыловых округов,

²² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. ... С. 16–18.

а накапливались там, где предполагалось нанесение главных, стратегически важных ударов.

За три месяца до детальной разработки плана Брусиловского прорыва Ставка фактически разработала общие стратегические принципы, следуя которым можно было добиться решающих успехов на протяженном Восточном фронте. Здесь можно выделить оценку двух основных методов проведения прорыва, выделяемую при изучении истории сражений Первой мировой войны. По мнению исследователей, выделялось два главных способа прорыва, применявшихся с различной степенью эффективности. Один из них можно было бы назвать «немецким опытом», пример чему — Горлицкий прорыв 1915 г. «Прорыв, — отмечали военные историки П.С. Смирнов и А.А. Строков, — производился на одном узком участке силами армии или на широком — силами нескольких армий. Прорыв, по взглядам германского командования, имел цель — подавляющими силами обрушиться на меньшие силы обороны, разгромить их и прорвать фронт, затем обрушиться всей атакующей массой на резервы противника в то время, когда они еще рассеяны, и все время увеличивать мешок, до тех пор, пока фронт противника не будет расколот». Аналогично Горлицкому прорыву, сосредоточивая силы на достаточно узком участке фронта (в силу специфики условий театра военных действий в Буковине), действовали и войска Юго-Западного фронта в отмеченной выше битве на Стрыпе (хотя результат их действий был далек от успеха).

Но в этом, казалось бы, логичном методе прорыва был очевидный изъян, проявившийся в условиях века техники (благодаря, в частности, густым транспортным коммуникациям). Противник обычно успевал подтянуть резервы, уравнять силы и таким образом сорвать начавшееся наступление.

Другой вариант — авторство Алексеева и, позднее, Брусилова, специфический «русский» план боевой операции. «Наиболее оправданной формой был прорыв на широком фронте путем нанесения нескольких одновременных ударов. Впервые осуществивший его Юго-Западный фронт сковал противника... и взломал его оборону... Прорыв укрепленной полосы противника протекал успешно, когда операция готовилась скрытно, а удар наносился внезапно, когда операция питалась из глубины резервами...»²³

Директива Алексеева на начало операции (от 16 марта 1916 г.) устанавливала, что Ставка расценивает предстоящие наступательные действия, как исключительно взаимосвязанные, скоординированные, наносимые хотя

²³ Смирнов П.С. Прорыв укрепленной полосы. М., 1941. С. 161; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 603–604.

и разными фронтами (Северным и Западным), но одновременные, рассчитанные на последующее развитие предполагаемого прорыва. В 12 пунктах директивы отражено стремление к нанесению как главных, так и вспомогательных ударов. Главные наносили 5-я армия Северного фронта (от Якобштадта на Поневеж) и 2-я армия Западного фронта (от Свенцяи на Вилькомир). Правда, если войска Северного фронта могли действовать, опираясь на железнодорожную рокаду от Якобштадта, их соседям предстояло еще пробиться к ближайшей железнодорожной ветке через заболоченную местность у озера Нарочь. Вспомогательные удары наносились на левом и правом флангах наступающих фронтов (12-й армией Северного фронта на Бауск и 10-й армией Западного фронта на Вильно). Примечательно, что самостоятельной атаки на Вильно Алексеев не планировал, обоснованно предполагая, что успешные главные удары неизбежно оттянут на себя войска противника и тем самым будут способствовать успеху вспомогательного удара 10-й армии. Аналогичное положение было и у Юго-Западного фронта, который, при изменении ситуации, мог бы перейти к самостоятельным действиям. Таким образом, войска обоих фронтов продвигались по сходящимся направлениям с перспективой последующего выхода широким фронтом на линию Ковно и Гродно. Замысел Нарочской операции не был точечным и единичным, а должен был привести к прорыву весьма протяженного участка позиций противника. «Удар должен быть решительным, — предписывала директива, — и произведен с полной энергией и напряжением, оказывая взаимное содействие во фронтах и армиях».

Показательны те пункты директивы, в которых обращалось внимание, в качестве обязательного условия, на сосредоточение в ближайшем тылу резервных групп, людских пополнений, а также крупных кавалерийских соединений (повторялся план битвы на Стрыпе) для развития успеха, достигнутого пехотой при поддержке артиллерии: «...Необходимо широко использовать конницу для внесения возможно большего расстройств в организацию тыла противника после прорыва, хотя бы в течение первых двух-трех дней... Гвардейскому отряду продолжать сосредоточение в указанном ему районе, откуда он будет направлен для развития операции сообразно обстановке... Штабам фронтов озаботиться приближением укомплектований для пополнения потерь в период операции...»²⁴

В указаниях главнокомандующему Западным фронтом генералу от инфантерии А.Е. Эверту по прорыву укрепленной полосы противника, отдан-

²⁴ Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на Русском фронте Мировой войны. М., 1938. С. 14–15.

ных накануне операции, предписывалось, в частности: «Атаку производить на всем активном участке, не намечая заранее определенной точки главного удара, но энергично развивая последний там, где окажется возможным, где противник скорее сдаст и где будет достигнут наибольший успех...; резервы располагать так, чтобы возможно было своевременно поддержать и развить успех как непосредственной поддержкой продвигающегося вперед участка, дабы стремление его вперед было неудержимо, так и атаками во фланг противнику, еще удерживающемуся на месте. При таких условиях части, преследующие отходящего противника, могут неудержимо стремиться вперед, не опасаясь за свои фланги и тыл..., пехотную атаку вести “волнами” — шеренга за шеренгой, сзади первой — гренадеры, которые должны очищать окопы от противника. “Волны” же должны катиться безостановочно вперед. Быстрота натиска обещает захват неприятельской артиллерии..., принять все меры для достижения связанности действий артиллерии, пехоты, бомбометов, пулеметов, сапер..., содействие артиллерии удару, наносимому пехотой, должно быть полное и непрерывное..., принять меры к закреплению достигнутого успеха, для чего: а) пулеметы иметь в передовых частях, немедленно выставляя их для закрепления захваченного, б) своевременно подводить подкрепления и продвигать вперед артиллерию, в) быстро перевертывать окопы противника против него, г) закреплять позиции саперными работами... В целях полного использования успеха, собрать возможно большую массу конницы за атакующей пехотой и, при первой возможности, бросить ее в тыл противнику, корпусную же конницу держать в непосредственной близости боевых линий для непосредственного использования частных успехов...»²⁵

В своих «Воспоминаниях» генерал Брусилов достаточно подробно описывал собственные указания по тактике прорыва, переданные им нижестоящим командирам. Однако стоит отметить, что не менее обстоятельные указания давались ранее и главному Западного фронта (17 пунктов указаний). Очевидно, январские критические замечания Алексеева (по поводу организационных недочетов в штабной работе) не прошли даром, и командиры больше внимания стали уделять подготовке боевых действий.

Но и бои у озера Нарочь не увенчались успехом для русской армии. На этот раз в качестве причин неудачи, в письме Жилинскому от 16 апреля 1916 г., Алексеев выделял исключительно технические и природные факторы. Численное превосходство, всегда беспокоившее наштаверха, было достигнуто («на каждый полк поставлена была дивизия и на дивизию —

²⁵ Там же. С. 35–37.

корпус» — отмечал Алексеев). Тем не менее: «...наступательные действия, начатые 5–8 марта войсками 2-й армии на участке между р. Дисенка и оз. Вишневское и частью 5-й армии в Якобштадтском районе, не получили полного развития и были приостановлены, когда совершенная распутица обратила все пространство боев в болото, покрытое водой, и до крайности затруднила подвоз, особенно боевых припасов. Наше наступление не дало нам существенных результатов... Для нанесения удара нами были собраны значительные силы, было обеспечено превосходство; часть — и большая — наших резервов осталась неиспользованной. Отсутствие успеха объясняется крупными недочетами управления войсками, употребления артиллерии, недостаточно разработанной подготовкой атак и особенно резко сказавшейся нашей бедностью в тяжелой артиллерии и снабжении наличных, даже тяжелых орудий, снарядами.

Пехота доблестно шла в атаку; полевая артиллерия не имела недостатка в патронах, хотя, при богатстве шрапнелей, у нас было мало столь нужных гранат; соотношение, принятое нашими учеными артиллеристами (1/3 гранат), осуждено требованиями жизни; строевые начальники усиленно требуют половины гранат, но не ручаюсь, что в ближайшем будущем Главное артиллерийское управление окажется способным удовлетворить это требование.

Грустно сознавать наши резкие недочеты управления после богатого опыта 20 месяцев войны, но еще тревожнее — вопрос о нашей крайней слабости в тяжелой артиллерии и снарядах для нее. Последние данные, которые я получил, рисуют положение безнадежным: отечественное производство не может нам дать не только орудий, но даже снарядов в достаточном количестве для выполнения одной хотя бы операции, длительностью не менее 20 дней. Попытка приобретения в Англии и Франции тяжелых орудий..., столь нам необходимых для борьбы с блиндажами и укрытиями, и 42-лин[ейных] пушек потерпела полную неудачу. Нет надежды и на изготовление соответствующих снарядов.

Без тяжелой артиллерии на долю нашей пехоты выпадают тяжелые потери, которыми приходится покупать продвижение вперед...»²⁶

Суммировать причины неуспеха Нарочских боев пытался и генерал Эверт, указавший «ряд ошибок и промахов тактического характера...: 1) войска вводятся в бой по частям, соседи бездействуют; в результате — последовательное поражение корпусов; 2) опаздывание резервов»²⁷.

²⁶ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года... С. 46–47.

²⁷ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. ... С. 26.

Стратегически Алексеев, очевидно, не считал бои у озера Нарочь неоправданными и бессмысленными. Ее провала наштаверх не признавал и ее оценку как «бойни», в ходе которой погибли тысячи солдат и офицеров, отнюдь не разделял.

С середины марта 1916 г. Алексеев приступил к непосредственной работе над планом новой наступательной операции, призванной стать решающей, переломной для всего Восточного фронта.

В докладной записке, составленной Алексеевым на имя Николая II 24 марта 1916 г., он доказывал, что в сложившихся на фронте условиях для русской армии в предстоящие месяцы возможен только наступательный характер действий: «...Каждый месяц выжидания ведет к лучшему обеспечению русской армии в материальном отношении, в смысле подвоза ружей и винтовочных патронов, — армия могла бы довести свою пехоту постепенно до полных штатов и образовать некоторый запас штыков для пополнения естественной убыли в боях... Во всяком случае, к началу мая ряды нашей пехоты будут достаточно сильны для оперативной деятельности... Главное же, чем приходится руководствоваться, — это воля нашего противника.

Бесспорно то, что материальное истощение Германии и Австрии заставляет их напрягать все свои, еще громадные, военные силы и средства для достижения решительного результата на том или другом фронте. Вероятная конечная неудача операции под Верденом... заставит немцев начать наступательные действия на нашем фронте тотчас, как это позволит погода. Имеются агентурные сведения, что немцы готовятся к большой операции на Двине при содействии своего флота... Вероятно, операция на Двине будет соединена с сильной вспомогательной атакой на левой оконечности нашего стратегического фронта — из Буковины: о подвозе туда войск мы имеем и агентурные сведения, и показания многочисленных пленных... Будут ли в состоянии противники наши собрать такие же подавляющие силы и средства, как в прошлом году, — сказать трудно, но что они будут искать решения участи борьбы именно весной, в этом едва ли может быть сомнение.

Следовательно, возникает вопрос, как решать предстоящую нам в мае месяце задачу: отдать ли инициативу действий противнику, ожидать его натиска и готовиться к сборке, или, наоборот, — упредив неприятеля началом наступления, заставлять его сообразоваться с нашей волей и разрушить его планы действий. Оборона требует такого же расхода людей и материальных средств, как наступление. Противник все равно не даст нам времени и возможности спокойно закончить накопление наших материальных средств; он заставит нас принять бой и расходовать те материальные запасы, которые мы к началу просыхания дорог накопим...»

Теперь речь идет именно о том, чтобы не дать немцам перехватить инициативу. И это очень важно для третьего года войны. Особенности Восточного фронта отличали его от союзного — Западного. «Наши союзники на французском театре, — писал Алексеев, — имеют для 700 километров столь большое количество сил и материальных средств и столь развитую сеть мощных железных дорог, что они могут спокойно выжидать атаки противника; в каждой точке они имеют возможность противопоставить противнику вполне достаточные силы для первого отпора и быстро подвести большие резервы, обеспечивающие уверенное развитие активной обороны.

В неизмеримо худших условиях для обороны находимся мы. Наши силы растянуты на 1200-верстном протяжении, одинаково уязвимом всюду; железные дороги — по их недостаточности и слабости — не обеспечивают скорой переброски резервов в достаточном количестве. Это лишает оборону активности и не обещает успеха.

Вот те условия, которые заставляют нас готовиться к наступлению в начале мая, чтобы упредить противника, наносить ему удар, заставить его сообразиться с нашей волей невыгодными последствиями исключительно пассивной обороны. Для начала мая мы можем составить свои соображения и план действий. После же того, когда начнет свою наступательную операцию противник, его действиям будет подчинена наша воля, и мы, только отбив его атаки, можем думать, что наша боеспособность сохранена в достаточной мере...»²⁸

Следующий важный момент — планирование наступательных операций по схеме: нанесение сильных, последовательных ударов по всей протяженности фронта. Последовательность и разнонаправленность ударов — еще одна особенность Восточного фронта.

Еще один, не менее важный, фактор значимости предстоящего наступления — его психологическое значение. Для солдат и офицеров, особенно тех, кто был призван из запаса — ополченцев и новобранцев, успешные, активные боевые действия приобретали понятный, очевидный смысл, укрепляли веру в победоносное окончание войны. Алексеев, еще в начале 1916 г. достаточно скептически относившийся к боевым настроениям на фронте, во время успехов Брусиловского прорыва был убежден, что начавшиеся боевые действия будут иметь решающее значение для всей войны²⁹.

Наконец, — решение вопроса о направлении главного удара. При том, что идея последовательных ударов по всей линии фронта оставалась неиз-

²⁸ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года... С. 73–74.

²⁹ Там же. С. 384.

менной, в стратегическом планировании нельзя было пренебречь значением определенного, возможно довольно широкого, участка Восточного фронта, на котором следовало провести решающие атаки. Согласно первоначальному плану Алексеева, главный удар должен был наносить Западный фронт. По сути, это становилось продолжением «приостановленных» боевых действий Нарочской операции. И хотя предстоящие операции следовало проводить и на иных участках, преимущества действий именно Западного фронта считались более очевидными.

Но приоритет Западного фронта не означал пренебрежения другими фронтами. Не меньшее значение имели бы и успешные действия Юго-Западного фронта. И это отнюдь не свидетельствовало о некоей ущербности, неопределенности в стратегии Ставки, ее зависимости исключительно от требований Антанты. Фактически приоритетность Западного или Юго-Западного фронтов вполне оставалась в рамках еще предвоенных стратегических разработок, в которых Алексейев принимал активное участие.

Представление о причинах, по которым Алексейев считал необходимым развивать удары на Германию, дают три его докладные записки на имя Николая II, составленные накануне совещания в Ставке главнокомандующих фронтами. В докладе от 22 марта 1916 г. наштаверх отметил опасность австро-германского наступления на Юго-Западном фронте и связанную с этим готовность к отражению вероятного удара: «...германцам наиболее выгодно было бы нанести нам удар на Юго-Западный фронт, где усиление австро-венгерской армии только четырьмя германскими корпусами (84 000 штыков) уравнило бы наши силы. На севере же эти четыре корпуса могут дать средства лишь для частного удара, например при содействии флота против Риги, сгладить же неравенство сил они не могут...» Алексейев считал, что «удар на юге» может быть довольно опасным, так как «если противник... четыре корпуса с резервом тяжелой артиллерии двинет сначала на Юго-Западный фронт, то он может рассчитывать отбросить наши войска от Румынии, парализовать деятельность последней и, предоставив австро-венгерской армии развивать первоначальный успех, перебросит свои корпуса с резервом артиллерии на Ригу или Минск...».

Для парирования возможного удара Алексейев, в традиционной для него манере оперативного использования подкреплений, считал необходимым «иметь к северу от Полесья резерв в распоряжении Верховного главнокомандующего для переброски в случае надобности на юг, не нарушая соотношений главнокомандующих».

Правда, возможности «Гвардейского отряда» (выполнявшего данную роль в операциях на Восточном фронте) Алексейев не преувеличивал. «...

По своей громоздкости и перегруженности тыловыми учреждениями, экономическим обществом, он совершенно не может выполнять роль такого подвижного резерва». Алексеев был уверен, что фронт должен создать собственные резервы, посредством отвода с передовой линии определенных частей (известный способ маневра вдоль линии фронта, использовавшийся генералом во время «Великого отступления» 1915 г.). Противодействовать вероятному наступлению австро-германских войск, а также «приняв меры к скорейшему окончанию формирования и боевой подготовки новых дивизий», можно было бы рассчитывать на устойчивость Юго-Западного фронта.

Но даже перед угрозой возможного удара австро-германцев на юге Алексеев весной 1916 г. был убежден в важности именно Западного фронта, западного направления: «...нельзя допустить, только в предположении такого плана, переброски сил ныне же на Юго-Западный фронт. Важнейшее стратегическое значение принадлежит театру к северу от Полесья, и здесь мы должны всемерно стремиться к обеспечению для себя превосходства в силах... К решительному наступлению без особых перемещений мы способны только на театре севернее Полесья, где нами достигнут двойной перевес в силах...»

Отнюдь не преуменьшая значения маневра, удачно выбранных направлений для удара, генерал был убежден, что фактор численного превосходства не стоит игнорировать. Тем более в условиях снижения качественного состава армии из-за больших потерь в сухопутных войсках и недостаточной боевой подготовки мобилизованных и запасных количественный фактор, в определенной степени, позволял компенсировать эти недостатки.

Не отрицая важности дальнейших операций на Западном фронте, Алексеев изменил направление предполагаемого удара, учитывая бесперспективность возобновления боев на прежнем рубеже у озера Нарочь. Теперь, согласно его плану, удары на Вильно и Двинск должны были наносить Западный и Северный фронты. Подвижный резерв главкома по-прежнему составляла гвардия, однако каждый фронт должен был обеспечить свои собственные резервы для отражения возможных ударов. Учитывая, что фронт противника незначительно вклинивался в позиции русской армии, Алексеев считал возможным «охват (его) с обоих флангов». «Два главных удара обоих (наших) фронтов разъединены пространством лишь 100 верст», — отмечал Алексеев. Это позволяло координировать усилия.

Численное превосходство двух фронтов было подавляющим: «...По идее, намечается удар 695 000 Северного и Западного фронтов против

125 000 противника, чем снова обеспечивается наше численное превосходство. Необходимо усердной работой со всеми начальниками добиться искусства производства тактической атаки, т.е. продуктивного употребления артиллерии и умелого ведения пехоты... Несомненно, перевес сил у нас велик; таковым он был и в минувшую операцию (Нарочская. — В.Ц.). Опыт указал, однако, что одно превосходство сил не обеспечивает успеха, что масса сил в наиболее решительные моменты операции или бездействует или вводится в дело малыми пакетами, по частям...»

Тактические приемы проведения наступательных операций, по мнению Алексеева, были таковы: «...Расчеты на успех следует основывать не на выборе участка, где слабые будто бы укрепления противника, что всегда почти обманчиво, а на подготовке атаки артиллерии, согласованности действий пехоты и артиллерии, на тщательном изучении всеми способами неприятельской позиции, на умелом использовании добытых сведений.

Поэтому для главных ударов выбраны по возможности районы сухие, возвышенные, где в случае неполного успеха можно продолжать действия хотя бы в виде позиционной войны, двигаясь, шаг за шагом достигая успеха продолжительной, упорной работой.

Такая подготовка требует внимательной разработки всех вопросов, указаний, требует распределения и эшелонирования артиллерийских запасов, подготовки эвакуации. Нельзя забывать и вопроса о “демонстрациях” в различных видах (до распространения ложных сведений включительно)...»³⁰.

Две другие докладные записки Алексеева Николаю II датированы 31 марта. В них более четко и определенно обозначены контуры предстоящего плана наступательных операций, по которому Юго-Западному фронту отводилась важная, но не главная стратегическая задача.

Снова наштаверх объясняет преимущества наступления перед обороной: «...Атаку противника мы можем отбивать пассивной оборонной позицией — самый неудовлетворительный и безнадежный способ борьбы, не оправдываемый ныне наличием наших сил и накоплением средств. Мы должны встретить удар противника общей контратакой, последняя может быть произведена или прямо против атакующих войск (в лоб), или, удерживая на этом участке противника, организовать удар на каком-либо другом участке фронта.

Правда, французы во время Верденской операции ограничиваются лишь короткими контрударами, стремясь сохранить Верден и свои пози-

³⁰ Там же. С. 68–72.

ции, но в таком решении более всего играет роль стремление не нести больших потерь и сохранить иссякающий людской запас для более решающей минуты в развитии войны. Такая минута еще не наступила.

Мы, при всей необходимости беречь людской материал, не должны руководствоваться такими соображениями: энергичный и удачно нанесенный контрудар может дать нам свободу маневрирования вне проволочных препятствий.

Встреча немецкой атаки контрударом может дать нам большие результаты: мы можем быть избавлены от необходимости преодолевать проволочные заграждения и иметь дело с искусно организованной фланговой обороной при помощи пулеметов и артиллерии.

Успех такого предприятия требует хорошо разработанных соображений в отношении группировки резервов и крайней решительности действий, когда выяснится точка удара противника. Большие результаты может дать и атака других участков, одержание успеха на которых может создать тяжелое стратегическое положение для противника. Но выполнение такой атаки труднее.

Тот или другой способ контрудара должен быть применен своевременно. Это может быть обеспечено лишь наличием достаточного числа свободных резервов и строго обдуманном их расположением, допускающим быстрое сосредоточение по железным и грунтовым дорогам.

Связь, между соображениями по подготовке к наступательной операции и производству контрудара должна составить важнейшую часть наших ближайших работ. Корпуса, выведенные в резерв, не должны быть уже теперь скученными, ибо это помешало бы быстрому сбору их для контрудара и заблаговременно послужило бы противнику признаком готовящейся наступательной операции и плана ее.

Следовательно, в ближайшее время сосредоточение и расположение наших резервов должно представить переходную ступень к будущей наступательной операции...»³¹

Вторая докладная записка от 31 марта 1916 г. развивает теорию массированного наступления, применительно к каждому отдельному фронту, еще раз доказывает своевременность и перспективность разработанного плана сосредоточенных одновременных ударов по всей линии Восточного фронта. «...Главнокомандующий Западным фронтом считает, что удар нужно произвести лишь в одном каком-либо фронте, так как на несколько одновременных ударов у нас не хватит ни войск, ни, особенно, материаль-

³¹ Там же. С. 74–76.

ных средств, главным же образом — тяжелой артиллерии и к ней снарядов, между тем без превосходства тяжелой артиллерии на успех рассчитывать нельзя...

Рассмотрим вопрос чисто теоретически. Конечно, наиболее правильным и желательным было бы решение собрать все силы и средства на одном фронте и произвести один удар. Но решать приходится при существующей и притом сложной обстановке. Северный и Юго-Западный фронты имеют, каждый сам по себе, столь важное и существенное значение в общем стратегическом положении, что существенно ослаблять их в пользу Западного фронта невозможно. Мы должны стоять прочно и на путях к Петрограду, и надежно прикрывать наши южные области. Если на пассивных участках силы, равные по числу штыков силам противника, то тем более это применимо в более широком масштабе к соседним фронтам.

Таким образом, становясь на пользу практическую, приходим к выводу, что, оставляя за каждым из фронтов необходимые резервы, мы не будем в состоянии усилить значительно силы и средства Западного фронта.

Является вопрос, что должны делать во время атаки войск Западного фронта наличные силы Северного? Должны ли они ограничиваться выполнением только пассивной задачи и обеспечением путей на Петроград, или, подтянув к тому или другому району возможно большее число своих войск, выполнить ими вспомогательный удар?

Казалось бы, при последнем способе действий Западный фронт получит несравнимо большую поддержку, чем при непосредственном подкреплении его двумя корпусами Северного флота, не говоря уже про то, что, выделив из своего состава до двух корпусов, Северный фронт лишился бы в значительной мере свободы своих действий и был бы лишен средств для своевременного и надежного отбития атаки, примерно, на Риге или побережье.

Нужно сказать, что постепенное выяснение условий производства последней операции говорит о том, что основной причиной неудачи был не недостаток штыков, резервов, тяжелой артиллерии, а несовершенство подготовительной работы, недостаток детальной разработки такого сложного боевого акта, как прорывы укрепленной неприятельской позиции.

Итак, решая вопрос практически в области существующей обстановки, я прихожу к неизбежному, по моему мнению, выводу, что придется произвести два удара на расстояния в 125—130 верст один от другого, что не представляет какой-либо опасности.

Доложив свой взгляд, вытекающий из общей совокупности условий ведения нами борьбы, я представляю его на обсуждение совещания...

Нужно, однако, твердо установить, что решающая роль предстоящей операции будет принадлежать Западному фронту. Задача Северного фронта — вспомогательная...

Совокупность действий войск при современных условиях, как показывает опыт на французском и нашем фронтах, указывает, что едва ли можно рассчитывать на выполнение в один прием глубокого проникновения в расположение противника, хотя за ударными корпусами была бы поставлена вторая линия корпусов, как это предполагает в своих соображениях главнокомандующий Западным фронтом. Приходится признать, что вторую линию обороны нужно атаковать по тем же приемам, как и первую. При иной постановке вопроса нас ожидают или разочарования или тяжкие безрезультатные жертвы. Суть в том, чтобы при последовательных, подготовленных атаках выполнять прорыв, нанести противнику потери и разбить основательно часть его войск...

Сложность обстановки, слагающейся для Юго-Западного фронта при далеко невыясненном положении Румынии, при ослаблении боевой линии противника выводом из нее от пяти до семи дивизий (считая в том числе 1-ю и 22-ю германские) на французский фронт, заставляет фронт увеличить число выведенных в резерв корпусов и вывести одно армейское управление. До декабря 1915 г. все протяжении фронта без затруднений управлялось тремя армейскими управлениями. К этому можно вернуться и теперь.

В случае нужды собрать армию на границе Румынии или в Добрудже, свободное армейское управление будет всегда в готовности взять на себя указанную задачу.

Это не исключает возможности использовать это управление и на том или другом участке своего фронта, если обстановка это позволит...»³²

Генерал не исключил возможности перемены в выборе направления удара. В зависимости от развития успеха, от общей стратегической ситуации в действие мог вступить как первый (удар против Германии), так и второй вариант (удар по Австро-Венгрии) дальнейших действий.

Алексеевым также подчеркивалась неизбежность взаимодействия фронтов между собой и одновременно — с союзниками. Принцип коалиции, военного союза наштаверх отстаивал неизменно.

Уже после совещания в Ставке в письме генералу Жилинскому в Париж (16 апреля 1916 г.) он указал на возможности Восточного фронта применительно ко времени начала наступления: «...мы можем принять на себя обязательство или атаковать ранее на две недели, чем союзники, или при-

³² Там же. С. 76–79.

ступить одновременно с ними к действиям. Едва ли имеются серьезные основания к разновременному началу операции. Прочность неприятельских позиций позволяет ему не особенно стремиться к поспешной переброске войск с одного фронта на другой. Противник ограничивается снятием войск с неатакованных участков своего же фронта для первоначального усиления участков, на кои направлены удары.

По моему мнению, атака должна быть одновременной, хотя я не буду настаивать на этом, если верховное командование союзников имеет по этому поводу какие-либо особые соображения. Необходимо лишь одно: чтобы общая мысль связала операцию на итальянском, французском и русском фронтах...»³³

В ходе совещания в Ставке 1 апреля 1916 г. выяснилось, что командование Западного фронта не проявило должной заинтересованности в наступлении, тогда как Юго-Западный фронт, по заявлению Брусилова, был готов к самым активным наступательным действиям.

Тем не менее общий стратегический план пока оставался прежним, что подтверждает директива Алексеева главнокомандующим фронтами, отданная 11 апреля. В ней, в частности, подчеркивалась важность скрытной подготовки к наступлению, а само наступление предполагалось как форма контратаки в случае, если противник первым начнет наступательные действия: «...Иметь в виду возможность перехода противника в наступление ранее нанесения намеченного нами удара. Этим сооружением надлежит руководствоваться при расположении сосредоточиваемых войск в период, предшествующий атаке. Наступление противника встретить смелой, решительной контратакой, памятуя, что мы должны в полной мере использовать наше численное превосходство и высокое нравственное состояние войск».

Показательны ссылки Алексеева на опыт Западного фронта. В них он обращал внимание на специфику тактики в условиях подготовки к прорыву: «...Помимо соответственного распределения резервов, необходимо для скрытия наших намерений рассредоточить внимание противника. Французы для этой цели прибегли в свое время к устройству подходов к позициям противника почти по всей линии своего расположения. Немцы перед Верденской операцией произвели ряд частных атак по всему фронту. Такие демонстративные удары, где это возможно, могли бы быть применены и нами...»

Необходимо было нанесение комбинированных ударов армии и флота: «...Особенно выгодно привлечение внимания противника к нашему право-

³³ Там же. С. 48.

му крылу, где атака войск могла бы быть скомбинирована с действиями флота... со стороны Моонзунда на побережье Рижского залива...»³⁴

Таким образом, с конца 1915 г. и на протяжении всего 1916 г. русская армия постоянно стремилась сохранить за собой стратегическую инициативу. Несмотря на заметные неудачи «Великого отступления», потери Привислинского края, большей части Литвы и Галиции, весь описываемый период Ставка исходила из необходимости проведения только наступательных операций. Более того, наступление, в традициях военного искусства, считалось лучшей формой обороны.

Русское военное искусство в 1916 г. проявилось в освоении совершенно новых, стратегически оправданных и перспективных операций. Хотя их немедленный эффект оказался меньшим, чем ожидалось, а из-за неудач боев под Ковелем некоторые были склонны, впрочем, ставить под сомнение успех Брусиловского прорыва, но итоги операций конца 1915 г. — 1916 г. имели важное значение для последующего хода войны. И, безусловно, большая заслуга в разработке этих операций принадлежит начальнику штаба Ставки М.В. Алексееву.

³⁴ Там же. С. 82–83.

REFERENCES

1. *Alekseeva-Borel' V.M.* Sorok let v ryadah russkoy imperatorskoy armii: General M.V. Alekseev [Forty years in the ranks of the Russian Imperial army: General M.V. Alekseev]. SPb., 2000. 752 p.
2. *Ajrapetov O.R.* Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). 1916 god. Sverhnaprjazhenie [Participation of the Russian Empire in the First world war (1914–1917). 1916. Overvoltage]. M., 2015. 384 p.
3. *Bazanov S.N.* Aleksej Alekseevich Brusilov [Aleksej Alekseevich Brusilov]. M., 2006. 47 p.
4. *Berhin I.B., Fedosov I.A.* Istorija SSSR. Uchebnik dlja 9-go klassa srednej shkoly [History of the USSR. Textbook for 9th grade of high school]. M., 1978. 382 p.
5. *Emec V.A.* Oчерки vneshnej politiki Rossii v period Pervoj mirovoj vojny. Vzaimootnoshenija Rossii s sojuznikami po voprosam vedenija vojny [Essays on the external policy of Russia during the First world war. Russia's relations with allies on issues of war]. M., 1977. 368 p.
6. *Olejnikov A.V.* Rossija i sojuzniki v Pervoj mirovoj vojne 1914–1918 gg. [Russia and allies in the First world war of 1914–1918]. Astrahan', 2009. 160 p.
7. *Os'kin M.V.* Pervaja mirovaja vojna [The First world war]. M., 2010. 368 p.
8. *Podorozhnyj N.E.* Narochskaja operacija v marte 1916 g. na Russkom fronte Mirovoj vojny [Narochskaja operation in March of 1916 on the Russian front of World war]. M., 1938. 180 p.
9. *Rostunov I.I.* General Brusilov [General Brusilov]. M., 1964. 248 p.
10. *Smirnov P.S.* Proryv ukreplennoj polosy [Breakthrough of the fortified zone]. M., 1941. 206 p.
11. *Strokov A.A.* Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoj mirovoj vojne [The Armed forces and military art in the First world war]. M., 1974. 616 p.

Ключевые слова:

М.В. Алексеев, Ставка Верховного главнокомандующего, оперативное-стратегическое планирование, Юго-Западный фронт, Брусиловский прорыв, битва на Стрыпе, Нарочская операция, Ковельские бои.

Vasily Zh. Tsvetkov

GENERAL M.V. ALEKSEYEV, HEAD OF THE COMMANDER-IN-CHIEF S HEADQUARTERS

War strategy experience at the end of 1915–1916

The article discusses the planning and conduct of combat operations on the Eastern Front in the end of 1915–1916. One of the key roles in those events was that of the Infantry General M.V. Alekseyev, who was at that time Head of the Commander-in-Chief's Headquarters. It was the time of active preparations for the offensive of the spring and summer 1916, also known as the Brusilov Offensive. This article also delves into the development of Russian warfare during WWI.

 Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории
Московского государственного педагогического университета

А.В. Олейников

ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В КАМПАНИИ 1916 г. В ОПЕРАТИВНО- СТРАТЕГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

к началу кампании 1916 г. русские оперативно-стратегические планы во многом обуславливались общесоюзным планом Антанты, выработанным в конце 1915 г. на конференции в Шантильи. На совещании в Ставке Верховного главнокомандующего 11 февраля 1916 г. был принят принципиальный план нанесения главного удара в летней кампании — левым флангом Северного и правым флангом Западного фронтов.

Общие сроки согласованного наступления французских и русских войск планировались на конец весны — начало лета, но германское наступление под Верденом внесло в эти замыслы значительные коррективы: русской армии опять пришлось спасать своего союзника. Неожиданность этой ситуации для противника усугубилась тем, что после ударов 1915 г. германское Верховное командование считало Россию парализованной, а русскую армию неспособной произвести серьезные сдвиги в оперативно-стратегиче-

¹ Начало см: Олейников А.В. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1914 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 50–67; *Он же*. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1915 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2015. № 14. С. 8–40.

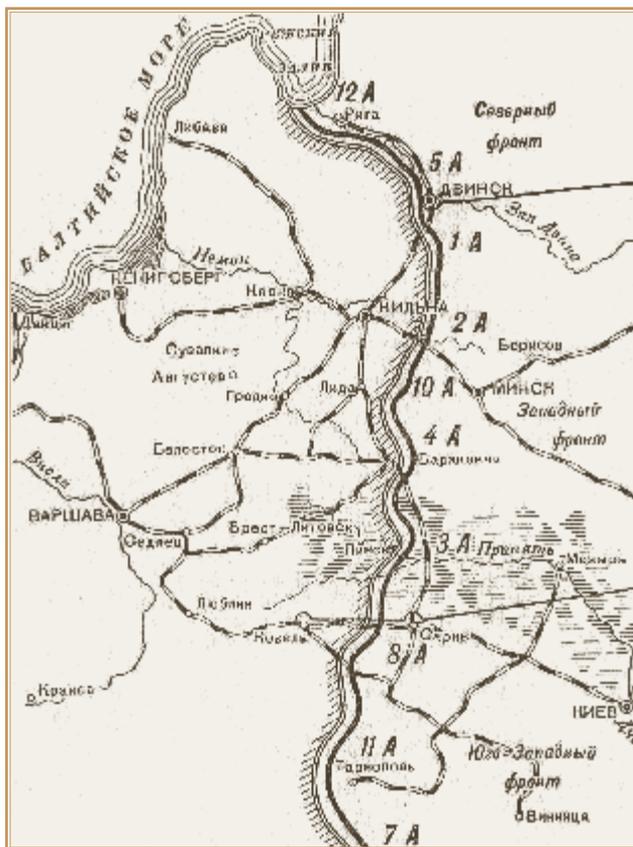

Схема 1. Восточный фронт к марту 1916 года.
Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938

ческой обстановке. Операции кампании 1916 г. развивались в условиях позиционной войны.

К этому времени сформировалось 4 театра военных действий (ТВД): Прибалтийско-Белорусский, Галицийский, Румынский и Кавказский.

Прибалтийско-Белорусский ТВД

Данный ТВД прикрывал важнейшие стратегические направления и контролировался войсками Северного и Западного фронтов. К началу кампании на этом ТВД противником были сосредоточены до 180 тыс. штыков и сабель против Северного фронта и до 358 тыс. штыков и сабель против Западного фронта². Реализация принципов коалиционной войны в связи

² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. М., 1920. С. 110.

с Верденской операцией привела к преждевременному переходу в наступление войск Северного и Западного фронтов. Был выработан план их совместной операции в районе г. Двинск — оз. Нарочь — оз. Вишневское. Намечалось проведение двух наступательных операций, объединенных общей целью — отсечь виленскую группировку немцев от Ковно и от переправ через р. Неман. На Северном фронте наступление должно было развиваться от Якобштадта на Поневеж, а на Западном — от Сморгони на Вильно.

В основе замысла лежала идея стратегического прорыва — выйти на Вильно, овладеть Ковно, отрезав германские войска у Риги и Двинска, и продвинуться к границе Восточной Пруссии. Это была грандиозная стратегическая задача — в случае успеха русские войска отвоевывали у германцев одним ударом сразу почти половину потерянной в 1915 г. территории. Но достижение цели русского командования упиралось в непреодолимые тогда трудности — эшелонированную оборону противника, разрушенные пути сообщения и, главное, великолепные коммуникации немцев. Овладев стратегической сетью прибалтийских железных дорог, они могли беспрепятственно перебрасывать резервы в любых количествах.

Русская ударная группировка в ходе Нарочской операции 5–17 марта (2-я армия и часть сил 5-й) состояла (вместе с резервами и XIV армейским корпусом 1-й армии) из 12 корпусов. Общее руководство операцией осуществлял командующий наносившей главный удар 2-й армией генерал от инфантерии В.В. Смирнов, но после того как он заболел, его армия была передана под командование генерала от инфантерии А.Ф. Рагозы. Фактически последний и осуществлял общее руководство Нарочской операцией. На участке главного удара сосредоточились довольно внушительные силы русских войск — до 460 тыс. (в том числе до 375 тыс. во 2-й армии, наносившей главный удар) человек, но слабо обеспеченные артиллерией. На 10 армейских корпусов имелось лишь около 1 тыс. легких и 150 тяжелых (до 152 мм) орудий. Таким образом, на тысячу штыков приходилось не более 2,5 орудия. Что же касается плотности насыщения артиллерией на участке главного удара, то она была довольно высокой для того времени: в среднем 12–18, а на некоторых отдельных участках до 35 орудий разных калибров на 1 км фронта. Правда, эта норма была ниже тех, которые к тому времени были достигнуты на англо-французском фронте: до 100 орудий на 1 км фронта³.

³ Барсуков Е. Артиллерия в обеспечении прорыва. Мартовская операция 1916 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 26.

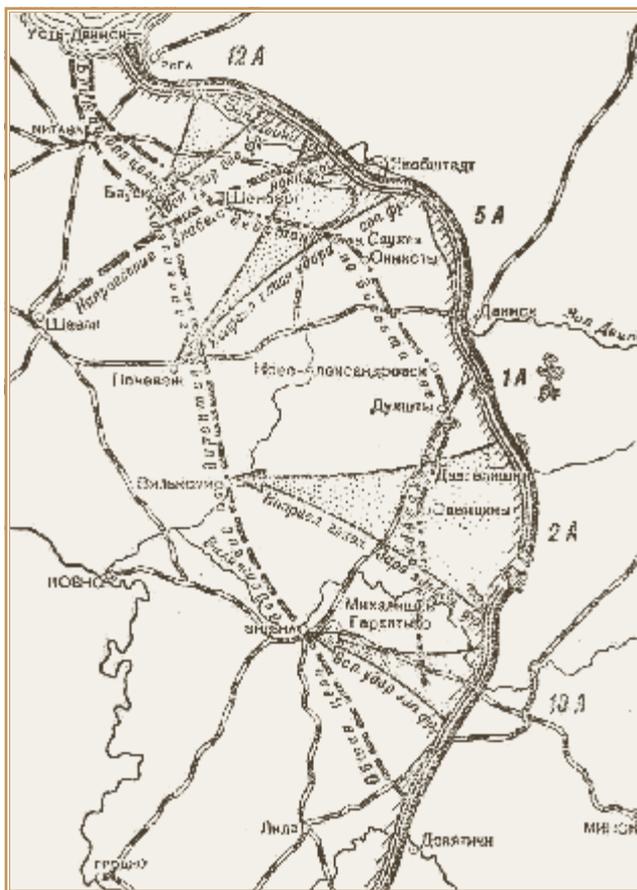

Схема 2. План Нарочской операции.

Подорожний Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938

Противостояли русским войскам 2-й и 5-й армий дивизии германских 10-й армии, часть сил армейской группы генерала артиллерии Ф. фон Шольца и 8-й армии — свыше 100 тыс. солдат и офицеров (в том числе 82 тыс. в 10-й армии), занимавшие глубоко эшелонированные и устоявшиеся позиции. Район наступления (лесисто-болотистая и озерная местности), а также ограниченные силы русских, выделенные для удара, не предполагали достижения какого-либо крупного оперативного результата. Важнейшей задачей была помощь французам.

Западный фронт, наносивший главный удар, атаковал тремя группами: генерала от кавалерии М.М. Плешкова (I и XXVII армейские корпуса, I Сибирский армейский корпус, VII кавалерийский корпус); генерала от инфантерии Л.-О.О. Сирелиуса (IV Сибирский армейский и XXXIV армейский корпуса); генерала от инфантерии П.С. Балужева (XXV, V, XXXVI армейские, III Сибирский армейский корпуса, Уральская казачья дивизия) — до 375 тыс. штыков и сабель. «Участок для наступления, — писал генерал-квар-

тирмейстер штаба командующего германским Восточным фронтом М. Гофман, — был хорошо выбран: главный удар последовал, с одной стороны, между озерами Вишнево и Нарочь, с другой стороны, у Постава. Двойной напор должен был охватить и опрокинуть 21-й германский корпус и таким путем осуществить широкий прорыв на Вильно—Ковно. Подсобные атаки имели место южнее Двинска, под Видзами, под самим Двинском и у Якобштадта. Атака открыта была 15 марта (здесь и далее в цитате по новому стилю. — А.О.) ураганным огнем невиданной на нашем фронте силы. С 18 по 21 марта и затем еще раз 26-го длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело и настойчиво, несмотря на тяжелые потери»⁴.

Для тяжелых позиционных боев было характерно то, что значимого, но локального успеха достигла лишь левофланговая ударная группа (Балуева) — было захвачено мест. Постава. Пристрелка, осуществлявшаяся три дня, выдала противнику направление главного удара. Потери участвовавших в наступлении русских войск составляли свыше 78 тыс. человек. Немцы потеряли до 40 тыс. человек, в том числе — около 1,5 тыс. пленных у мест. Постава и оз. Нарочь (20 офицеров и 1435 нижних чинов)⁵. Особенно высокие потери противник понес, когда контратаками пытался вернуть утраченные позиции. Косвенно вражеские потери подтверждает и размер переброшенных в полосу 10-й армии германских резервов.

Оперативно бои у Двинска и Нарочи оказались безуспешными, но закладываемый в них изначально результат тем не менее был достигнут. В частности, в течение недели нарочского наступления прекратились немецкие атаки на Верден. Германские армии в полосе русских Западного и Северного фронтов не смогли выделить на французский фронт в этот период (важнейший этап Верденской операции) ни одного соединения. Главное значение Нарочской операции для русского командования заключалось в том, что сосредоточение резервов противника в полосе активности русских войск способствовало успеху летней операции Юго-Западного фронта. Основные резервы германского Восточного фронта с марта по июнь были сосредоточены как раз севернее линии припятских болот, то есть против войск Северного и Западного фронтов.

Уже во время нарочских боев только германские силы, противостоявшие 2-й армии, возросли на 30 тыс. штыков и 230 орудий⁶. А в конце марта

⁴ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 108.

⁵ Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 124, 125; Летопись войны 1914—15—16 гг. № 84 оф. С. 151.

⁶ Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 125.

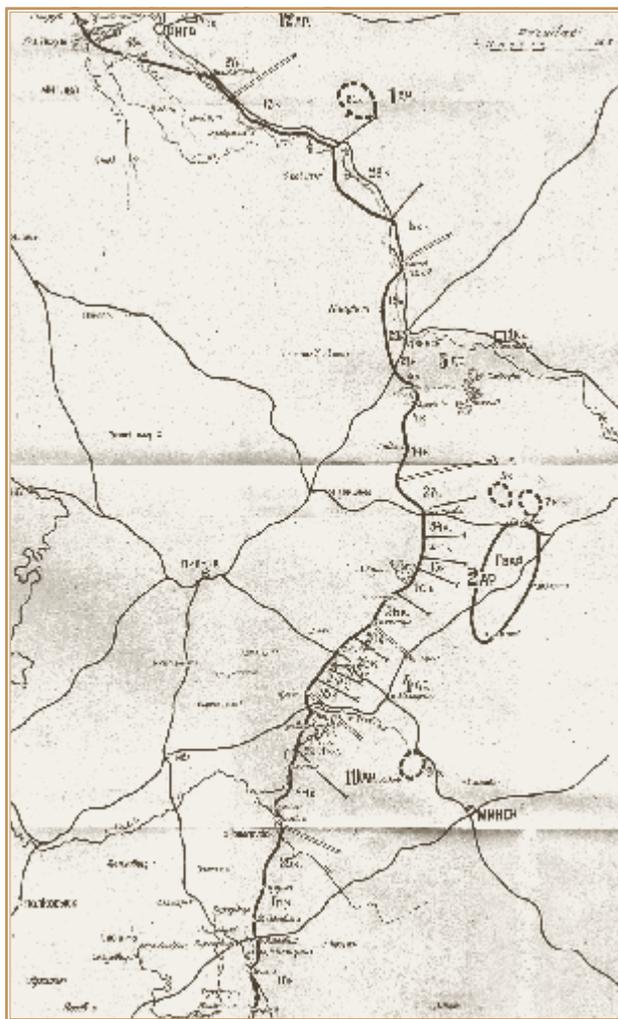

Схема 3. Прибалтийско-Белорусский ТВД летом 1916 года.
Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 6. М., 1923

группировка германских войск, противостоящая Северному фронту, увеличилась до 200 тыс., а Западному фронту до 420 тыс. пехоты и сабель — то есть возросла на 82 тыс. бойцов⁷.

Важное место отводилось ТВД в ходе летнего наступления. Так, согласно директиве Ставки, нанесение главного удара возлагалось на армии Западного фронта (главнокомандующий генерал от инфантерии А.Е. Эверт) в направлении на Вильно, а Северный и Юго-Западный фронты должны были оказывать лишь содействие — наступать с целью оттянуть на себя резервы противника. Тяжелая артиллерия и часть войск резерва передавались Западному фронту. Но фактически был утвержден план общего на-

⁷ *Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.* Ч. 5. С. 110.

ступления трех фронтов — такая ситуация позволяла реализовать свободу маневра в вопросе переноса тяжести главного удара.

11 июня в состав Юго-Западного фронта была передана 3-я армия, и командующий фронтом поставил задачу 3-й и 8-й армиям (до 200 тыс. пехоты и сабель) разбить противостоящего противника и овладеть районом Городок—Маневичи. 22 июня в ходе нового этапа наступления наибольший успех, как и раньше, наметился на правом фланге фронта. В результате трехдневных боев войска 3-й и 8-й армий прорвали оборону противника и нанесли ему очередное поражение. 24 июня 3-й и 8-й армиям была поставлена задача совместными усилиями овладеть Ковелем. И хотя в результате наступления русских войск было приостановлено, в боях 22—26 июня 8-я и 3-я армии нанесли ряд поражений германским войскам. 26 июня директивой Ставки нанесение главного удара вменялось в обязанность Юго-Западному фронту и указывалось его новое направление — Ковельское с перспективой наступления на Брест—Пружаны. Для этого в распоряжение главнокомандующего армиями фронта А. А. Брусилова был передан стратегический резерв Ставки — Гвардейский отряд и IV Сибирский армейский корпус, а с Северного фронта — III армейский корпус. Из этих войск Брусилов выдвинул группу генерала от кавалерии В. М. Безобразова (Особая армия) между 3-й и 8-й армиями. Хотя русские войска сбили противника в районах Селец и Трыстеня, но дойти до Ковеля не смогли. Враг сосредоточил на их пути крупные резервы и оказывал ожесточенное сопротивление. 15 июля русскими был взят г. Броды, но было поздно — германцы постепенно локализовали прорыв.

На 25 июля был назначен второй удар на Ковель. На Ковельском направлении ситуация сложилась неудачно, и 30 июля действовавшие там 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту. Тем не менее, по воспоминаниям Гофмана, «в некоторых пунктах положение стало угрожающим»⁸. В августе с переменным успехом бои велись на р. Стоход. Гофман писал в своем дневнике: «У Стохода идут тяжелые бои в одном месте. В течение двух дней я был несколько озабочен... Мы только и делаем, что стараемся наскрести какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час»⁹. Брусилов, считая Ковельское направление важнейшим, затормозил наступление у Луцка. По его мнению, наступление на Ковель отвечало не столько интересам фронта, сколько стратегическим целям всей кампа-

⁸ Там же. С. 118.

⁹ Гофман М. Записки и дневники 1914—1918 гг. Л., 1929. С. 214.

руки; уже нам пришлось, не думая о нанесении сильного удара противнику, парировать его удары, которые он начал наносить в различных местах. Войска Юго-Западного фронта, начав наступление с громадным успехом и не поддержанные своевременно, что называется, выдохлись, потеряли прорыв вперед и постепенно стали окапываться и переходить к занятию новых укрепленных позиций»¹⁰.

Были проведены и три наступательные операции у Барановичей (30–31 мая; 19–26 июня; 12–16 июля), но они имели минимальный тактический успех. В ходе первой операции Гренадерский корпус 4-й армии после почти 12-часовой артиллерийской подготовки и мощного штурма обороны противника овладел лишь частью передовых германских позиций. Осуществив до семи атак, корпус частично овладел и главной германской позицией, но развить успех либо удержать этот рубеж он не смог. Мощный огонь противника и настойчивые контратаки германских резервов вынудили части Гренадерского корпуса отойти в исходное положение. Корпус понес большие потери: до 7 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными (почти 27% боевого состава). Потери обороняющихся германцев — до 3 тыс. человек (из них до 100 человек пленными). Бой носил упорный и тяжелый характер.

Операция изобиловала тактическими промахами русского командования: слабость артиллерии и погрешности в ее применении, недостаточность резервов, узкий фронт атаки не позволили решить поставленную задачу. Достигнутый большой кровью тактический прорыв вследствие отсутствия второго эшелона (эшелона развития успеха) преобразовать в оперативную победу не удалось. С отводом войск в исходное положение были утрачены и результаты тактического успеха. Более того, ненужная активность Гренадерского корпуса в преддверии ширококомасштабного наступления показала противнику направление предполагаемого главного удара Западного фронта.

В ходе второго наступления у Барановичей на 145-километровом участке фронта русское командование сосредоточило 19,5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Планировалось прорвать германские позиции на фронте Цириш, Чвиры, Городище, Жабинцы, р. Мышанка, Русины. В ходе этого сражения трофеями 4-й армии стали 4 тыс. пленных и 15 орудий (всего австро-германцы потеряли 25 тыс. человек, в том числе до 8 тыс. убитыми и до 13 тыс. ранеными) противника. Потери русских войск — до 80 тыс. (30 тыс. убитыми, до 47 тыс. ранеными и до 2 тыс. человек пленными) сол-

¹⁰ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 305.

дат и офицеров. В ходе этого сражения русские войска смогли овладеть оборонительными позициями противника, но тактический успех в оперативный преобразовать не удалось.

Третий бой под Барановичами являлся демонстративным. В ходе этого наступления 4-я армия должна была сковать противника, не дать ему перебрасывать свои войска на Пинское и Ковельское направления. 4-я армия наступала по двум направлениям — 35-й армейский и 3-й Кавказский армейский корпуса (в резерве 3-й Сибирский армейский корпус) на Городище; 9-я, 31-я пехотные и 11-я Сибирская стрелковая дивизии (9-й армейский корпус в резерве) — на Барановичи. Несмотря на упорство русских войск, продвинуться дальше первой линии окопов противника не удалось.

Все три наступательные операции у Барановичей при потере русскими войсками 120 тыс. человек (в том числе 50 тыс. убитыми) не принесли заметного тактического успеха. Противник потерял до 40 тыс. человек (в том числе 20 тыс. убитыми). Значительный процент кровавых потерь — именно убитыми — является яркой иллюстрацией ожесточенности барановичских боев. Длительно подготовляемая и неоднократно повторяемая силами одной армии операция Западного фронта вылилась в изолированные действия почти не связанных между собой групп корпусов. Это вынудило Ставку перенести центр тяжести наступательных операций на Юго-Западный фронт, развивая достигнутый там оперативный успех. Западный фронт в это время наносил удары, имевшие минимальный тактический успех в условиях позиционной войны.

Пользуясь этим, германское командование подтянуло в полосу Брусиловского наступления до 20 дивизий из Франции и Македонии, а также с других участков. Противник желал создать в районе Ковеля ударную группу и вырвать инициативу из рук русского командования. Австрийцы, в свою очередь, приступили к переброске войск, отправленных на Итальянский фронт для участия в операции в Трентино. 3–9 июля состоялось и наступление ударной группы 12-й армии Северного фронта в направлении на г. Бауск. В кампании 1916 г. Северному фронту отводилась вспомогательная роль. Наступление началось 3 июля после трехчасовой артиллерийской подготовки, не давшей положительных результатов. Завязались тяжелые позиционные бои в тактической полосе обороны германских войск. Атаки русских частей перемежались с постоянно возобновляемой артиллерийской подготовкой. Германцы постоянно контраковали. К 7 июля ударная группа вышла на рубеж р. Кеккау. Безуспешные бои 12-й армии в период 3–9 июля стоили ее соединениям потери 15 тыс. солдат и офицеров.

Вместе с тем, исходя из важности операционного направления и соотношения сил противников, операции в Прибалтике были особенно чувствительны для германцев. Кроме того, наступление 12-й армии сковало значительные силы противника и ограничило его возможности для войсковых перебросок на юг — для борьбы с наступлением русского Юго-Западного фронта. Гофман писал: «...под Ригой бои были тяжелые, — там русским удалось сильным ударом выиграть пространство ... командующий восточным фронтом пока мало чем мог помочь (австрийской 2-й армии. — А.О.). Сильные русские атаки под Ригой были, правда, отбиты, но нельзя было предвидеть того, будут ли они продолжаться или нет. ... Рига была самым чувствительным местом северного фронта. Если бы русским удалось здесь сделать прорыв, то весь фронт отошел бы назад. Поэтому мы не могли отдать 1-й ландверной дивизии, имевшейся у нас там в запасе»¹¹. Особое значение имели операции Северного и Западного фронтов в период кризиса резервов австро-германского командования, когда все что только было возможно отправлялось в Галицию. В этой ситуации даже локальный успех мог оказаться последней каплей, опрокинувшей чашу весов противника против русских войск.

На излете кампании, 23–29 декабря силами 12-й армии Северного фронта была проведена локальная наступательная операция (так называемая операция по выравниванию фронта) в целях овладения участком германской позиции в районе оз. Бабит (правый берег р. Аа) и перерезания железнодорожной Олайской ветки (ответственна за боевое питание германской 10-й армии) и железной дороги Митава—Крейцбург. В отдаленной перспективе не исключалась возможность овладения Митавой. В операции были задействованы 110-я пехотная дивизия, 6-я особая бригада, 1-я и 2-я латышские бригады, 3, 14 и 5-я сибирские стрелковые дивизии.

Исполнявший в это время обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал от кавалерии В.И. Гурко так оценил Митавскую операцию: «Это наступление, явившееся для германцев полной неожиданностью, поначалу дало хорошие результаты. ...Тактическая оборона Рижского участка усилилась благодаря захвату ближайшего к Риге выступа германских оборонительных линий, который глубоко вклинивался в наши позиции к югу от озера Бабит на левом берегу реки Аа. Однако через несколько дней наши успехи закончились, а в нескольких местах наши части оставили ранее захваченную третью линию германских позиций. Это было вполне объяснимо по следующим причинам.

¹¹ Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 110.

Во-первых, при рытье новых окопов или при переделке для обороны старых германских траншей промерзшая земля плохо поддавалась усилиям наших солдат. Вдобавок та же замерзшая земля затрудняла разрушение германских оборонительных сооружений. Как следствие, противник в результате успешных контратак вновь занимал хорошо укрепленные траншеи, удобные для отражения наших следующих штурмов. Другая причина трудностей, с которыми столкнулась при наступлении 12-я армия, состояла в том, что на всех европейских фронтах наблюдалось полное спокойствие. Это позволило германцам, не опасавшимся ослабления резервов других своих фронтов, перебросить под Ригу столько подкреплений, сколько они сочли необходимым. Если бы эта операция была предпринята одновременно с наступлением на других русских фронтах и на фронтах союзников, то возникла бы значительная вероятность дальнейшего развития наших первых успехов»¹². Операция интересна технологией проведения — русские применили новый способ прорыва оборонительных позиций противника.

В ходе Митавской операции и последовавшего за ней германского контрудара в январе 1917 г. русские войска потеряли до 23 тыс. человек (в том числе 9 тыс. пропавших без вести). Германские войска по немецким данным в ходе Митавской операции потеряли 3,5 тыс. человек¹³ (в том числе 1 тыс. пленными), а также 33 орудия, 19 пулеметов¹⁴.

В ходе кампании 1916 г. Прибалтийско-Белорусский ТВД стратегически имел второстепенное значение. Но он имел важнейшее стратегическое значение для Антанты. Военный историк и теоретик Б. Лиддел-Гарт писал: «Россия с изумительной быстротой, хотя быть может и искусственной, оправилась от поражения. Это позволило ей сорвать планы германцев на 1916 г. Уже в марте Россия повела атаку у озера Нарочь ... жертвуя собой, чтобы ослабить нажим на Францию. Затем русское командование подготовило также на северном секторе крупное наступление на июль»¹⁵. Генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов отмечал: «В период Верденских боев наши войска начали массовое наступление в районе Видзы—озеро Нарочь, приковавшее к себе все немецкие резервы Восточного фронта. Наступление это

¹² Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М., 2007. С. 284.

¹³ Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 11. Herbst 1916 und Winter 1916/17. Berlin, 1938. S. 401.

¹⁴ Разбор организации прорыва неприятельской позиции в направлении на Митаву в декабре 1916 года. М., 1917. С. 16.

¹⁵ Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914–1918 гг. М., 1935. С. 185.

производилось в ужасающих условиях, при полной весенней распутице, — “в болоте и крови”... Много русских героев полегло здесь, но германское верховное главнокомандование лишено было возможности снять с нашего фронта какие-либо войска для отправки на запад, так как даже те немецкие дивизии, которые находились в районе действий австрийской армии и кои, при иных условиях, могли бы оказаться перед фортами Вердена, немецкому командованию пришлось направить к месту нашего удара»¹⁶.

В ходе Нарочской операции войска Северного и Западного фронтов оказывали содействие французам, в ходе летнего наступления — ударным армиям Юго-Западного фронта, в ходе Митавской операции решались локальные задачи. Тем не менее войска Северного и Западного фронтов оттянули на себя львиную часть германских войск, сосредоточенных против русских войск, и этим оказали важнейшее влияние на успешный для Антанты исход кампании 1916 г.

Галицийский ТВД

Центральное значение в кампании 1916 г. имело наступление Юго-Западного фронта 22 мая — 31 октября. Традиционно Галицийский ТВД был главным театром военных действий Восточного фронта Первой мировой войны. Наступление должно было пройти в соответствии с общесоюзными планами кампании, но его сроки были сдвинуты в связи с необходимостью оказания срочной военной помощи одному из союзных государств — Италии. Прорыв Юго-Западного фронта должен был осуществляться в четырех направлениях, что тем не менее отвечало задаче, поставленной перед фронтом, — демонстрации активных действий в помощь Западному фронту. Кажущееся распыление сил явилось новым словом в теории и практике военного искусства.

Исходя из опыта позиционной войны, считалось обязательным прорывать фронт противника на одном направлении, сосредоточив там максимальное количество войск и артиллерии. Это давало возможность лучше оперировать резервами и боеприпасами. Но вся трагедия «мясорубок» позиционного этапа Первой мировой войны в том и заключалась, что противник по району артиллерийской подготовки, подходившим частям и артиллерийским средствам догадывался о месте прорыва и подтягивал к нему свои резервы. Эффект внезапности утрачивался. Но, пробив брешь

¹⁶ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 396.

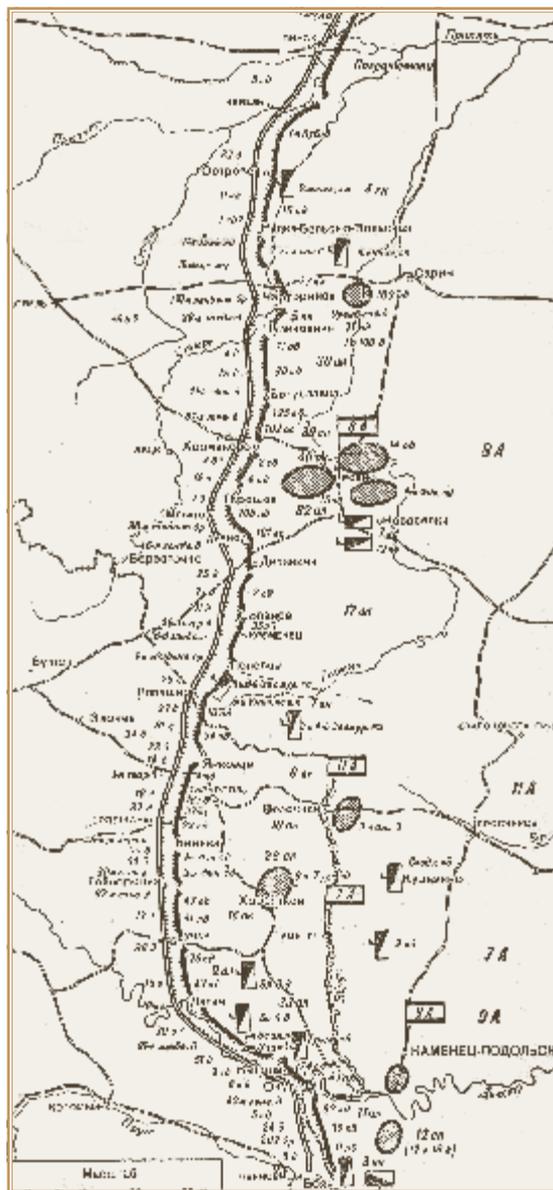

Схема 5. Галицийский ТВД к моменту наступления Юго-Западного фронта.
 Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте
 (1914—1917 гг.). Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. М., 1940

в обороне врага, атакующий должен был подтягивать резервы, боепитание и продолжать движение в условиях «лунного ландшафта» изрытой и опустошенной артиллерией местности, что резко снижало темп его движения, тем более при отсутствии механизации армии. И напротив, оборонявшийся из глубины обороны, в условиях неповрежденной инфраструктуры более оперативно перебрасывал силы и средства, в конечном итоге закрывая «горловину» прорыва. По сути, шла безнадежная гонка: наступавший пы-

Австро-венгерские войска располагали 448 тыс. штыков и 27 тыс. сабель, 1,3 тыс. легкими и 545 тяжелыми артиллерийскими орудиями. В состав Юго-Западного фронта (протяжение 450 км от Стыри до Прута) входило 573 тыс. штыков, 60 тыс. сабель, 1770 легких и 168 тяжелых орудий (из них 596 полевых и 74 тяжелых в 8-й армии на направлении главного удара¹⁷). Юго-Западный фронт, занимая 35% общего протяжения фронта против Германии и Австро-Венгрии, имел в своем составе 27% общего числа пехотных, 32% кавалерийских дивизий и около 29% от общего числа орудий¹⁸. В любом случае, перевес 1:3 в пользу атакующего, как требовала военная теория, не соблюдался. В артиллерии же (особенно тяжелой) преобладания у русских войск не было. Все надежды были на тщательную подготовку операции и новую методику прорыва.

22 мая около 5 часов утра орудия Юго-Западного фронта открыли огонь по проволочным заграждениям и окопам противника, ознаменовав начало знаменитого Брусиловского прорыва. На первом этапе наступления брусиловские армии наносили 4 основных и 7 вспомогательных ударов. В зависимости от важности задач численность армий и приданных им средств была не одинакова. Примерно треть всех сил фронта сосредоточилась в правофланговой 8-й армии. Второй по значению и силам являлась 9-я армия на левом фланге. А 11-я и 7-я армии, находившиеся в центре фронта, были небольшими, и от них требовалось главным образом одно — сковать врага. Мощностъ и длительность артподготовки тоже рассчитывалась «индивидуально». В это время армии фронта провели Луцкую, Язловецкую, Доброноуцкую, Сопановскую операции. Наступление 8-й армии до 2 июня шло по двум операционным направлениям: на Львов, где действия 11-й и 7-й армий не привели к успеху, и на Ковель — с целью установления взаимодействия с Западным фронтом, наступление которого откладывалось.

С 3 июня войска русских 8-й и 11-й армий отражали контрудар врага, стремившегося концентрическим наступлением вырвать у русских инициативу и попытаться разгромить их ковельскую группировку. 9-я армия к десятым числам июня успешно форсировала р. Прут, овладела столицей Северной Буковины — Черновицами, продолжив успешное преследование противника. 6 июня ее корпуса вышли к р. Серет. 11 июня двум левофланговым армиям (7-й и 9-й) была поставлена задача продолжать

¹⁷ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 40.

¹⁸ Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. М., 1937. С. 5.

наступление на Галич и Станиславов, а центральной (11-й армии) — удерживать занятые позиции. Контрудары германцев против русских 8-й и 9-й армий последовали 17–20 июня. Германский X армейский корпус, например, в течение 17–21 июня 44 раза безрезультатно осуществлял атаки. На левом фланге был отбит германский XXII армейский корпус, причем большая его часть фланговым ударом русского V армейского корпуса была уничтожена.

22 июня началось второе наступление Юго-Западного фронта. Австро-германское командование находилось в большой тревоге. «Русская атака в излучине Стыри, восточнее Луцка, — писал генерал Э. фон Людендорф, — имела полный успех. Австро-венгерские войска были прорваны в нескольких местах, германские части, которые шли на помощь, также оказались в тяжелом положении, и 7 июля генерал фон Линзинген был принужден отвести свое левое крыло за Стоход. Туда же пришлось отвести с участка южнее Припяти правое крыло армии генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, где была расположена часть армейской группы Гронау. Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте. Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало»¹⁹. На июньской стадии брусиловского наступления 7-я армия двигалась на линию Бржежаны—Подгайцы—Монастержиска. Ударным соединением армии был II армейский корпус.

Третий этап Брусиловского наступления начался после директивы Ставки от 26 июня, изменившей задачи фронтам. На 8-ю армию дополнительно возлагалось овладение Владимиром-Волынским, на 7-ю и 9-ю — рубежом Галич—Станислав, а на 11-ю — наступление на Броды и Львов. На 23 июля было назначено наступление 11, 7, 9-й армий.

31 июля 7-я армия ударом по Южной германской армии начала победное сражение под Збаражем. Новое наступление назначили на 16 августа: 8-я армия должна была действовать в направлении Владимира-Волынского, 11-я — Бржежан, 7-я — поддержать «соседей», а 9-я — наступать по расходящимся направлениям на Галич и Мармарош—Сигет. После перегруппировки, приведшей к задержке, 18 августа армии фронта перешли в наступление. В целом августовская операция при больших потерях не принесла ожидаемых результатов. Тем не менее в тот день 9-я армия, сбив Карпатский корпус немцев, преодолела лесистые Карпаты, 7-я армия нанесла поражение Южной германской армии на реках Золотая Липа и Гнилая Липа.

¹⁹ Людендорф Э. фон. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.; Мн., 2005. С. 224.

Некоторый успех русские войска имели в центре и на левом фланге фронта, где освободили города Броды, Галич и Станислав. В сентябре—октябре активность русских войск на северном и южном фасах наступления постепенно начала угасать. 7-я армия опрокинула Южную германскую и форсировала Гнилую Липу. Фронт стабилизировался по линии р. Стоход—Киселин—Золочев—Галич—Станислав—Делятин—Ворохта. Хотя Ставка и перенесла в полосу Юго-Западного фронта главный удар, однако момент уже был утерян, и фронт ввязался в затяжные кровопролитные бои, которые вел до глубокой осени 1916 г.

Во время сражений с войсками Юго-Западного фронта в летнюю кампанию немцы были вынуждены перебросить против них в июне—ноябре части 34 пехотных дивизий, понесших значительные потери. Например, лишь армия генерала пехоты А. фон Линзингена еще в майских боях потеряла свыше 82 тыс. человек или 51% от первоначального состава (германский 10-й армейский корпус — свыше 80%). В ходе борьбы с войсками Юго-Западного фронта германские войска понесли самые большие потери за весь период кампании 1916 г. против русских войск.

В период наступления Юго-Западного фронта австро-германские войска потеряли убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести до миллиона солдат и офицеров, только пленными — свыше 400 тыс. человек (почти 9 тыс. офицеров и 408 тыс. нижних чинов)²⁰. Так, уже к полудню 24 мая были взяты в плен до 900 офицеров, свыше 40 тыс. нижних чинов, а к 27 мая — соответственно 1240 и свыше 71 тыс. человек. Эти цифры подтвердил и Э. фон Фалькенгайн: «...численное превосходство русских после потери свыше 200 тыс. человек, понесенной союзниками в три дня, стало слишком крупным»²¹. Гофман отмечал: «В первые три дня свыше 200 000 австрийцев попали в плен»²². К 30 июля русские армии пленили 8255 офицеров и 370 153 нижних чина. Наконец, к 1 ноября в русском плену находились до 9 тыс. офицеров и 408 тыс. нижних чинов.

Западные историки, говоря о Брусиловском наступлении как о самой крупной победе Антанты в 1916-м, считали потери Германского блока за всю операцию равными 150 тыс. человек для германцев и 750 тыс. человек — для австрийцев. Встречаются и другие цифры. Так, историк Д. Киган писал, что «было взято в плен 400 тысяч австрийцев, и 600 тысяч было уби-

²⁰ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. С. 108.

²¹ Фалькенгайн Э. фон. Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 227.

²² Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 113.

то или ранено. Немецкие войска, противостоящие наступлению русской армии, потеряли 350 тысяч человек»²³.

Потери Юго-Западного фронта в ходе всей кампании 1916 г. были наиболее тяжелыми — только с начала Брусиловского прорыва (22 мая) по 30 июня они составили почти 498 тыс. солдат и офицеров (62 тыс. убитых и умерших от ран, 377 тыс. раненых и больных, около 60 тыс. пропавших без вести²⁴). Общие потери русской армии за операцию — не менее миллиона бойцов²⁵.

Наступление Юго-Западного фронта стало крупнейшим достижением русского военного искусства — оно открывало новую форму прорыва позиционного фронта, наиболее успешную для своего времени, указывало выход из позиционного тупика. Направление главного удара Юго-Западного фронта — на Луцк — приводило к наиболее болезненным для австрийцев результатам, и, соответственно, итальянцам оказывалась наиболее эффективная помощь. Результаты операции намного превзошли ставившиеся перед ней цель и задачи. Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. привело к крупному поражению австро-венгерских и германских войск в Галиции и Буковине. По мнению исследователя операции А.В. Ветошника, «наступление... глубоко потрясло австрийские войска в Галиции и Буковине, вызвав тревогу у командования центральных держав. Полный разгром 4-й и 7-й австрийских армий заставил австро-германское командование приостановить наступление в Трентино и облегчил обстановку для англо-французов под Верденом»²⁶. Характеризуя Брусиловский прорыв, Ю.Н. Данилов отмечал: «...наше июньское наступление на фронте от Луцка до Днестра, развившееся в широкий успех и едва не приведшее к полному крушению Австро-германского фронта, спасло от неминуемой катастрофы итальянцев. Это наступление вызвало крупную переброску на наш фронт австрийцев с итальянского и германцев с французского фронта»²⁷.

Галицийский ТВД был центральным в ходе кампании. На нем была перемолота главная масса соединений австро-венгерской армии, оттянуты германские резервы. Наступление Юго-Западного фронта знаменовало окончательный переход стратегической инициативы к странам Антанты.

²³ Киган Д. Первая мировая война. М., 2004. С. 387.

²⁴ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 73.

²⁵ Кузнецов Б.И. Кампания 1916 года на фронтах Первой мировой империалистической войны. М., 1941. С. 72.

²⁶ Ветошников А.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 3.

²⁷ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 396.

Румынский ТВД

После неудачного вступления в войну Румынии России пришлось спасать своего нового союзника, послав в Румынию войска. Уже в ходе наступления Юго-Западного фронта 1916 г. целая армия (9-я) была вынуждена обслуживать интересы нового направления. Общая ситуация, сложившаяся в противостоянии Румынии странам Германского блока, настоятельно требовала поддержки русских войск. Терпя поражения, румыны к середине ноября 1916 г. были вынуждены отступать.

О том, насколько важна для Румынии была поддержка русских войск, свидетельствовал Людендорф, говоря о первых победах германского оружия над румынами: «Наша победа там стала возможной только благодаря их (русских войск. — А.О.) отсутствию»²⁸. Это привело к образованию нового ТВД. Генерал В.И. Гурко отмечал: «Первая помощь, которую мы оказали Румынии, — та самая, от которой она отказалась перед началом военных действий, — состояла в постепенном удлинении нашего левого фланга вдоль линии румыно-трансильванской границы. Разумеется, замена на этом участке румынских войск на русские позволила командованию румын получить свежие резервы...» Но «румынское Верховное командование и румынское правительство через своего военного представителя при Ставке генерала Коанду обратились к его величеству с просьбой оказать Румынии еще более действенную помощь не только путем замены на нашем левом фланге румынских частей нашими войсками, но вдобавок прислать несколько русских корпусов для непосредственной обороны Бухареста»²⁹. И необходимая помощь была оказана.

Русские войска (первоначально 47-й армейский корпус, конная группа графа Ф.А. Келлера, в дальнейшем 4-й армейский, 4-й сибирский армейский корпуса, 8-я кавалерийская, 3-я стрелковая дивизии и др.) прикрыли отход румынских войск, сдерживая напор войск армейской группы генерал-фельдмаршала А. фон Макензена. Была создана 4-я армия (30, 7 и 29-й армейские корпуса, 3-й кавалерийский корпус), противостоящая 9-й германской (до семи пехотных дивизий), германской Дунайской и 1-й австрийской (8 пехотных, 3 кавалерийские дивизии) армиям. 9-я германская армия была усилена тремя пехотными дивизиями и 7-й кавалерийской дивизией.

24 ноября 1916 г. был образован Румынский фронт, номинально возглавлявшийся королем Румынии Фердинандом, помощником его (и реаль-

²⁸ Людендорф Э. Указ. соч. С. 297.

²⁹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 234, 236.

действующей армии (то есть около 2 млн человек), он помог оттянуть и значительные силы Германского блока (совокупные силы четырех держав — Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии).

Кавказский ТВД

Намечая проведение Эрзерумской операции (28 декабря 1915 г. — 3 февраля 1916 г.), командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, по сути, предвосхитил стратегическую идею Брусилова. Чтобы турки не увидели направления главного удара и не смогли произвести каких-либо перебросок с остальных участков обширного фронта, намечалось следующее: одновременно с переходом в наступление II Туркестанского (демонстрация) и I Кавказского (главный удар — силами 4-й кавказской стрелковой дивизии, Сибирской казачьей бригады и 1-го кавказского мортирного дивизиона) армейских корпусов проявить большую активность и на фронтах Приморского отряда (батумское направление), IV Кавказского армейского корпуса (эриванское), Ван-Азербайджанского отряда (ванское и урмийское) и экспедиционного корпуса в Персии (на керманшахском). Каждый командир корпуса считал, что решает главную задачу.

Уже к 31 декабря турки израсходовали свои резервы. В итоге русские части (4-я кавказская стрелковая дивизия) вышли в тыл противника, и 4 января 1916 г. турецкие войска начали отходить к Эрзеруму. Был осуществлен чрезвычайно трудный переход через заснеженные горы, и 7 января русские части вышли к хребту Деве-Бойну. 20 января они начали штурм Эрзерума (первоклассной крепости, усиленной германскими специалистами), и 3 февраля после пятидневного штурма крепость, считавшаяся неприступной, была взята. Бои носили очень напряженный характер, турки переходили в контратаки, бойцы с обеих сторон проявляли массовую отвагу. Потери русской армии составили: офицеров 64 убитыми и 336 ранеными и контуженными, солдат — 2275 убитыми и 14 460 ранеными, обмороженными и контуженными. В ходе Эрзерумской операции были пленены свыше 300 офицеров, более 20 тыс. турецких солдат, трофеями стали более 450 орудий. 3-я турецкая армия потеряла более половины личного состава, почти всю артиллерию, многие части прекратили свое существование.

Взятие Эрзерума — один из немногих продемонстрированных в Первой мировой войне примеров законченной операции, тщательно продуманной, спланированной и реализованной. Относительно нее авторы бри-

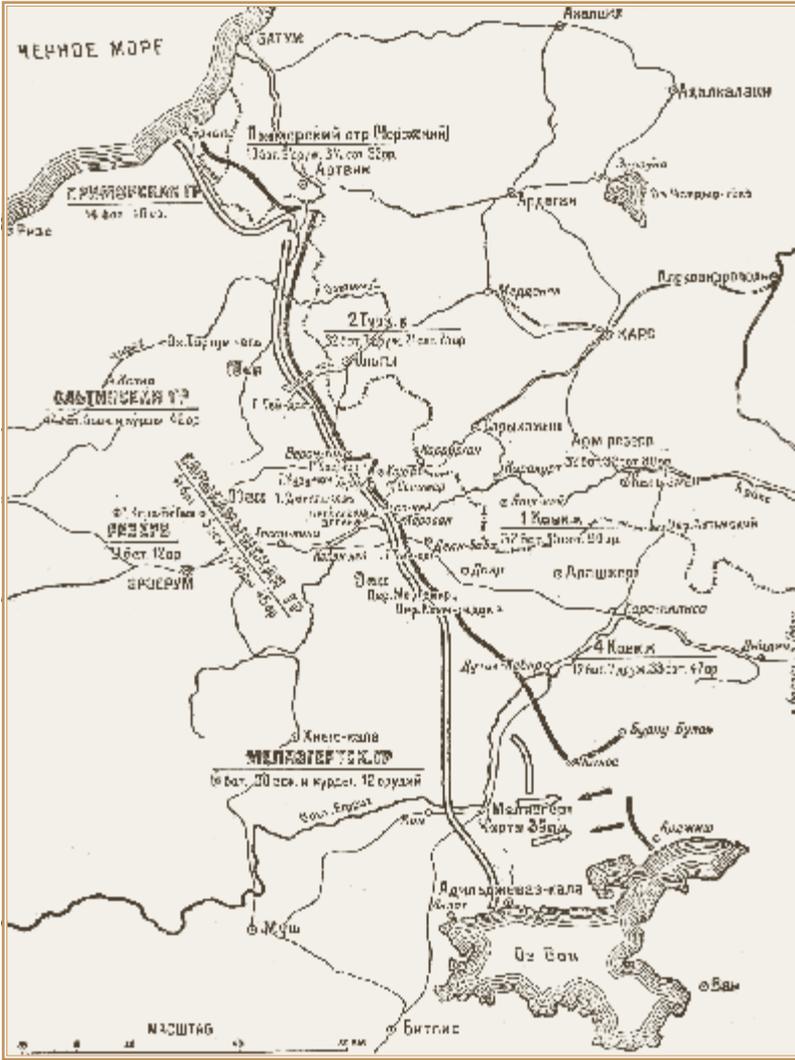

Схема 8. Кавказский ТВД к началу кампании 1916 года.

Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. М., 1938

танской официальной истории войны отмечали, что «единственной армией, которая наилучшим образом могла бы справиться с тяжелыми условиями и победить — была русская... Мощь этой армии, помимо стратегических и организаторских способностей генерала Юденича, явилась важнейшим фактором успешной реализации боевой задачи». Взятие считавшихся неприступными позиций Деве-Бойну явилось «подвигом, даже союзниками России воспринятым с удивлением, и произведшим тягостное впечатление в Берлине, к тому же операция была проведена в один из худших зимних месяцев, в условиях снега, льда и с учетом... прочих трудностей». Турецкое командование лишилось крупнейшей базы проведения операций. Но «главная ценность захвата Эрзерума, помимо морального и политического эф-

фекта, заключалась в использовании города в качестве новой базы на стыке всех наиболее важных дорог, результатом чего было разрушение связности и монолитности всего турецкого фронта»³⁰.

Важнейшим итогом операции стало овладение русскими единственным укрепленным пунктом турок в Малой Азии — крепостью Эрзерум, что потребовало срочной переброски противником подкреплений в Армению со всех театров военных действий, чем было облегчено положение английских войск в районе Суэцкого канала и в Месопотамии. К середине 1916 г. на Кавказском фронте, помимо 3-й армии, турки были вынуждены сосредоточить 2-ю армию, переброска которой производилась по Багдадской железной дороге.

Занятие Эрзерума открывало русским путь в Анатолию — базовый во всех аспектах регион Оттоманской империи. Действия войск Приморского отряда при поддержке Черноморского флота в рамках Трапезундской операции (23 января — 5 апреля) — образец комбинированной десантной операции сухопутных войск при поддержке флота. 21 февраля Приморский отряд высадил в тыл турецких войск десант, а 24-го занял г. Ризе. 5 апреля был взят г. Трапезунд. Важность овладения этим городом заключалась в том, что это был важнейший после Эрзерума коммуникационный пункт турецких войск, а также административный центр. Кроме того, противник «испытал удивление от демонстрации морской мощи»³¹ России.

К лету русские авангарды вышли на линию Эллеу—Эрзинджан—Муш—Битлис (Эрзинджанская операция, 18 мая — 20 июля). В руки русских попал важнейший транспортный узел — г. Эрзинджан. После овладения Кавказской армией его районом и расширения трапезундской зоны под угрозой оказался центр Анатолии. В ходе Эрзинджанской операции (18 мая — 20 июля) русские войска захватили 17 тыс. пленных, и 3-я турецкая армия потеряла способность к дальнейшим активным действиям и не смогла объединить свои усилия с действиями 2-й армии, которая из Дарданелл была перебросена на Кавказ для того, чтобы переломить ситуацию. В июле — августе 1916 г., несмотря на превосходство противника, русские войска нанесли поражение и турецкой 2-й армии, заняв г. Муш (Огнотская операция, 21 июля — 29 августа). В ходе операции (русские 1-й и 5-й Кавказские и 2-й Туркестанский корпуса противостояли 2, 3, 4 и 16-му корпусам 2-й турецкой армии общей численностью 74 тыс. штыков, 7 тыс. кур-

³⁰ The Great World War. A history. Vol. 5. London, 1917. P. 177, 182, 186.

³¹ Ibid. P. 188.

дов, 98 орудий) русские войска потеряли около 20 тыс. человек, турецкие — около 60 тыс. человек.

Сила турецких армий была сломлена. Так, к концу года 3-я армия насчитывала 36 тыс. штыков, а 2-я — 64 тыс., то есть армии превратились в корпуса. В 3-й армии осталось 78 батальонов, во 2-й — 64 батальона, тогда как ранее их общий боевой состав достигал 309 батальонов, 156 эскадронов (кроме того, имелся контингент курдов численностью 12 тыс. человек). Соответственно, число батальонов в армиях уменьшилось на 54%, эскадронов — на 74% и курдов — на 66%³². Причем нужно учесть, что в ряды этих армий вошли 14 пехотных дивизий (126 батальонов), ранее принимавших участие в отражении англо-французского десанта у Дарданелл: 10 вошли в состав 2-й армии, 4 усилили 3-ю. Эти дивизии, имевшие позитивный боевой опыт и высокий боевой дух, были перемолоты Кавказской армией и не попали в Сирию и Месопотамию. 16 турецких дивизий были воссозданы вследствие их уничтожения русской армией, и из них 5 — два раза.

В ходе кампании 1916 г. в турецкой 3-й армии были уничтожены 9 дивизий, а 4 корпуса (V, IX—XI) преобразовали в дивизии с такими же порядковыми номерами и прибавлением наименований «Кавказские». Во 2-й армии были уничтожены в боях 4 дивизии (7-я дивизия XVI корпуса, 48-я дивизия IV корпуса и 49-я и 53-я дивизии III корпуса). II корпус армии стал состоять из 1-й и 47-й пехотных дивизий, IV — из 11-й и 12-й дивизий, XVI — из 5-й и 8-й дивизий (ранее корпуса состояли из трех дивизий), III корпус расформировали. Реорганизация производилась именно вследствие разгрома русской армией.

К концу кампании Кавказская армия не только выполнила, но и перевыполнила стоявшую перед ней задачу: защитила Закавказье от вторжения турок на фронте огромного протяжения (к концу 1916 г. — 2,6 тыс. км) и способствовала достижению ряда стратегических целей. Кавказская армия питала резервами германо-австрийский фронт, наиболее результативно взаимодействовала с союзниками России. Взятие Эрзерума произвело особенно большое впечатление на союзников России по Антанте. После падения крепости турецкое правительство начало искать пути к сепаратному миру.

Таким образом, Прибалтийско-Белорусский ТВД оттянул на себя основную массу германских соединений на фронте, Галицийский ТВД выпол-

³² Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946. С. 76.

нял стратегическую ударную задачу, а Румынский и Кавказский ТВД решали важнейшие коалиционные задачи.

На август 1916 г. (разгар операций на всех фронтах) все ТВД Восточного фронта притянули на себя 129 пехотных дивизий четырех государств Германского блока из 281 активной пехотной дивизии (и их эквивалентов — пехотных бригад и частей спешенной конницы), то есть порядка 46%, а в декабре (на этапе стабилизации фронтов) — 149 дивизий из 314; итого — свыше 47%.

Боевые потери немцев в кампании 1916 г. здесь составили свыше 400 тыс. человек (при потерях против французов — сказались, прежде всего, Верден и Сомма, активные действия самих немцев — 983 тыс. человек и порядка 60 тыс. на других фронтах³³), соответственно, они понесли до 28% людских потерь. Потери австрийцев в кампании составили не менее 650 тыс. бойцов в ходе борьбы с войсками Юго-Западного фронта и более 36 тыс. — с русско-румынскими (около 293 тыс. — на Итальянском и 6,7 тыс. — на Балканах³⁴), в целом до 70% австрийских потерь за год. Австрийцы оценили свои потери на июль 1916 г. в 475 тыс. человек, из них 226 тыс. — пленными³⁵. Потери турок в боях с Кавказской армией в 1916 г. составили свыше 100 тыс. человек (более 50% их потерь за кампанию). В целом в боях против русских войск противник (без болгар) потерял свыше 1 млн 200 тыс. человек (от общего числа потерь германского блока за год они составили 45%), не менее 1 тыс. орудий и 2 тыс. пулеметов — в основном за счет наступления Юго-Западного фронта (581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов) и Эрзерумского сражения (450 орудий). Потери германцев пленными в ходе кампании 1916 г. (включая бои на Румынском фронте) составили не менее 80 тыс. человек, а австрийской армии (с учетом осенних боев и Румынского фронта) — до 500 тыс. человек. Не менее 50 тыс. пленными потеряли турки. В данной кампании германские потери пленными составили до 15%, австрийские до 77% и турецкие до 8% от общего количества военнослужащих армий стран Германского блока, захваченных русской армией.

Потери русской армии были ненамного меньше, чем в кампании 1915 г. — свыше 2 млн человек (так, лишь наступление Юго-Западного фронта и боевые действия на Румынском фронте за 9 месяцев 1916 г. обо-

³³ Подполковник Ляшье. Некоторые статистические данные войны 1914–1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 125.

³⁴ Там же. С. 127.

³⁵ Wagner A. Der erste Weltkrieg. Wien, 1993. S. 194.

шлись русской армии в 1,5 млн человек). Но при этом численность убитых и раненых в 1916 г. была больше, чем в 1915 г., количество пленных из 2 млн составляло уже не 40%, как при Великом отступлении 1915 г., а 10%³⁶.

Кампания 1916 г. позволила Антанте овладеть стратегической инициативой, и наступил коренной перелом в войне в ее пользу — и это произошло прежде всего благодаря усилиям русской армии.

---

³⁶ Мультатули П.В. Господь да благословит решение мое... Император Николай Второй во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002. С. 153.

REFERENCES

1. *Barsukov e.* Artilleriy v obespechenii proriva. Martovskaya operatsia 1916 g. [Artillery in providing the breakthrough. The March operation 1916] // *Voенно-istoricheskii zhurnal — Military-historical journal* 1940. No. 7. P. 24–39.
2. *Bazarevsky A.* Nastupatel'naya operatsia 9-i russkoi armii. Iun 1916 g. [The Offensive of the 9-th Russian army. June 1916]. M., 1937. 154 p.
3. *Danilov Y.N.* *Rossia v mirovoi voine* [Russia in world war]. Berlin, 1924. 411 p.
4. *The Great World War. A history* / General editor Frank A. Mumby. Vol. 5. London, 1917. 342 p.
5. *Hoffman M.* *Voина upuchennyh vozmoshnostei* [The War of lost opportunities]. M.-L., 1925. 203 [1] p.
6. *Keegan D.* *Pervya mirovaya voina* [The First world war]. M., 2004. 576 p.
7. *Korsun N.G.* *Pervya mirovaya voina na Kavkazskom fronte. Operativno-strategicheskii ocherk* [The First world war on the Caucasian front. Strategic essay]. M., 1946. 99 p.
8. *Kuznetsov B. I.* *Kampania 1916 goda na frontah Pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny* [Campaign of 1916 on the battlefields of the First World imperialist war]. M., 1941.
9. *Liddell-Hart B.* *Pravda o voine 1914–1918 gg.* [The Truth about the war of 1914–1918]. M., 1935. 409 p.
10. *Lieutenant-Colonel Larche.* *Nekotorye statisticheskie dannye voiny 1914–1918* [Some statistics of the war 1914–1918]. *Voенnyi zarubezhnik-Military zarubezhnykh.* 1934. No 12. P. 109–133.
11. *Multatuli P. V.* *Gospod da blagoslovit reshenie moe... Imperator Nikolai Vtoroi vo glave deistvuyushei armii i zagovor generalov* [Lord bless my decision... the emperor Nicholas II at the head of the army and the conspiracy of the generals]. SPb., 2002.
12. *Podoroshnyi N.E.* *Narochskaya operatsia v marte 1916 g.* [Naroska operation in march 1916]. M., 1938. 174 p.

13. Strategicheskii ocherk 1914–1918 gg. [Strategic review of the war 1914–1918]. Part 5. M., 1920. 123 p.
14. *Vetoshnikov L.V.* Brusilovskii proriv. Operativno-strategicheskii ocherk [Brusilovsky breakthrough. Strategic essay]. M., 1940. 180 p.
15. *Wagner A.* Der erste Weltkrieg. Wien, 1993. 420 s.

Ключевые слова:

Восточный фронт Первой мировой войны, Северный фронт; Западный фронт, Юго-Западный фронт, Кавказский фронт; операции: Нарочская, Барановичи, Наступление Юго-Западного фронта, Огнотская, Эрзерумская, Трапезундская, Митавская; кампания 1916 г.

Alexey Vl. Oleynikov

THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY IN THE CAMPAIGN OF 1916: MILITARY ACTION THEATRES IN THE STRATEGIC CONTEXT

This article is an attempt to analyse the military operations conducted by the Russian army during the campaign of 1916 from the operational and strategic viewpoint on all the theatres of operations on the Eastern Front during WWI.

It evaluates the impact of operations on the above-mentioned theatres on the progress and outcome of the armed confrontation of the campaign. In 1916 the Russian army foiled the enemy's strategic plan for withdrawal of Russia from the war.

 Олейников Алексей Владимирович

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Астраханского государственного университета

А.В. Венков

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (КАМПАНИЯ 1916 ГОДА)¹

Кампания 1916 г. планировалась союзниками России как наступательная и на Западе, на антигерманском фронте союзников, во Франции и в Италии, и на Востоке, на русско-германском фронте. А германское командование планировало сосредоточить силы против Франции и против Италии. От русских войск после тяжелых поражений русской армии в 1915 г. немцы и австрийцы наступательных действий не ожидали.

Зимой 1915/16 г. соотношение сил на фронтах было следующее: под командованием русских военачальников было 137 пехотных, 35 конных и кавалерийских дивизий, у противника — 113 пехотных, 21 кавалерийская².

Большую часть кампании 1916 г. подавляющее большинство казачьих частей провело в позиционных боях. А.М. Каледин, командующий 8-й армией, писал 13 января 1916 г.: «Сошлись так, что австр[ийцы] начали против наших частей на некоторых участках минную войну. Кроме того, они пакостят газами и бомбами с каким-то веществом вроде формалина»³.

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2016 г. № 007-01114-16 ПР (проект № 0256-2014-0012, госрегистрация № 01211354248).

² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 6.

³ Генерал А.М. Каледин. Фронтовые письма 1915–1917. Ростов н/Д., 2011. С. 72.

К 1916 г. были сформированы — 3-я гвардейская кавалерийская дивизия (Варшавская и казачья бригады), Сводная кавалерийская (1-я Отдельная кавалерийская и 1-я Заамурская бригады), Заамурская конная⁴. На основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего от 6 марта 1916 г. была сформирована 6-я Донская казачья дивизия. В ее состав вошли 7, 49 и 53-й Донские казачьи полки 2-й Донской Отдельной казачьей бригады и 40-й Донской казачий полк расформированной Сводно-Казачьей отдельной бригады. Начальником 6-й Донской казачьей дивизии был назначен генерал Г.А. Пономарев. Временно в должность начальника штаба дивизии вступил подполковник Б.М. Шапошников, будущий Маршал Советского Союза. Войск в целом было достаточно. По словам начальника штаба главнокомандующего, генерал-майора Н.Н. Духонина, если бы русские армии были достаточно оснащены техникой, они уже находились бы в Лемберге (Львове), — записал в это время в своем дневнике английский представитель полковник А. Нокс⁵.

Зимой 1915/16 г. русские армии, как и их союзники, готовились к решительным действиям. Наступательные бои шли лишь на Кавказском фронте. Здесь в январе 1916 г. командование русской армии осуществило Эрзерумскую операцию с целью разгрома 3-й турецкой армии и овладения ее базой снабжения и важным узлом коммуникаций — крепостью Эрзерум. В боях за нее приняла участие Донская пешая бригада — 1–6-й Донские пешие батальоны. «Условия стоянки на позиции были крайне тяжелые; трудность доставки продуктов, отсутствие всего необходимого, четырехаршинный снег, все это тяжело отзывалось на людях, — докладывал командир 2-го Донского пешего батальона. — Люди жили в снегу, вырывая в нем глубокие ямы, накрывая палатками, и таким образом спасались от пронизывающего до мозга костей ветра и мороза. Благодаря распорядительности есаула Попова (начальника хозяйственной части) и приданным верблюжьим транспортам, люди не голодали. Правда, отсутствие горячей пищи тяжело отзывалось на казаках, но все до одного человека свято помнили свой долг и терпеливо переносили все невзгоды суровой зимы»⁶.

Турки, теснимые по всему фронту, ушли под защиту Эрзерумских укреплений. «Сама природа укрепила защиту Эрзерума: между долинами рек Карасу-нахри и Бури-Дар к востоку от Эрзерума, как стена с севера на

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 8.

⁵ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014. С. 411.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 54. Л. 43.

юг протянулся высокий хребет гор, на юг переходящий в скалистые горы и с востока имеющий перед собою высокое Кара-Базарское плато. Хребет был укреплен в два и три ряда фортами, защищавшими друг друга и все вместе — подступы к Эрзеруму. Между фортами были устроены временные полевые укрепления и проволочные заграждения... Но была и слабая сторона противника на левом его фланге, где были форты Кара-Гюбек и Тафта, со взятием которых открывался проход в долину р. Карасу-нахри. Но для этого нужно было пройти Кара-Базарский перевал, который в такую снежную зиму, заваленный снегом в несколько сажений в сильнейшие морозы с ветром, доходившим до урагана, представлял неодолимое препятствие» — такое описание крепости Эрзерум дал командир 2-го Донского пешего батальона⁷.

28 января 1916 г. начался поход на Карга-Базар, чтобы взять левофланговые форты, защищавшие Эрзерум, зайти во фланг и в тыл противника и этим заставить его бросить Эрзерум. Донская бригада, выступив 28-го из Кара-Кала, сменила пехотные полки и вступила в борьбу с природой и стихиями. Три дня шла бригада каких-нибудь 20 верст без пушек и пулеметов (в 3-м Донском батальоне казаки тащили пулеметы на себе), и только 30 января казаки вышли против фортов Кара-Гюбек и Тафта и вошли в средину между 13-м Кавказским и 17-м Туркестанским полками. Форты эти были взяты один за другим Донской бригадой совместно с названными полками: 1 февраля Кара-Гюбек и 2-го Тафта.

Турки, боявшиеся обхода левого фланга всей их армии и ее пленения, поспешно бросили Эрзерум и все его форты и бежали на запад, оставив русской армии город почти не разрушенным и все орудия, снаряды и патроны. Эрзерум, бравшийся несколько раз и всегда неудачно со значительными потерями, теперь достался русским почти без потерь благодаря обходному движению. «Донцы смело могут гордиться тем, что они сыграли самую существенную роль в этом падении крепости, считавшейся неприступной», — с гордостью записал командир 2-го Донского батальона⁸. И далее, весь 1916 год, Кавказский фронт вел наступательные бои.

В феврале 1916 г. немецкие войска нанесли удар французским под Верденом. В период тяжелых боев под Верденом русское командование с целью оказать помощь союзникам предприняло операцию у озера Нарочь, у Якобштадта и Сморгони, что заставило германское командование прекратить атаки под Верденом. Нарочская военная операция русской

⁷ Там же. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 50.

Казачи после взятия крепости Эрзерум. 1916 г.

армии представляла собой фронтальное наступление 5–14 марта 1916 г. у озера Нарочь, закончившееся без видимых результатов, но с огромными потерями. В этом наступлении в качестве корпусной и дивизионной конницы приняли участие 4, 6, 35, 44 и 58-й Донские казачьи полки, 21-я отдельная Донская казачья сотня, 7-й Донской артиллерийский дивизион (14-я и 15-я Донские казачьи батареи) и целиком 4-я Донская казачья дивизия.

Впрочем, часть казачьих полков на Северном и Западном фронтах участвовала в наступлении фактически номинально — сидели в окопах, охраняя указанные им участки. Так, 24-й Донской полк 4-й Донской дивизии 2 марта — 6 июня сидел в окопах на Двине, прикрывая участок в 12 верст. В весеннее и летнее наступление на Юго-Западном фронте 5-я Донская казачья дивизия (27, 28, 29 и 33-й Донские казачьи полки и 6-й Донской артиллерийский дивизион — 12-я и 13-я Донские казачьи батареи), расположенная в районе Полесья и Пинских болот, провела в окопах около десяти месяцев. На Двине практически без движения стояли части 4-й Донской казачьей дивизии. В целом в ходе кампании 1916 г. казачьи части Северо-Западного и Западного фронтов редко принимали участие в боях, поскольку эти фронты практически не поддержали наступление Юго-Западного фронта весной—летом 1916 г.

Однако казаки не бездельничали, а готовились к наступлению. Командир 51-го Донского полка доносил: «24 февраля по секретному предписанию полк походным порядком перешел в д. Посталовку, где в составе 5 Кавказского армейского корпуса около двух месяцев находился в армейском резерве. Это время было использовано на поправку тел лошадей и на бое-

вую подготовку офицеров и казаков. Полк был снабжен штыками и обучен штыковому бою»⁹.

Кампания 1916 г. известна знаменитым Брусиловским прорывом — наступлением Юго-Западного фронта 4 июня — 13 августа. Но и здесь в условиях позиционной войны использование конницы было проблематичным. Создавалось впечатление, что оно было откровенно неумелым. Комментируя события на Юго-Западном фронте во время Брусиловского прорыва, А.А. Керсновский, один из первых исследователей Первой мировой войны, писал: «Семь кавалерийских дивизий на правом фланге фронта сидели по брюхо коня в болоте, три на левом крыле двинуты были в горы...»¹⁰

Согласно замыслу штаба фронта конная масса семи кавалерийских дивизий из двух конных корпусов (4-го и 5-го) должна была ударом через болота на Ковель не только занять данный железнодорожный узел, но и выйти в тыл неприятельской группировке, стоящей перед фронтом 8-й армии Каледина¹¹. Ковель (в 64 верстах северо-западнее Луцка) представлял собой крупный железнодорожный узел, соединяющий пять железнодорожных веток. Пехота — 46-й армейский корпус — должна была прорвать фронт, а конница (все 7 дивизий) ворваться в прорыв и идти по австрийским тылам. Считалось, что удара конницы через болота австрийцы не ждут. Но когда началось наступление, 46-й корпус фронт неприятеля прорвать не смог, конница пыталась ему помочь и местами атаковала в пешем строю по болотам, но тоже безрезультатно. Другие корпуса армии Каледина фронт прорвали, но под рукой командарма не оказалось достаточно конницы, чтобы развить успех.

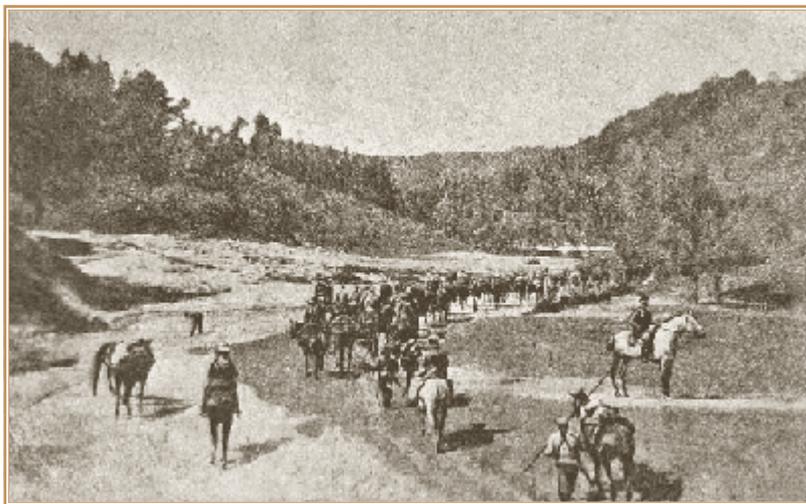
Более удачно действовали казаки в гористой местности на левом фланге Юго-Западного фронта в полосе наступления 9-й армии. Так, 1-я Донская дивизия в составе 33-го корпуса выдвинулась 28 мая 1916 г. в Синькув, на берег Днестра и стала в 18 верстах от линии фронта, ожидая успеха наступления, чтобы преследовать противника. 29 мая 13-й и 15-й Донские полки под командованием полковника Крюкова начали переправу через Днестр у Синькув, восточнее Залешиков. Брод оказался узкий, спуски плохие, переправа велась по одному, однако была завершена за полчаса¹². Обходя укрепленные позиции противника, казаки насели на отступающих австрийцев. Невзирая на сложную местность, они старались действовать в

⁹ Корягин С.В., Абрамов М.Ю., Логинов С.Д. Ермоловы и другие (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 103). М., 2012. С. 289.

¹⁰ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 98.

¹¹ Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009. С. 288.

¹² РГВИА. Ф. 2007. Оп.1. Д. 31. Л. 48 об.

Казаки преследуют противника во время боев. Лето 1916 г.

конном строю. Они сотнями захватывали пленных, а когда австрийцы пытались собрать силы и сопротивляться, ломали сопротивление конной атакой. Так, у Ней-Мамаешти, у высоты 242 они обнаружили три эскадрона противника. Был собран конный кулак из 13-го Донского, 15-го Донского и Кабардинского полков и брошен в атаку. Атаку поддержали 9-й Донской полк и 7-я Донская батарея. 10-й Донской полк оставался в резерве 41-го корпуса. Австрийцев гнали до Дужан и заняли это селение, захватив там около 500 пленных. Дальнейшим преследованием противник был отброшен за Прут к г. Снятынъ. Австрийцы, отступая, ротами бросались в реку и тонули. Всего в бою были взяты в плен 2 тыс. солдат и 20 офицеров. Потери казаков составили: убитыми 2 офицера, 20 нижних чинов; ранено 2 офицера, 50 нижних чинов. Дивизия продвинулась на 34 версты вглубь расположения противника.

Соединения 9-й армии, продолжая наступление, 5 июня захватили Черновцы, 6 июня вышли на р. Серет. На следующий день, 7 июня, дивизия вела разведку на Коломею. Фронт разведки достигал 40 верст¹³. В полках был большой наряд казаков на разведку, и полки чувствовали себя обессиленными. Полки все же смогли взять пленных 24-й австрийской дивизии. Далее они двинулись по правому берегу Прута на юго-запад, вверх по р. Черемош. И так весь период наступления казаки 1-й Донской дивизии вели достаточно удачные боевые действия.

В центре наступающего Юго-Западного фронта дралась 7-я армия, а в ее рядах — 6-я Донская казачья дивизия, больше половины которой со-

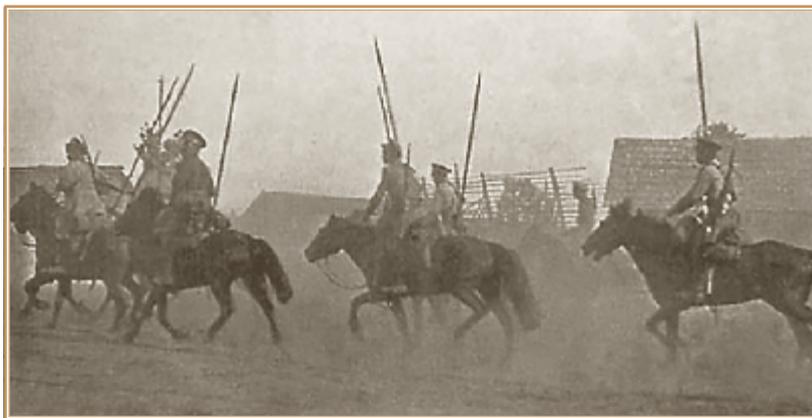
¹³ Там же. Л. 52 об.

ставляли казаки старших возрастов. 31 мая 1916 г. 2-я бригада дивизии (49-й и 53-й Донские казачьи полки) под командованием генерал-майора И.Д. Попова получила приказание переправиться через Днестр для разведывания его правого берега, очищения его от неприятеля, а также и для преследования отступающего противника. Командир 53-го Донского полка отмечал в рапорте: «1 июня полк в составе 4 сотен (3, 4, 5 и 6) при 4 пулеметах и 1 сотни 49 полка, переправившись накануне вечером в брод р. Стрыпу и Днестр и подойдя к д. Семянувка, был обстрелян сильным артиллерийским огнем, который продолжался во все время продвижения полка до д. Воронув, занятой противником силою не менее двух батальонов. Подойдя в конном строю к д. Воронув под действительным и убийственным ружейным огнем, были спешены сотни 6-я 49 полка и 3 сотни 53 полка под общей командой есаула Кучерова. Благодаря особой энергии и находчивости последнего, ему удалось, выиграв левый фланг противника, решительно двинуться на него в атаку, доведя сотни до штыкового удара, многих австрийцев переколот и оставшихся в живых взял в плен. Взято есаулом Кучеровым 102 человека при офицере. Для дальнейшего развития начатого успеха распоряжением генерал-майора Попова (командир 2 бригады) была выдвинута одна сотня 31 полка в конном строю, вслед за ней были также двинуты в атаку в конном строю остальные три сотни того же полка и 5 сотня 53 полка под командой есаула Безмолитвенного. Получив приказание атаковать правый фланг противника, [есаул Безмолитвенный] с неудержимой силой двинулся с сотней вперед, ворвался в окопы, занятые противником силою не менее роты с пулеметом, оборонявшихся перерубил, захватил действующий пулемет, а обратившихся в бегство взял в плен (2 офицера и 82 нижних чина). Видя, что из д. Чартовец уже подходит поддержка противнику не менее роты, смял его и остатки обратил в бегство. Конная атака есаула Безмолитвенного блестяще решила общую задачу к д. Воронув». В этом бою были убиты 14 казаков, ранены 22, контужены 3 и без вести пропал 1. За 1 июня полком были захвачены 3 офицера, 184 нижних чина¹⁴. Но из-за усталости лошадей и переутомления людей дальнейшее преследование отступающего противника было прекращено¹⁵. Казаки дрались и в конном и в пешем строю, причем в конном строю штурмовали окопы.

После боя казаки двинулись в южном направлении, «подрезая» австрийский фронт. Всего 1 и 2 июня 1916 г. казаки 53-го Донского казачьего

¹⁴ Оськин М.В. Указ. соч. С. 351.

¹⁵ Корягин С.В., Абрамов М.Ю., Логинов С.Д. Указ. соч. С. 355.

Казачи в бою на Юго-Западном фронте. Лето 1916 г.

полка взяли в плен 19 офицеров, 617 солдат, захватили 1 пулемет, 1 бомбо-мет, много винтовок, 150 ручных бомб и другое военное имущество¹⁶.

В результате удачных действий русской кавалерии у Порхова и Гниловод австро-венгерские войска в беспорядке отступили за р. Стрыпа. Казачи двигались в авангарде пехоты, не давая противнику остановиться и закрепиться, и передавали очищенную территорию своей пехоте.

13 июня казаки под обстрелом форсировали Днестр и атаковали высоту 345. Окопы противника здесь были в полный профиль, хорошо оборудованы и с несколькими рядами проволочных заграждений. Бои шли до 16-го числа, когда выяснилось, что противник постепенно начал очищать свои окопы с восточной стороны высоты 345, а также и д. Исакув, упорно только задерживаясь на самом фланге у Днестра на командных высотах, где было до 10 пулеметов, — рапортовал командир 53-го Донского полка. Ввиду точно определившегося отступления противника казакам было приказано наступать. В 11 часов были заняты окопы на высоте 345, кроме прилегавших к Днестру, где стояли пулеметы противника. Для того чтобы принудить противника окончательно оставить высоту 345, была пущена в атаку в конном строю 4-я сотня 49-го Донского полка, которая наскочила на несколько рядов проволочного заграждения и сильно пострадала, не выполнив поставленной задачи. «Надо было удивляться героизму этой сотни, шедшей по настойчивому приказанию бригадного командира на верную гибель», — писал командир 53-го Донского полка¹⁷.

¹⁶ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д., 2003. С. 188.

¹⁷ Корягин С.В., Абрамов М.Ю., Логинов С.Д. Указ. соч. С. 356.

19 июня 1916 г. австрийское командование начало контрнаступление. Неприятель наступал на позиции донских казаков, охватывая их и тесня к Днестру. Положение становилось очень серьезным, так как, спешившись, 53-й Донской полк имел в цепи 300 стрелков и с имевшимися силами не в состоянии был сдержать столь серьезного противника. И все же командир бригады решил удержать окопы на высоте 345, ранее занимавшиеся противником. Противник начал обход левого фланга донцов, загоняя их в «петлю», образованную Днестром. Дивизионная артиллерия израсходовала свой боезапас и прикрыть отступление казаков не могла. «Между тем 6-я сотня 49 полка и находившаяся с ней рядом наша 5-я сотня завязали уже бой с противником и видно было, как противник с невероятной быстротой начал охватывать фланг 6-й сотни», — рапортовал позже командир 53-го Донского полка¹⁸.

В это время 1-я сотня 53-го полка с двумя пулеметами вышла на фланг противника и начала обстреливать австрийцев продольным огнем во фланг, чем дала возможность казачьим сотням сравнительно благополучно отойти на новую позицию. «Когда наша 1-я сотня с пулеметами начала поражать противника, были брошены в атаку в конном строю две сотни 49 полка, которые должны были расстроить противника, — рапортовал впоследствии командир 53-го Донского полка, — но на деле вышло иначе: сотни эти, разомкнувшись, начали волноваться и, не выждав расстройств противника от огня нашей сотни и пулеметов, ринулись в атаку с расстояния не менее 3 верст на широком аллюре. Результатом, конечно, можно ожидать только неудачу, что в действительности и вышло; противник стойко встретил конную атаку, расстроил сотни ружейным и пулеметным огнем, и сотни, понеся значительные потери, отошли назад». Пока внимание противника было отвлечено конной атакой, остальные сотни благополучно отошли на прежнюю позицию, понеся здесь незначительные потери. Как только сотни заняли новое положение, было получено сведение, что подошла русская пехота, один батальон, и командир бригады приказал идти в контрнаступление. В действительности же оказалось, что подошло 60 человек разведчиков, но казаки приободрились и, продвинувшись вперед, казачьи сотни, которые занимали правый боевой участок, сжали «в тисках противника справа и слева, пулеметы работали, как никогда, два из них даже расплавились». Сменившая казаков пехотная бригада 21 июня закопала свыше 350 неприятельских трупов, найденных в лошине около высоты, где действовали 1-я сотня и пулеметы 53-го Донского полка¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 357.

¹⁹ Там же.

Описанные две конные атаки — 16 июня на колючую проволоку и 19 июня на наступающую пехоту противника — в сознании и памяти очевидцев сохранились как одна общая атака всей 6-й Донской дивизии в один день. «17 июня — 6-я Донская казачья дивизия атакует под дер. Олешвой, для спасения своих частей. Геройская дивизия почти вся погибла»²⁰. Неудачная атака трех сотен в конном строю была превращена Керсновским в гибель целой конной дивизии. Якобы на фронте 7-й армии 17 июня командир 2-го кавалерийского корпуса князь Н.Е. Туманов бросил в атаку под Олешвой лавы (казаков в развернутом строю) 6-й Донской дивизии. «Геройская дивизия была расстреляна», — писал Керсновский. 6-я Донская дивизия «в Брусиловское наступление сражалась храбро, но не всегда успешно», добавил он позже²¹. На самом деле в конных атаках приняли участие всего три сотни 49-го Донского полка.

Наступление Юго-Западного фронта было достаточно удачным, принесло русской армии большие трофеи и значительно исправило ситуацию на других фронтах. Однако и использование многочисленной конницы (а на день прорыва у командующего Юго-Западным фронтом насчитывалось 15 кавалерийских и конных дивизий) оставляло желать лучшего. Тем не менее казаки делали все, чтобы активно преследовать и уничтожать отступающего противника.

Маневренный период боевых действий начался для казаков, когда в войну вступила Румыния, которая долго выжидала исхода войны. 13 августа А.М. Каледин писал жене: «Совершенно не вижу возможности близкого окончания войны; это подтверждается и поведением Румынии, трусливо рассчитывающей час своего выступления и страшно боящейся выступить слишком рано; она мне напоминает трусливую гиену голодную, ходящую вокруг издыхающего крупного животного, но еще боящуюся последних предсмертных судорожных движений тела»²². Как только вступление в войну Румынии произошло, к румынам были направлены 47-й корпус генерала А.М. Зайончковского (61-я дивизия, Югославская дивизия) и 3-я кавалерийская дивизия. Так, 3-й Донской полк в день объявления войны, 14 августа, перешел Дунай и двинулся в Добруджу, где начались бои с болгарями²³. Румыны дрались плохо. Так, 24 сентября 9-й румынский кавалерийский полк (4 эскадрона) ушел с позиций после 10 минут ружейного обстрела. С целью

²⁰ Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М., 2014. С. 36.

²¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 59, 226.

²² Генерал А.М. Каледин. Фронтные письма 1915–1917. С. 129.

²³ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 38. Л. 93.

Казачий полк во время похода в Румынию. 1916 г.

поднять дух пехоты есаул 3-го Донского полка Голубинцев получил приказ «выдвинуть сотню вперед, за первую линию окопов, и впредь находиться там, на виду у пехоты». Казаки, как могли, сдерживали и ободряли потерявшие боевой дух румынские части. 7 октября во время боя у д. Тузла войсковой старшина 3-го Донского полка Валув получил приказ: «Приказываю Вам не отходить и удерживать румын на позиции. Ободряйте румын и не позволяйте им отходить». Полк посылал лавы в тех направлениях, где пехота начинала отходить — для возвращения ее обратно, «ободряя» отступавших румын кнутами и пиками²⁴.

Румынские войска были очень быстро разбиты немцами, и задачей русской конницы (и казаков) стало прикрытие румынского отступления. «Поздняя осень 1916 года. Густой туман серыми, тяжелыми массами опустился на южную степную часть Румынии... Румынская армия отходит под прикрытием кавалерийской завесы нашей конницы», — описывал ситуацию войсковой старшина Голубинцев, служивший в 3-м Донском полку²⁵.

Прикрывая отступление австрийцев, 29 октября 3-й Донской полк в конном строю атаковал болгар у д. Каранасуф. Командовал атакой Генерального штаба полковник А. Разгонов. Сотни войскового старшины Голубинцева и подьесаула М. Красовского изрубили 7-ю и 8-ю роты 53-го болгар-

²⁴ Покровский А., Бирюков С. История 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка. СПб., 2007. С. 180–183.

²⁵ Голубинцев А.В. Потухшие искры. Ростов н/Д., 2005. С.41.

ского пехотного полка, заняли высоту за деревней и оттеснили болгарскую конницу²⁶. Взяты были в плен 2 болгарских офицера и 101 солдат, изрублено — 70–80. При этом казаков убито 2, ранено 7.

«Блестящей конной атакой 29 октября 1916 г. под Каранасуфок в Добрудже полк вписал золотую страницу в историю конницы, а фланговый марш полка вдоль южного берега Дуная по пересеченной местности, прикрывавший и Румынской армии части, может служить классическим примером флангового марша» — вспоминал Голубинцев²⁷.

Осенью 1916 г. крупных операций на других фронтах не было. Многочисленная русская конница в основном сидела в окопах, заменяя пехоту, значительная часть конницы находилась в резерве командующих фронтами. По подсчетам Г.А. Воскобойникова, из 21 казачьей дивизии и 5 отдельных казачьих бригад (а донцы выставили треть казачьих войск России) лишь 12 дивизий пребывали на боевых позициях, остальные 9 казачьих дивизий числились в резерве²⁸.

Правительство и командование стремились сохранить личный состав казачьих полков. Так, 18 октября 1916 г. 24-й Донской полк, находившийся на Западной Двине, был выведен в Петроград на отдых, в казармы Атаманского полка. После отдыха 16 декабря казаки погрузились на станциях Петроград и Александровск и вновь отбыли на фронт после двухмесячного отдыха в столице.

Таким образом, казаки быстро вписались в позиционный характер войны. Командование достаточно грамотно использовало их, не истребляя без нужды в конных атаках на укрепленные позиции. Сами казаки сохранили высокую боеспособность, которая была заметна на фоне своей пехоты и особенно на фоне румынских войск.

²⁶ Там же. С. 185.

²⁷ Там же. С. 70.

²⁸ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 197–198.

REFERENCES

1. *Golubincev A.V.* Potuhshie iskry [Extinct spark]. Rostov-na-Donu, 2005. 172 s.
2. *Kersnovskij A.A.* Istoriya russkoj armii. T. 4 [History of the Russian army]. M., 1994. 368 s.
3. *Korjagin S.V., Abramov M.Ju., Loginov S.D.* Ermolovy i drugie. (Genealogiya i semejnaya istoriya Donskogo kazachestva. Vyp. 103). [Ermolov and others. (Genealogy and family history of the don Cossacks.) Vol. 103]. M., 2012. 631 s.
4. *Os'kin M.V.* Krah konnogo blickriga. Kavaleriya v pervoj mirovoj vojne [The Collapse of equestrian blitzkrieg. The cavalry in the first world war]. M., 2009. 444 s.
5. *Ryzhkova N.V.* Donskie kazaki v vojnah Rossii nachala HKH veka [Don Cossacks in the wars of Russia in the early twentieth century]. Rostov-na-Donu, 2003. 319 s.
6. *Pokrovskij A., Biryukov S.* Istoriya 3-go Donskogo kazach'ego Ermaka Timofeeva polka [History of the 3rd don Cossack Ermak Timofeev regiment]. SPb., 2007. 248 s.

Ключевые слова:

казаки, наступление, прорыв фронта, атака, маневр.

Andrey V. Venkov

THE DON COSSACKS IN THE WWI: THE 1916 CAMPAIGN

This article is devoted to the participation of the Don Cossacks in the campaign of 1915. Russian military leaders used Cossacks on all the fronts of the WWI. The Cossacks were most successful on the Caucasian front, during the Erzerum Offensive. On the German and Austria-Hungarian front the Cossacks distinguished themselves only during the Brusilov Offensive. Commandership of the Russian cavalry in a positional warfare was weak, however, the Cossacks used every opportunity to use their signature warfare methods, such as frontline breakthrough and rear raids. The article shows that the Cossacks, despite the fact that they were fighting in unusual conditions, manifested extraordinary combat efficiency.

 Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Лабораторией казачества
Южного научного центра Российской академии наук

М.В. Оськин

ПРОДФУРАЖНОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В КАМПАНИИ 1916 г.: МЕЖДУ ИЗОБИЛИЕМ И КРИЗИСОМ

становление позиционной войны на Восточном фронте осенью 1915 г. по итогам Великого отступления русских армий коренным образом изменило принцип интендантского снабжения войск. Высокоманевренные сражения 1914–1915 гг. требовали от тыловых служб оперативных действий по снабжению действующей армии в условиях постоянно изменявшейся линии фронта. Интендантские структуры должны были учитывать перемещения войск, причем в масштабах всего театра военных действий (ТВД) своевременно реагировать на исход боевых операций (подвоз грузов или, напротив, их эвакуация), расширять или сужать инфраструктуру на театре войны в зависимости от переноса военных усилий на тот или иной участок фронта. Оперативная пауза зимы 1916 г. и установление жесткого, фактически стационарного, неподвижного позиционного фронта позволяли интендантским органам заранее образовать систему продовольственных магазинов-складов и разгрузочных станций для четкого снабжения армий на ТВД.

¹ Начало см.: *Оськин М.В.* Продовольственное и фуражное снабжение русской армии в кампании 1914 г. // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 148–169; *он же.* Интендантское снабжение русской армии в кампании 1915 г. // Исторический вестник. 2016. № 14. С. 120–139.

В новых условиях, когда войска находились в одном районе, а военные продовольственные магазины образовали сеть складских помещений в войсковых тылах; когда утвердилась схема железнодорожного сообщения магазинов с фронтовыми соединениями, порядок снабжения войск принял сравнительно устойчивую форму. Теперь запасы базисных магазинов фронта стали пополняться по нарядам Главного интендантского управления (ГИНТУ) продуктами, заготавливаемыми Министерством земледелия (рожь, мука, крупа и зерновой фураж, мясо, солонина, рыба, овощи, сало, масло, сено и кормовая солома), а также непосредственным распоряжением ГИНТУ (сухари, галеты, рис, сахар, чай, соль, перец, консервы мясные и рыбные, жмыхи, мыло, табак и прочие продукты интендантского довольствия). Продукты доставлялись к базисным магазинам фронта по особой, выработанной в Ставке Верховного главнокомандующего обязательной ежедневной норме подлежащих подаче на фронт вагонов. Для пополнения продуктами армейских магазинов начальники этапно-хозяйственных отделов армий заявляли суточную потребность армий на все продукты интендантского довольствия интенданту армий фронта².

Определенные изменения претерпела и внутренняя структура ГИНТУ. Еще в декабре 1915 г. для улучшения дела снабжения фронта была учреждена должность Главного полевого интенданта (Главполинта) при Ставке Верховного главнокомандующего. Первым Главполинтом стал начальник ГИНТУ Д.С. Шуваев, которого на старом посту заменил Н.И. Богатко. Однако уже 15 марта 1916 г. Шуваев получил пост военного министра, Главполинтом стал К.Н. Егорьев, а Богатко — Главным интендантом Военного министерства. Таким образом, военное ведомство возглавил человек, долгое время работавший в структурах интендантства — фактическое предназначение Военного министерства в годы войны как центрального органа снабжения действующей армии и требовало такого главы. Теперь Особое совещание по обороне государства действовало не только в тесном сотрудничестве с Верховным командованием, но и под контролем последнего, так как планы снабжения фронта составлялись на ежемесячных междуведомственных совещаниях в Ставке, первыми из которых с января 1916 г. стали совещания по делам снабжения и транспорта³.

Прежде всего, следовало наладить работу железнодорожников, так как Великое отступление оставило в руках австро-германцев все крупные

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2036. Оп. 1. Д. 779. Л. 158.

³ Сулейман Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. Ч. 2: Фронт и армия. М.—Л., 1927. С. 324.

рокадные (направлением с севера на юг вдоль линии фронта) железнодорожные линии на западе Российской империи. С потерей участка Вильно—Барановичи командованию пришлось пользоваться кружным путем: Двинск—Полоцк—Молодечно—Гомель и отсюда — или на Лунинец—Ровно, или на Бахмач—Киев—Казатин. Теперь грузы с фронта на фронт приходилось перебрасывать через тыловые узлы, что затрудняло маневр грузами и перенапрягало работу железных дорог. Обыкновенно грузовые перевозки проводятся в тот период, когда на фронте не ведется крупных операций, требующих усиленной работы железных дорог, а также перевозки людских масс. Передышка весны 1916 г. дала русским такую возможность: до конца 1916 г. продовольствие и фураж из глубокого тыла подвозились маршрутными поездами в адрес корпусов на конечно-выгрузочные станции⁴.

Общее количество продовольственных и фуражных запасов фронта в войну старались поддерживать на уровне двухмесячной нормы и не менее чем месячная. Это — норма, которая воспринималась как необходимость и возможность экономии в случае перебоев. Данное обстоятельство вынуждало к заблаговременному накоплению запасов на ТВД, так как затем маневрирование ими из одного района в другой было бы почти невозможным. Понятно, что такие перевозки перегружали транспорт, ибо приходилось делать запасные склады там, где предполагались операции, но где их в реальности могло и не произойти⁵.

1916 г. дал общее уменьшение как производства паровозов и вагонов, так и сокращение количества подвижных единиц на российских железных дорогах. К началу года количество неисправных паровозов превысило 30% от общего их количества. На 13 марта парк вагонов дорог Полевого управления состоял из 140 218 вагонов при общей суточной работе в 25 351 вагон. Общее наличие вагонов на фронте в мае — 129 820 единиц⁶. Недостаток транспортного парка приходилось восполнять организацией движения и усилением эксплуатации паровозов и вагонов. Телеграмма Министерства путей сообщения от 2 апреля 1916 г. устанавливала номенклатуру продфуражных перевозок: «мука, крупа, овес, ячмень, сено и солома должны перевозиться в магазины фронтов с дорог, лежащих вне Полевого управления, только по распоряжениям Управления железных дорог. Перевозки остальных продовольственных грузов с дорог, лежащих вне Полевого управления

⁴ Губин В. В. Продовольственные лишения были весьма ощутительны. // Военно-исторический журнал. 2014. № 12. С. 11.

⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 42. Л. 277.

⁶ Там же. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 298. Л. 113, 324.

на фронт, надлежит производить только в базисные магазины без особых нарядов Управления железных дорог»⁷. Другое дело, что в связи с истощением местных запасов прифронтовой полосы и начавшихся проблем с продовольственным обеспечением центра империи источники снабжения отодвигаются все дальше вглубь страны, в восточные регионы, что еще сильнее перегрузило железные дороги. Иными словами, в 1916 г. железнодорожный транспорт, помимо усиления войсковых перевозок, столкнулся и с существенным увеличением плеча подвоза продуктов. Погрузка плановых грузов распространялась на весь плановый период и производилась в очередном порядке ввоза груза⁸.

В преддверии наступления 1916 г. все те грузы, что можно было получить теперь же, еще до удара, и складировать, направлялись в прифронтовую зону, ибо надежда на их своевременное прибытие в войска в период наступательной операции была невелика⁹. Однако складирование имущества могло лишь частично сгладить прогрессирующий кризис железнодорожного хозяйства России. Даже в условиях Брусиловского прорыва, когда фронт двигался вперед и требовалось регулярно и безостановочно, без перебоев, подвозить грузы, в том числе продфуражные, заторы на железных дорогах отнюдь не являлись редким явлением. В мае 1916 г. подвоз продуктов Юго-Западному фронту даже уменьшился; недовоз составил 5428 вагонов — 30% грузов, в том числе 176 вагонов крупы, 2616 вагонов сена, 319 вагонов сала и масла, 2277 вагонов скота. Массовые оперативные перевозки (подвоз резервов, оружия и боеприпасов) еще более усилили недовоз продовольствия, создав в середине июня недогруз в 3214 вагонов грузов (7-дневный приток)¹⁰.

С целью усиления снабжения фронта в случае транспортных перебоев совещанием 28–29 июля 1916 г. в Ставке было постановлено образовать запасы продовольствия и фуража в тыловых магазинах, вне предела театра военных действий. Прежде всего — в таком крупном распределительном торговом пункте в тылу, как Рыбинск¹¹, откуда грузы могли идти на Северный и Западный фронт, а также в Петроград. Если Юго-Западный фронт имел в своем тылу богатые хлеботородные регионы, а Западный фронт — часть черноземных губерний Центральной России, то северные области были ли-

⁷ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 263. Оп. 1. Д. 441 а. Л. 52.

⁸ Государственный архив Тверской области. Ф. 832. Оп. 1. Д. 41. Л. 140.

⁹ Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 526.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 922. Л. 271, 314.

¹¹ Журнал совещания 28–29 июля 1916. Б.м., 1916. С. 22.

шенны объективной возможности в широком смысле использовать местные ресурсы. Посему запасы и перебрасывались в такой важный транспортный узел, связанный с северными регионами, как Рыбинск. В целом к 20 сентября базисные, промежуточные, армейские продовольственные магазины располагались в десятках городов и местечек. Слабость транспорта вынуждала к складированию различных грузов, в том числе и продфуража.

На 2-й операционный год (июль 1915 — июнь 1916 г.) ГИНТУ поручило заготовить 48,4 млн пудов муки, 6 млн пудов крупы, до 500 тыс. пудов макарон, 160 тыс. пудов овса. Две трети крупы должно быть гречневой и треть — пшеничной; 1/5 зернофуража — ячмень, а также 75,3 млн пудов сена, мяса — 19,9 млн пудов, сахара — 2,7 млн пудов, соли — 2,4 млн пудов, масла и сала — 901 тыс. пудов, томат-пюре — 454, махорки — 387, лука — 260, чая — 196, перцу — 41, 107 млн банок консервов. Вдобавок журналом от 31 декабря 1915 г. Военный совет утвердил дополнительную заготовку до ноября 1916 г.: муки — 44 млн пудов, крупы — 5,6 млн, риса — 2 млн, зернофуража — 77 тыс. пудов¹². Кроме того, по заказу интендантства Юго-Западного фронта, Министерство земледелия обязывалось заготовить 21 млн пудов овса, 6 млн пудов муки и 1,286 млн пудов крупы; для войск Туркестанского военного округа — 4,428 млн пудов муки и 0,795 млн пудов крупы; для флота — 1,7 млн пудов муки и 0,18 млн пудов крупы. Итого — 181 млн пудов зернофуража, 60,528 млн пудов муки и 8,316 млн пудов крупы¹³. Хороший урожай 1915 г., из которого производились закупки, вплоть до осени позволил успешно решать задачу закупок хлебных продуктов для вооруженных сил Российской империи.

Тем не менее, первой проблемой фронта в 1916 г. встала задача мясных поставок, так как истощение отечественного скотоводства стало наблюдаться уже в 1915 г. Министерство земледелия отмечало, что армия требует более 100 тыс. пудов мяса в день, причем указанная цифра будет скорее возрастать, нежели уменьшаться. Следовательно, с учетом запасов, до 1 января 1917 г. потребуется около 3,5 млн голов скота. Так как свободной закупкой скот добыть уже нельзя, то необходимы обязательные поставки. Исполнение же обязательных поставок, в свою очередь, требует введения твердых цен на мясо и скот¹⁴. Первоочередной мерой признавалось сокращение мясного пайка в армии, составлявшего $\frac{3}{4}$ фунта (300 г). Второй мерой — введение в войсках мясопустных дней (замена мяса другими продуктами).

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 456. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 11, 15, 29.

¹³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 13.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618. Л. 1.

16 января 1916 г. Верховный главнокомандующий император Николай II повелел с 20 января для всех войск вне ТВД (тыловой район фронта и гарнизоны внутренних округов) ввести мясной паек в $\frac{1}{2}$ фунта при двух постных днях в неделю. Также вводились в довольствие свинина и баранина «на одинаковых основаниях с мясом рогатого скота» и рекомендовалось «обязательно широко применять довольствие рыбой, где это окажется возможным»¹⁵. Наконец, на заседании Особого совещания по обороне государства 20 января 1916 г. военный министр А.А. Поливанов доложил, что с 20 января в войсках вводятся два дня рыбы в неделю, а мясная порция уменьшается с $\frac{3}{4}$ фунта до $\frac{1}{2}$ фунта¹⁶. С 7 апреля 1916 г. и до конца войны мясной паек составлял $\frac{1}{2}$ фунта мяса — 205 г, и было разрешено засчитывать в счет мяса мясные отходы (сбой и голье — голова, ноги, брюшина, вымя, диафрагма)¹⁷. Взамен сокращения пайка на $\frac{1}{4}$ фунта мяса в солдатскую дачу добавили $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, 12 золотников (1 золотник — 4,3 г) крупы и 3 золотника сахара.

Не имея запасов скота для снабжения огромной армии в Европейской России (грузы из азиатской части страны шли через Волгу с большими перебоями, причем приоритет отдавался вооружению, перевозимому из Владивостока), тыл не мог выполнить своих обязательств по мясу и жирам, что вынудило военное ведомство вводить мясопустные дни, заменять мясо рыбой и яйцами и сократить паек до $\frac{1}{2}$ фунта мяса. Как вспоминал Я.М. Букшпан, «небольшое изменение индивидуальной нормы потребления в армии изменяло на миллионы цифры снабжения». Мясопустные дни давали экономию в год по 65,6 кг на одного солдата. В целом — 984 тыс. тонн — «75% прежнего общего потребления мяса страной»¹⁸. Следовательно, еще летом 1916 г., до начала закупок хлеба из нового урожая, ситуация со снабжением фронта была довольно стабильной, хотя и с тенденцией к некоторому ухудшению.

Полфунта — это и есть объективно возможный для страны предел выдачи мяса в действующей армии в период затяжной войны, ибо разрастание численности вооруженных сил грозило в корне подорвать возможности отечественного животноводства, так как годовое потребление мяса армией составляло 60% довоенного потребления всем населением России (в 1916 г. армия потребила около 33 млн пудов мяса). Здесь было наруше-

¹⁵ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 97. Оп. 2. Д. 1805. Л. 131.

¹⁶ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. М., 2013. Т. 2: 1916. С. 53.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 190.

¹⁸ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.—Л., 1929. С. 162.

Палатки русских солдат на зимних позициях: приготовление чая в землянках.
Начало 1916 г.

но хрупкое довоенное равновесие между производством и потреблением мяса, основанное в первую очередь на малом потреблении мясных продуктов российской деревней. То есть даже при самой идеальной постановке продовольственного дела кризис сложившейся системы был неизбежен. В конце 1916 г. Егорьев определял годовую потребность армии в мясе в 42 млн пудов. В счет этого количества считалось возможным получить 7 млн пудов рыбы, но 35 млн — должно было быть мясо¹⁹. Единственным выходом для покрытия образовавшегося и непрерывно углубляющегося недостатка мяса могло быть только сокращение его потребления.

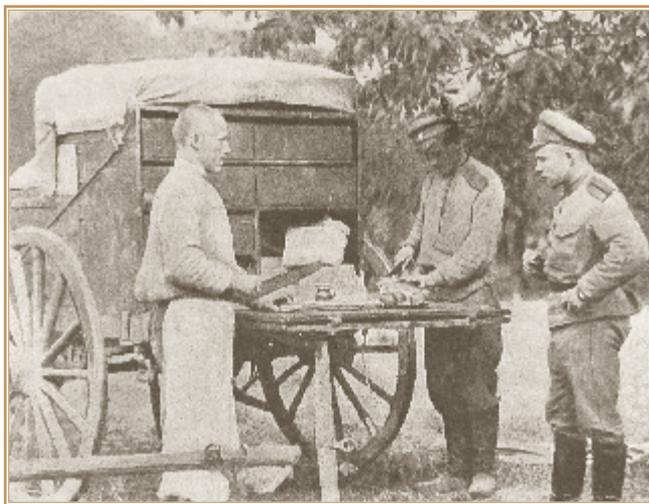
Совещание в Ставке 13 января 1916 г. установило суточную потребность армии в 12 545 голов или 125 450 пудов мяса, что требовало на год 3,5 млн голов крупного рогатого скота, и постановило продовольствовать армию с помощью гона к линии фронта скота, запас коего предполагалось иметь «на ногах в размере 25% от суточной потребности»²⁰. Отсюда последовало расширение зоны ответственности военных властей, когда в 1916 г. им стали подчиняться западные уезды Тверской, Московской, Орловской и Курской губерний, до того бывших глубоко тыловыми. В тыловых частях, где существовали постные, яичные и рыбные дни²¹, потребление мяса минимизировалось²². Правила снабжения мясом гарнизонов внутренних округов были окончательно утверждены императором

¹⁹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1646. Л. 71.

²⁰ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 416. Л. 2; Д. 618. Л. 54–55.

²¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 899. Оп. 1. Д. 19. Л. 253.

²² ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 418. Л. 16.

Полевая кухня в русской армии. Лето 1916 г.

10 октября 1916 г.: войска должны были получать, помимо говядины, овец и свиней²³.

Часть скота поставлялась на фронт в виде консервированного мяса. Одна мясная порция консервов шла взамен одной суточной нормы мяса, приготавливаясь как путем централизованной варки (артельные котлы, полевые кухни), так и самостоятельного разогрева. С 11 апреля 1916 г. мясные консервы могли быть выдаваемы только передовым частям в размере одна банка за полфунта мяса. В целом, в 1916 г. для фронта было заготовлено около 78 млн порций консервов, в том числе 350 тыс. яичных и 2,5 млн рыбных²⁴. Также в 1916 г. допускалось производство консервов из мороженого, а не парного мяса; на довольствие солдат была введена гороховая колбаса (или «военная колбаса»²⁵) и признавалась желательной «полная утилизация сбоя на всех консервных заводах», на довольствие был взят гороховый мясной суп «Экстроль»²⁶.

Компенсировать объективно неизбежное понижение мясного пайка рыбой в целом не удалось. 12 февраля 1916 г. Верховный начальник санитарной и эвакуационной части при штабе Верховного главнокомандующего принц А.П. Ольденбургский распорядился заменить два раза в неделю по средам и пятницам мясо рыбой, что распространялось на раненых и боль-

²³ РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 1. Л. 70–72.

²⁴ Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 97.

²⁵ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 1165. Л. 7.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1926. Л. 72–73.

ных и медицинский персонал²⁷. С весны 1916 г. требования на рыбу вновь усилились, была разрешена поставка сельди (наряд на 1 млн пудов соленой сельди²⁸), а заготовка сушеной рыбы (воблы) в Астрахани, а также сушеных леща и воблы в районе Аральского моря приняла крупные размеры²⁹. Наряд ГИНТУ на заготовку рыбы в 1916 г. составил 6 млн пудов, в том числе 5 млн — до 1 апреля 1917 г., и 1 млн — до 1 июля 1917 г.³⁰

Помимо мясных продуктов, фронту требовались животные жиры, которые в виде свиного сала и коровьего (сливочного) масла входили в ежедневный паек солдата. В 1916 г. ежедневная дача жиров составляла 42 г (в 2 раза больше мирного времени, но на 80% меньше, чем в начале войны). Общая нехватка жиров в стране привела к тому, что с весны 1916 г. внутренние гарнизоны должны были довольствоваться говяжьим жиром и растительным маслом, так как свиное сало полностью шло на фронт³¹. К концу 1916 г. животные жиры прекратили выдавать даже военно-учебным заведениям, предлагая им довольствоваться подсолнечным маслом³². Осенью 1916 г. даже предлагалось вытапливать сало из костей с помощью особых специальных котлов — до 20% продукта от чистого веса костей³³. Из-за недостатка жиров для снабжения фронта с лета 1916 г. стало заготавливаться подсолнечное масло, а с осени — рафинированное хлопковое масло (ранее применявшееся для технических целей)³⁴. Хлопковое масло покупалось в Туркестане, а подсолнечное — в районах губерний Воронежской, Саратовской, Тамбовской и областей Донской и Кубанской³⁵. Всего в 1916 г. действующая армия получила 1 820 790 пудов сала, 2 670 033 пуда сливочного масла, 780 124 пуда подсолнечного масла и 20 847 хлопкового масла³⁶.

Еще одним из продуктов, к заготовке которого для армии приступили лишь в 1916 г., стали яйца. Производство яиц перед войной составляло около 7 млрд штук, из которых около трети (2,5 млрд) шло на экспорт. Потребление внутри страны составляло около 40 яиц на душу населения в год³⁷.

²⁷ Вестник X армии. 1916. 14 февраля.

²⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 283. Л. 38.

²⁹ РГВИА. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 147. Л. 84, 87.

³⁰ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 525. Л. 16.

³¹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1458. Л. 149, 151.

³² ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 449. Л. 121, 136.

³³ РГВИА. Ф. 499. Оп. 4. Д. 543. Л. 68–69.

³⁴ ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 59. Л. 107.

³⁵ ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 23. Л. 123–124.

³⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 28.

³⁷ *Островский А. В.* Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2014. С. 290.

До весны 1916 г. яйца закупались лишь в сравнительно небольших количествах для пасхального довольствия войск. С апреля 1916 г. пошла массовая закупка яиц, причем, по мысли министра земледелия, «имелось в виду яйцами частично заменить мясное довольствие как фронтовых, так и тыловых частей»³⁸. После того как в стране стали экономить мясо, с 23 мая 1916 г. за ½ фунта мяса в действующей армии можно было выдавать 5 яиц в войсковом районе и 3 яйца в тыловом районе. Первыми на яичное довольствие перешли гарнизоны внутренних округов, разнообразив свой рацион и одновременно экономя на мясе³⁹. В августе 1916 г. были установлены твердые цены на яйца и предоставлено право уполномоченным Министерства земледелия на их реквизицию.

Одним из первых продуктов, недостаток которого стал ощущаться в России в период войны, стал сахар, являвшийся частью чайного пайка и составлявший 6 зол. (26 г) сахара ежедневно. Почти 3-кратный рост сахарного довольствия (77 г) с началом войны был рассчитан на скоротечный конфликт. Как только стало ясно, что война затягивается, сахарный паек в вооруженных силах стал постепенно сокращаться. В 1915 г. армия не испытывала проблем со снабжением сахаром, ибо сокращение посевов сахарной свеклы, а следовательно, и производства продукта, произошло лишь в 1916 г. Доклад по ГИНТУ от 5 августа 1916 г. рекомендовал уменьшить сахарный паек на 6 золотников, учитывая, что в 1916 г. дача сахара в армии была поднята с 15 до 18 зол. В заседании 10 августа 1916 г. Военно-санитарный ученый комитет признал возможным без ущерба для питания солдат понизить сахарный паек до 12 зол., причем не только в тыловом, но и в передовом районе⁴⁰. В итоге 15 сентября начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев распорядился «не уменьшая существующей дачи сахара, выдавать каждому нижнему чину натурой только 12 зол., а взамен остальных 6 зол. выдавать деньги по действующей ныне среднезаготовительной цене в 7 [руб.] 12 [коп.] за пуд сахара впредь до изменения этой цены»⁴¹. То есть треть сахарного пайка стала выдаваться деньгами, купить на которые сахар было, конечно, невозможно. За первую половину 1916 г. фронты получили 7,48 млн пудов сахара-рафинада и 383 тыс. пудов песку. На 3-й операционный год на срок с 1 июня 1916 г. по 1 июля 1917 г. ГИНТУ заказало 12,9 млн пудов

³⁸ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 24. Л. 204.

³⁹ ЦГАМ. Ф. 899. Оп. 1. Д. 19. Л. 253.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 8. Л. 21, 23, 28.

⁴¹ Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1522. Л. 6.

сахара-рафинада для фронта и 1,3 млн рафинада или песка для гарнизонов. Всего — 14,2 млн пудов⁴².

Если яйца и рыба были введены в солдатский паек лишь в ходе войны в качестве непредвиденных составляющих (вместо мяса), то полагающимся элементом пайка являлись овощи. Сокращение мясного потребления должно было вызвать усиленное потребление овощей в тылу, но постепенно и армейские заготовки стали требовать все больших и больших объемов подвозимой к фронту овощной продукции. Согласно нарядам ГИНТУ, Заготосель заготавливал сушеные овощи, квашеную капусту, свежий лук, чеснок, и с 9 сентября 1916 г. — картофель, сборы которого до войны шли на винокурение и компенсацию нехватки продовольственного зерна для населения⁴³. На 1916 г. интендантство запросило 550 тыс. пудов сушеных овощей, но вследствие неважного урожая фактически оказалось заготовлено и отправлено армиям 417 500 пудов⁴⁴. Из наряда в 5,5 млн пудов квашеной капусты было выслано лишь 2,8 млн пудов⁴⁵. Наряд на заготовку чеснока был впервые дан именно в 1916 г. — 70 тыс. пудов, но закуплено было только 12,5 тыс. (17,5%)⁴⁶. С весны 1916 г. войскам на фронте и в тылу для предупреждения цинги отпускали сушеные овощи и лимонную кислоту, однако интендантство отказывало гарнизонам в отпуске сушеных овощей и лимонной кислоты, указывая, что их не хватает и фронту. Взамен предлагалось использовать винный уксус, лук, чеснок, жиры, щавель⁴⁷. Соответственно, с 1916 г. уполномоченные Министерства земледелия стали заготавливать сушеные фрукты, вино, уксус, томат-пюре, клюквенный экстракт, лимонную кислоту⁴⁸. С июня ГИНТУ стало требовать красный перец, кислую капусту, свежую зелень, черемшу и растительные жиры⁴⁹.

Помимо продовольствия для людей, в 1916 г. фронт особенно испытал недостаток поставок фуража — зернового (овес, ячмень), травяного (сено, солома) и суррогатов (жмыхи, отруби). Основным видом фуража являлся зерновой, причем нехватка овса для снабжения армии обозначилась уже с началом войны, и в 1916 г. ячмень составлял около 2/5 всего поставляемого

⁴² ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 50. Л. 11об.; РГИА. Ф. 456. Оп. 3. Д. 1. Л. 41.

⁴³ *Островский А. В.* Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М., 2016. С. 176.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 223. Л. 23.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 47.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 169. Л. 6.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 4. Д. 501. Л. 331.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 322. Л. 114.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1458. Л. 177.

го действующей армии зернофуража. Конский состав действующей армии чрезвычайно нуждался в овсе, а потому с 1916 г. тыл должен был полностью лишиться этого хлебофуражного продукта, так как потребность армии в овсе в 4 раза превышала объемы его предвоенного экспорта⁵⁰. В кампанию 1916–1917 гг. уполномоченные сочли возможным заготовить 252,7 млн пудов зернофуража, в том числе 146,5 млн овса и 106,2 ячменя. Потребность же составляла: для фронта и гарнизонов — 392 млн пудов и для населения 32 млн; итого — 444 млн пудов. То есть даже объективная нехватка насчитывала 191,3 млн пудов, а в связи с недосевом хлебов урожаем 1916 г. оказался меньше планируемого, что еще более повышало недопоставку зернофуража. Министерством земледелия признавалось, что «армейский наряд превышает средний годовой вывоз из империи овса и ячменя за 1909–1913 гг. на 101 млн пудов и максимальный (за 1911 г.) на 47 млн пудов»⁵¹.

Из урожая 1916 г. должно было быть заготовлено 200 млн пудов сена, в том числе для армии — 165 млн. В 1916 г. расход сена на действующую армию, исходя из численности конского состава, был исчислен в 25 177 433,9 центнера (по данным Центрально-статистического управления — 55 366 000). В то же время заготовки Министерства земледелия насчитывали 8 190 248 центнеров. Разница покрывалась за счет самостоятельных войсковых заготовок⁵². В 1916 г. фронт должен был получить 275 190 вагонов сена, а погружено было 198 539; недогруз составил 76 651 вагон или около 28%⁵³. 2 сентября 1916 г. Главполитг сообщил в Ставку, что по предварительным данным, урожай трав будет плохой, а потому подача сена будет ниже нормы, тем более что не хватает и прессовальной проволоки. Предлагалось к октябрю сформировать запасы сена в магазинах, а с 15 сентября по 15 ноября установить норму дачи с 10 фунтов сена в день до 12, но с условием, что выдаваться интендантством будут только 5, а остальные 7 — заготавливаться собственным попечением войск. Ставке ничего не оставалось, как согласиться с данным предложением⁵⁴. Следовательно, уже в сентябре было известно, что предстоящей зимой кризис снабжения фронта сеном, с высокой степенью вероятности, станет очевидным фактом. В связи с нехваткой сена в действующей армии часть

⁵⁰ Сидоров А.А. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 487.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 100. Л. 8.

⁵² Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М.—Л., 1929. С. 45, 55.

⁵³ ГАРО. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1612. Л. 5.

фуражной дачи стала составлять солома, причем теперь — в значительных количествах, хотя солома является малопитательным и трудноперевариваемым кормом (по питательности фунт сена равен трем фунтам соломы)⁵⁵.

Осенью 1916 г., в связи с возникновением Румынского фронта, с 15 сентября по 15 ноября Ставка распорядилась «допустить на довольствие лошадей фронта кукурузу⁵⁶, каковую выдавать в дробленном виде, в размере 1/5 установленной дачи зернового фуража для всех лошадей транспортов, обозов и других тыловых учреждений». В начале войны кукуруза еще шла на экспорт в союзные или нейтральные государства, так как ее использование для питания фронта не предполагалось, но вскоре вывоз был запрещен. Параллельно с этим увеличивалась дача сена с 10 до 12 фунтов, причем интендантство отпускало лишь 5, «а остальные 7 фунтов заготавливались собственным попечением войск»⁵⁷, почему любой недовоз при столь уменьшенной даче имел следствием падеж лошадей⁵⁸. Однако кукуруза обычно применялась для откорма животных, а не для повышения производительности их труда, и интендантство требовало при замене зернофуража кукурузой допускать не более 1/3 ее в дневном пайке для лошади⁵⁹.

В качестве одновременного решения двух проблем — использования дополнительных продуктов для фуража и экономии транспортных мощностей — в годы войны отдельными ведомствами и лицами предлагались разнообразные варианты использования концентрированных кормов и заменителей. В 1916 г. Министерство земледелия стало активно рекомендовать применение отбросов мукомольного и масличного производства — отрубей и жмыхов — сильный в питательном смысле корм (в 3–4 раза питательнее сена и в 5–6 раз питательнее соломы), недорогой и удобный в перевозке, но вредный для лошади при длительном употреблении⁶⁰. В крайнем случае, такие рекомендации выполнялись отдельными частями, дабы не допустить падежа лошадей от бескормицы. А в Управлении по ремонту армии вообще считали, что «благодаря постоянным реквизициям фуража, а следовательно, отсутствия его у населения для личных нужд, стали кормить всякого рода суррогатами, благодаря чему к сдаче приводятся лошади в очень плохом теле, с большими отеками ног, с признаками катаров желудка и т.д.»⁶¹

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 779. Л. 462

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 17. Л. 112 об.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1263. Л. 24; Д. 1522. Л. 15.

⁵⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 488. Л. 11.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 84.

⁶⁰ РГИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–27.

⁶¹ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1–2.

Санитарный обоз с полевой кухней

В 1916 г. в действующую армию было выслано более 347,2 млн пудов фуража, но провианта — около 171,9 млн пудов (+ еще 2 млн голов скота). Кроме того, для войск внутренних округов в течение первых семи месяцев 1916 г. было выкуплено провианта 18,7 млн пудов и фуража свыше 19,8 млн пудов. Таким образом, количество переданного фронту фуража вдвое превысило вес продовольствия для людей. Этот факт говорит как о значении фуражного снабжения армии, так и о трудностях, с которыми неизбежно сталкивались ГИИТУ и Министерство земледелия в закупках фуражных продуктов. Более того: фуражный паек превосходил паек людской и в стоимости: стоимость суточной дачи осенью 1916 г. на человека в сутки составила 64,33 коп., в том числе 20 коп. мясо, 9,64 — сало и 11,33 — мука, а для 1 лошади — 81 коп. зернофураж и 31 коп. сено и солома (итого — 112 коп.)⁶².

Основная проблема состояла не в стоимости и не в самом продукте (в конечном счете на продовольствие войск это никак не влияло), а в транспортных усилиях по его доставке. При соотношении людей и лошадей как 4:1 вес подвозимого груза являлся одинаковым. Следовательно, чтобы обеспечить 8–10-миллионную армию «ртов» на фронте зимой 1916/17 г., нужно было перебросить двойное количество грузов, так как это количество людей обслуживалось примерно 2,5 млн лошадей (считая и крестьянских животных, задействованных на военных работах и, как правило, получавших фураж от интендантства). Лишним материалом здесь являлась кавале-

⁶² Там же. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 22. Л. 193.

рия, которая не смогла пригодиться в позиционной войне. Даже Брусиловский прорыв не использовал конницы для развития своего первоначального успеха. Тем не менее, военачальники не отказались от кавалерии, и конский состав фронта полностью оставался в войсках, требуя для себя как питания, так и транспортных мощностей, которые могли быть использованы для снабжения людей.

До августа 1916 г. продовольственные службы империи достаточно успешно справлялись с кормлением армии. Проблемы со снабжением фронта продуктами питания и фуражом начались в сентябре 1916 г., когда к отправке на фронт было назначено 1129 вагонов (31,9 млн пудов), в том числе 687 (18,7 млн пудов) — овса и ячменя, 382 (11,4 млн пудов) муки, 60 (1,8 млн пудов) крупы. Помимо того, 9,3 млн пудов требовал Кавказский фронт и еще 3 млн пудов — Московский и Казанский военные округа. Во-первых, уже в августе упал подвоз продуктов к станциям железных дорог, и прогнозировалось ухудшение ситуации⁶³. Следовательно, снабжение фронта должно было производиться за счет тыла, что в числе прочих причин и спровоцировало продовольственный кризис зимы 1917 г. в тылу. Этой зимой военные власти усилили заготовки продфуража в прифронтовых губерниях, наполняя склады на случай недовоза продуктов — лишь эти ресурсы позволили избежать голода на фронте, когда усилия транспорта упали до минимума.

Во-вторых, резко упали объемы поставок хлеба на склады и станции, что в конечном счете декабре 1916 г. привело к закону о продовольственной разверстке. На 12 сентября было куплено и заподряжено 50,3 млн пудов хлебов из урожая 1916 г. То есть — до установления твердых цен 9 сентября, однако, реально получено от поставщиков лишь 9 млн пудов⁶⁴. Железнодорожники считали, что недогруз происходит в основном не по их вине (неподача вагонов), а по вине непредъявления грузов. Например, за первую половину ноября 1916 г. для Центрального района было назначено 7497 вагонов, погружено — только 2151. Из недогруза в 5346 вагонов (71,3%) лишь 617 по вине железных дорог (неподача вагонов)⁶⁵.

Кризисным тенденциям способствовало увеличение количества людей («ртов») на ТВД. По сведениям штабов фронтов, на фронте к 1 октября 1916 г. было по штату 5 917 310 человек, по списку — 8 055 181, налицо — 6 126 700. Между тем, по данным Главполинта, на довольствии состояло до

⁶³ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 158–160.

⁶⁴ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1007. Л. 55.

⁶⁵ Там же. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3498. Л. 32.

8,5 млн человек⁶⁶. Помимо того, в тыловых гарнизонах находилось еще более 2 млн солдат, также требовавших своего снабжения от интендантства, ибо к 1917 г. численность войск внутри страны была наивысшей⁶⁷. Главный интендант Военного министерства генерал Н.И. Богатко в своих воспоминаниях справедливо отметил, что «за три года были исчерпаны избытки — появились недостатки», ибо в конце 1916 г. на довольствии у интендантства состояло около 12 млн человек и 3 млн лошадей⁶⁸.

Конец 1916 г. осложнился созданием Румынского фронта. Будучи вынужденными выручать потерпевших поражение союзников, русское командование перебрасывало в Румынию массу соединений, ввиду чего русская группировка в Румынии перевалила за миллион человек, а количество «ртов» увеличилось на более чем 600 тыс. румынских беженцев и остатков румынской армии. В пределах Румынского фронта к концу 1916 г. насчитывалось более 900 тыс. русских солдат, румынская армия — свыше 400 тыс., беженцы — до 3,5 млн чел. Учитывая, что Российская империя соединялась с Румынией единственной железной дорогой Раздельная—Бендеры—Унгены—Яссы, а в силу разной ширины железнодорожной колеи станция Яссы, находившаяся на русско-румынской границе в Молдавии, являлась разгрузочной станцией, проблема снабжения этих войск становилась почти неразрешимой: недовоз составлял не более ½ от необходимых объемов⁶⁹.

С наступлением осени количество продовольственных эшелонов сократилось. Во-первых, стал сказываться тот надрыв транспортных мощностей, что образовался в кампании 1915 г., когда железные дороги, помимо воинских и снабженческих перевозок, занимались еще эвакуационными и беженскими перевозками. Во-вторых, вступление в войну Румынии вынудило русское командование с октября отдать приоритет этому направлению, так как встречные продовольственные перевозки в конечном счете побуждали не делать различий между русскими и румынскими грузами⁷⁰.

Из таблицы отчетливо видно, что весь 1916 г. подвоз продовольствия в армию находился приблизительно на одном уровне (около 65 тыс. пудов в месяц), выйдя на максимум в мае—июле, что, очевидно, связано с наступлением армий Юго-Западного фронта (Брусиловским прорывом).

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 6—7.

⁶⁷ Протасов А.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж. 1978. С. 16.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 179 об.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 2120. Л. 278.

Таблица. Подвоз продовольствия и фуража для действующей армии по всем фронтам в 1916 г.⁷¹

1916 г.	Планировавшийся подвоз (в вагонах)	Фактический подвоз (в вагонах)	В % против плана
Январь	51 243	56 688	10,6
Февраль	58 987	55 567	-6
Март	72 385	71 316	-1,4
Апрель	83 790	78 747	-6
Май	94 116	94 475	0,3
Июнь	87 960	83 599	-4,8
Июль	93 837	80 909	-13
Август	93 837	64 652	-34
Сентябрь	80 970	56 480	-30
Октябрь	84 041	62 711	-25
Ноябрь	81 810	57 434	-29
Декабрь	92 848	62 726	-32

Между тем наряды ГИНТУ не менее чем на 30% превышали поставляемые фронту объемы продуктов питания. В результате, как только на железные дороги легла дополнительная нагрузка (переброска 1 млн человек в Румынию с октября 1916 г. по январь 1917 г. и увеличение подвоза резервов в связи с подготовкой весеннего наступления), ситуация резко ухудшается. Следовательно, численность армии существенно превысила возможности железных дорог, что вынудило командование фронтов предпринимать реквизиции в прифронтной полосе, сокращать паек и проч.

Несоответствие возможностей транспорта и потребностей фронта стало максимальным именно на рубеже 1916/17 г. Поэтому командование опиралось не только на ежедневный подвоз интендантства, но и на местные средства (в наиболее тяжелые периоды), и на самостоятельные закупки продовольствия войсками частями и соединениями в тылу и, наконец, на трофеи. Южные фронты, имевшие в своем тылу хлеботорные регионы, разумеется, активнее использовали местные ресурсы. Северный фронт ежедневно требовал подвоза 606 вагонов продовольствия и фуража, плюс 45 вагонов, подвозимых в пределах самого фронта. Западный фронт — соответственно 612 и 23; Юго-Западный фронт — 621 и 266; Румынский фронт — 397 и 295 вагонов⁷².

⁷¹ Таблица составлена по: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 178 об.

⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Л. 290 об. — 291 об.

Приоритет интересов фронта понуждал Ставку поставить деятельность Министерства земледелия под контроль военного интендантства. Поэтому в отношении припасов, заготавливаемых распоряжением министра земледелия, совещание 15–16 декабря в Ставке постановило, что «наряды местным уполномоченным даются Министерством земледелия на основании плана, вырабатываемого на совещаниях в Ставке, и никакому изменению без указаний Главного полевого интенданта не подлежат», а общую координацию действий осуществляет Главполит⁷³. Иными словами, было принято решение об установлении правила, по которому фронтовые интендантские органы не должны обращаться непосредственно к уполномоченным Министерства земледелия, так как уполномоченные работают на все фронты, а удовлетворение запросов одного фронта автоматически повлечет за собой недовоз продовольствия на другой фронт⁷⁴.

В 1916 г. продовольственным органам Российской империи в целом удалось сбалансировать потребности вооруженных сил с закупками продовольствия в стране. Однако увеличение «ртов» в полтора раза, ближе к концу года, уже ставило этот баланс под сомнение, вынуждая власть пойти на ограничение потребления тыла (и без того невысокого). Все продукты питания к концу 1916 г. уже являлись дефицитными.

Таким образом, к осени 1916 г. стало ясно, что избыточность русского продовольственного ресурса является мифом, и следует экономить продукты питания на тыле во имя снабжения фронта. В конце 1916 г. были разработаны планы снабжения армии на срок до 1 июля 1918 г., исходя из численности армии в 8,5 млн чел. + ежемесячное укомплектование на 500 тыс. человек⁷⁵. Дальнейший рост вооруженных сил должен был затронуть как потребление тыла, где и без того не хватало продуктов для полноценного питания, а также и основной фонд народного хозяйства — прежде всего, скот. Безусловно, военные власти справедливо полагали, что тыл должен отдать для победы все имеющееся. Однако, одновременно с тем, даже получив информацию, что продовольственные ресурсы страны изнемогают под тяжестью военного бремени, военные не пожелали пойти навстречу правительству хоть в чем-либо, что существенно облегчило бы задачи тыла, ибо военные заготовки за время войны достигли гигантских размеров.

⁷³ Журнал совещания в Ставке 15–16 декабря 1916 г. Б.м., 1917. С. 15.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 386. Л. 12 об. — 14.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 85 об.

REFERENCES

1. *Aranovich A.V.* Intendantskoe snabzhenie russkoj armii nakanune i v gody pervoj mirovoj vojny [Quartermaster supply of the Russian army before and during the First World War]. SPb., 2004. 143 p.
2. *Bukshpan Ja.M.* Voенно-hozjajstvennaja politika [The military and economic policy]. M.–L., 1929. 541 p.
3. *Veshhikov P.I., Ogurechnikov A.A., Shanin A.V.* Prodovol'stvennaja sluzhba Vooruzhennyh Sil Rossii: Kratkaja istorija [Food service of the Russian Armed Forces: a brief history]. M., 1999. 398 p.
4. *Gubin V.V.* «Prodovol'stvennye lisheniya byli ves'ma oshhutitel'ny» // Voенno-istoricheskij zhurnal [Food deprivation was a very perceptible]. 2014. № 12. 9–12 p.
5. *Ostrovskij A.V.* Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX — nachale XX v [Animal industry of the European Russia in the late XIX — early XX century]. SPb., 2014. 441 p.
6. *Ostrovskij A.V.* Rossijskaja derevnja na istoricheskom pereput'e. Konec XIX — nachalo XX v. [Russian village historic crossroads. The end of XIX — beginning of XX century]. M., 2016. 431 p.
7. *Protasov L.G.* Soldaty garnizonov Central'noj Rossii v bor'be za vlast' Sovetov [The soldiers of the garrisons of the Central Russia in the struggle for Soviet power]. Voronezh. 1978. 191 p.
8. *Protopopov B.V.* Senosnabzhenie i vojna [The supply of hay and war]. M.–L., 1929.
9. *Sidorov A.L.* Jekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [The economic situation in Russia during the First World War]. M., 1973. 655 p.
10. *Sulejman N.A.* Tyl i snabzhenie dejstvujushhej armii. Chast' 2: Front i armija [Rear and supply of the army. Part 2: the front and the army]. M.–L., 1927.

Ключевые слова:

Главное интендантское управление, Главный интендант, кризис снабжения, продовольственная разверстка.

Maxim V. Oskin

FOOD AND FORAGE SUPPLIES OF THE RUSSIAN ARMY IN THE 1916 CAMPAIGN: BETWEEN PROFUSION AND CRISIS

The year of 1916 turned out to be quite difficult for the intendant services of the Russian army of the WWI period. Abundance of food and forage resources at the beginning of the year was followed by deficiency of food by the beginning of autumn and then, later, by a general crisis in supplies of goods to the army. The intendant services, dependent on the Ministry of Agriculture, were doing their best to avoid negative consequences of supply shortage to the army. In spite of this, the general situation in the country by the end of 1916 was marked by an ever-deepening crisis both in the rear and at the front.

 Оськин Максим Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин
Института законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации

А.С. Анисков

КАЛУЖСКИЙ ГАРНИЗОН В 1916 г.

итуация в тыловых гарнизонах России в 1916 г. представляет собой важную научную проблему, которая по-прежнему требует всестороннего изучения. В историографии отмечалось, что во время Первой мировой войны концентрация войск в городах Центральной России породила феномен военных городов, где военнослужащих было почти столько же, сколько местного гражданского населения¹.

Таким типичным полувоенным городом стала Калуга, которая по соображениям военно-стратегического характера и по своему географическому положению в исследуемый период стала одной из основных тыловых баз Западного фронта. Общая численность населения Калуги в конце 1916 г. составляла около 93,8 тыс. человек². Из них около 25 тыс. — солдаты гарнизона, что составляло почти половину гражданского населения.

¹ Протасов А.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. С. 15–16.

² Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. Калуга, 1916. С. 249.

В 1916 г. Калужский гарнизон входил в состав Минского военного округа (ВО), который, в свою очередь, являлся частью Западного фронта и подчинялся главнокомандующему и относился к действующей армии³.

В начале 1916 г. в Калуге дислоцировалась 26-я пехотная запасная бригада под командованием генерал-майора А.С. Пржецлавского. Она состояла из трех пехотных запасных батальонов: 11, 12 и 278-го, общая численность которых составляла 84 офицера и 3696 солдат⁴, расквартированных в городских казармах — Фалеевских, Кричевских, Малаховских, Чешихинских, Николаевских, Грибченковских, Квасниковских и зданиях инженерного ведомства⁵.

В марте 1916 г., во время осмотра запасных частей фронта, инспектор запасных войск Западного фронта генерал-лейтенант А.К. Рындин указал на то, что 11, 12 и 278-й батальоны расположены в Калуге, но «расквартирование их было выполнено крайне разбросано, в устранение чего были даны со стороны инспектора надлежащему строевому начальству на местах соответствующие указания. При этом 278-й батальон был слабо обеспечен кадровым составом»⁶.

16 апреля 1916 г. по приказу главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-адъютанта А.Е. Эверта 11-й и 278-й батальоны были переведены из Калуги в уездный город Жиздру, а 12-й батальон — в Рославль Смоленской губернии. В связи с установленным новым порядком пополнения пехотных частей действующей армии и реорганизацией запасных пехотных бригад фронта, а также в целях сохранения установленного числа запасных частей, составлявших непосредственный резерв фронта, было решено сформировать пять запасных пехотных батальонов — 286, 287, 288, 289, 290-й — и включить их в состав Калужского гарнизона вместо выделенных из него ранее трех батальонов, в качестве корпусных, в другие бригады фронта⁷.

Пополнение кадрового состава вновь формируемых батальонов должно было производиться путем выделения из запасных батальонов фронта необходимого числа офицеров, классных и нижних чинов разных званий. Всего было выделено 55 офицеров и 1200 солдат. Кроме этого, для формирования пяти батальонов 26-й запасной бригады было мобилизовано

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2060. Оп. 1. Д. 61. Л. 47.

⁴ Там же. Д. 66. Л. 161.

⁵ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 1221. Л. 99.

⁶ РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 50. Л. 5, 17.

⁷ Там же. Д. 21. Л. 81, 153, 469.

10 тыс. новобранцев досрочного призыва 1918 г. Для вооружения новых батальонов было решено передать каждому батальону, согласно установленной главнокомандующим Западным фронтом норме, по 153 трехлинейные винтовки, «выделив таковые из 2-й, 16-й, 20-й и 23-й запасных бригад. Каждому батальону было также назначено к получению по 450 ружей системы “Гра”, “Гра-Кропачек” или “Бердана”, в общей сложности до 2250 ружей и необходимое количество огнестрельных припасов по требованию начальника бригады»⁸.

Штаб 26-й бригады располагался в Квасниковских казармах, канцелярия учебной команды для связи — в Чешихинских казармах, 286-й батальон — в Николаевских, Кричевских, Малаховских, Фалеевских и Ерохинских казармах, 287-й батальон — в парковом городке, 288–290-й батальоны и канцелярия запасной пулеметной роты — в барачном городке, в бараках № 56, 66, 88, 89. Из числа офицеров казенные квартиры имели 271 человек, остальные 265 человек располагались «по отводу у обывателей». Начальник штаба гарнизона, полковник В.М. Постников, в докладе инспектору А.К. Рындину 3 июня 1916 г. указал, что к 1 августа в его распоряжении окажутся различные помещения для 36 тыс. военнослужащих: городские казармы общей вместимостью до 6 тыс. человек и загородные бараки для 30 тыс. человек. «В связи с этим, — писал Постников, — все пять батальонов вверенной мне бригады при максимальном комплекте каждого из них в 6 тыс. человек могут быть совершенно свободно расквартированы в Калуге». По вопросу о соответствии имевшегося в гарнизоне стрельбища Постников отметил, что оно рассчитано примерно на 33 тыс. человек, и «нет оснований опасаться каких бы то ни было неудобств и затруднений в пользовании этим же стрельбищем новых пяти батальонов»⁹.

21 ноября 1916 г. главнокомандующий армиями Западного фронта приказал сформировать новые 301-й и 302-й пехотные запасные полки, включить их в состав 26-й бригады и расквартировать их в Калуге взамен отправленных в октябре 1916 г. 287-го и 290-го батальонов гарнизона в действующую армию, содержащиеся в восьмиротном составе 286, 288 и 289-й пехотные запасные батальоны развернуть в 16-ротные полки. По свидетельству начальника Калужского гарнизона полковника В.В. Лучинина, назначенного на эту должность 13 августа 1916 г., отправленные батальоны на фронт «являлись наиболее устойчивыми в смысле внутреннего порядка, строевой подготовки и в хозяйственном отношении». Он вынужден был

⁸ Там же. Д. 23. Л. 3–5, 11, 24.

⁹ Там же. Д. 62. Л. 116; Д. 63. Л. 79, 194–203; Д. 66. Л. 487.

констатировать, что уход организованных батальонов «безусловно, ослабит недостаточно еще окрепший состав бригады, требующий усиленной над собою работы». Выделение из состава бригады отдельных частей без предварительного уведомления начальника гарнизона поставило начальника бригады в тяжелое положение, так как нарушило план подготовки личного состава, обучения, расквартирования и «устройства внутреннего порядка в бригаде»¹⁰. 4 декабря 1916 г. в докладе калужского полицмейстера начальнику Калужского ГЖУ отмечался процесс формирования в Калуге 301-го и 302-го пехотных запасных полков из частей прибывших войск, а также из войск местного гарнизона. Указанные полки были расквартированы в городских бараках и в парковом городке за деревней Киевской Калужского уезда¹¹.

18 декабря 1916 г. В.В. Лучинин в рапорте А.К. Рындиному сообщил, что 28–29 ноября 286, 288 и 289-й полки развернулись в 16-ротный состав и 17 декабря окончательно сформированы 301-й и 302-й полки¹².

В целом после интенсивных ротаций первых лет войны штатный состав Калужского гарнизона стабилизировался в конце 1916 г. с завершением преформирования батальонов в 16-ротные полки.

Вопросы слабой боевой подготовки запасных тыловых частей привлекли внимание Государственной думы. Отчеты военного министерства и особенно командования одного из крупнейших тыловых гарнизонов — Калужского — были не столь пессимистичны. В начале войны подготовка личного состава гарнизона шла строго по уставным нормам, но с продолжением войны в запасных войсках стал ощущаться кризис боевого снабжения, который, однако, Калужский гарнизон коснулся в меньшей степени. В 26-й запасной бригаде 15 июня 1916 г. насчитывалось всего 4070 винтовок, из них 1070 трехлинейных винтовок и 3000 винтовок «Гра» и «Гра-Кропачек»¹³. Таким образом, в среднем в гарнизоне была одна винтовка на 2–3 человека, что было больше, чем в целом в запасных частях, где одна винтовка приходилась порой на 10–15 человек¹⁴.

Расписание занятий во всех полках и командах 26-й бригады было составлено на основании приказа главнокомандующего армиями Западного фронта от 31 августа 1916 г. по неделям, на все 8 недель обучения. Занятия велись в основном в поле и лишь в большие морозы и метели — в бара-

¹⁰ Там же. Д. 62. Л. 115–116, 387; Д. 127. Л. 105–111.

¹¹ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1301. Л. 567.

¹² РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 66. Л. 525.

¹³ Там же. Л. 384.

¹⁴ Протасов А.Г. Указ. соч. С. 31.

ках. При этом небольшими группами посменно личный состав выводился для занятий стрельбой и фехтованием. В поле же занятия велись повзводно: стрельба, метание гранат, фехтование, строевая подготовка.

Занятия с офицерами велись батальонными командирами при участии командиров полков. В 286-м полку офицерские занятия велись дважды в неделю, в остальных полках — по одному занятию на каждый батальон. Для «объединяющего руководства» офицерскими занятиями командующий бригадой по средам собирал командиров полков для указаний.

По субботам командиры полков собирали батальонных командиров для указаний по темам обучения и подготовки следующей недели. В свою очередь батальонные командиры, подготовившись, собирали офицеров для занятий в указанные часы и дни расписаний. Командующий бригадой посещал эти занятия, которые проводились частично в помещении, частично в поле. Для занятий имелись пособия: карты в крупном масштабе, рельефные планы и т.п.¹⁵

В связи с постоянной передислокацией и ротацией частей и подразделений численность Калужского гарнизона за годы войны постоянно менялась. Если на 1 января 1916 г. военнотружущих гарнизона было 3780, то на 1 июня — 10 604, а на 1 октября — 25 896¹⁶. Количество военнотружущих в тыловых частях зависело от двух факторов: политики правительства в комплектовании армии и хода событий на фронте и в тылу. В соответствии с приказом А.Е. Эверта от 16 апреля 1916 г. в состав 26-й пехотной запасной бригады Калуги были включены пять новых формируемых батальонов взамен выделенных из нее тем же приказом 11, 12 и 278-го батальонов. В связи с увеличением количества батальонов в гарнизоне возросла его численность до 10,5 тыс. человек. Резкое увеличение числа военных в Калуге к октябрю 1916 г. связано с преобразованием пехотных батальонов 12-ротного состава в 16-ротные полки, в соответствии с приказом военного министра Д.С. Шуваева от 16 апреля 1916 г. В Калужском гарнизоне полностью завершился процесс переформирования батальонов в 16-ротный состав 28–29 ноября 1916 г.¹⁷

Главная особенность местных запасных частей состояла в том, что они только наполовину были укомплектованы представителями от крестьян¹⁸. В Калуге за первые годы войны было мобилизовано 11 374 рабочих

¹⁵ РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 51. Л. 158.

¹⁶ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 63. Л. 195–203; Д. 66. Л. 161; Д. 88. Ч. 2. 851–856, 861–879.

¹⁷ Там же. Д. 21. Л. 153; Д. 66. Л. 222, 525.

¹⁸ Протасов А.Г. Указ. соч. С. 22.

и 10 106 крестьян, что составляло 47,1% от общей численности новобранцев¹⁹. Другая половина была укомплектована представителями различного рода рабочих профессий. Высокий процент новобранцев в гарнизоне из уроженцев Калужской и ближайших губерний усиливал зависимость настроения войск от местного населения.

Первая мировая война существенно изменила социальный состав офицерского корпуса. В связи с большими потерями кадровой армии образовалась быстро нарастающая нехватка офицеров. Это остро сказывалось не только на рядах действующей армии, но и на запасных войсках. В результате правительство вынуждено было ускорить процесс подготовки офицерских кадров, что привело к снижению уровня их подготовки.

Для улучшения качества подготовки офицеров открывались повторительные курсы для прапорщиков. Для вновь прибывших в полки офицеров переменного состава проводили экзамен, по результатам которого осуществлялась переподготовка²⁰.

24 октября 1916 г. повторительные курсы прапорщиков были открыты в том числе и в Калуге, при 26-й пехотной запасной бригаде и предназначались для прапорщиков частей 16, 23 и 26-й пехотных запасных бригад, по расчету: от 16-й и 23-й бригад по 133 прапорщика, а от 26-й бригады — 134 прапорщика. Таким образом, один выпуск состоял из 400 прапорщиков. Для прочих запасных бригад Западного фронта подготовку вели Ржевские повторительные курсы. Кроме того, в Калугу от каждой бригады командировались две учебные роты по 64 рядовых, окончивших учебные команды в своих полках, и по 4 унтер-офицера для прохождения обучения и получения по окончании курсов чина прапорщика. Срок обучения составлял 35 дней. Курсы были оснащены следующими пособиями: трехдюймовым оружием из числа пришедших в негодность для боя, но могущих служить моделью при обучении; двумя боевыми и четырьмя учебными пулеметами «Максим» с 2000 боевых патронов для каждого; по одному образцу иностранных пулеметов и ручного оружия; по одному миномету и бомбомету; телефонным имуществом в размере, установленном для пехотного полка; 50 ручными гранатами боевыми и 20 холостыми, из расчета по 5 и 2 на партию, и одной прожекторной станцией; 200 трехлинейными боевыми винтовками для состоящих при курсах двух учебных рот с 20 боевыми патронами на каждого обучаемого, всего 8 тыс. на каждый курс. Главным учебным пособием являлся «Учебник для под-

¹⁹ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 309; Д. 2677. Л. 91; Д. 2678. Л. 269.

²⁰ Там же. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 51. Л. 156 об.

готовки на чин прапорщика» генерал-лейтенанта В.И. Малинко. Всего же в состав руководителей курсов входили 14 офицеров, из них 1 полковник и 13 обер-офицеров. Общее руководство курсами было возложено на полковника В.В. Лучинина. По окончании курсов обучающиеся сдавали выпускные экзамены, которые делились на теоретические и практические испытания. Вручение документов первому выпуску повторительных курсов состоялось 5 декабря 1916 г.²¹ Таким образом, полный учебный цикл подготовки прапорщиков, включая время проведения экзаменов, равнялся 43 дням. За это время 400 прапорщиков проходили повторное обучение и еще 396 человек из числа нижних чинов после успешных выпускных испытаний получали чин прапорщика.

Вследствие этого произошло расширение социальной базы офицерства. Право поступления в военно-учебные заведения получили солдаты при наличии у них образовательного ценза и боевого опыта. Это способствовало демократизации офицерского состава и, в известной степени, росту в его среде оппозиционных настроений.

Санитарное состояние гарнизона в годы войны было в целом удовлетворительное. В марте 1916 г., во время осмотра запасных частей фронта, А.К. Рындин отметил, что почти все запасные части фронта размещены в бараках и только некоторые из них в казармах. «Бараки дощатые и небольшая часть из них бревенчатые. Все они снабжены вытяжными трубами и уже просохли. В каждом бараке свободно размещается до 150 человек, но в случае переполнения части размещается и до 250. Люди спят на нарах, одноярусных и двухъярусных, на соломенных матах. Почти во всех запасных частях хорошо оборудованы бани и прачечные. Водоснабжение из артезианских и подпочвенных колодцев. Качество воды хорошее, что проверено анализами. В каждой части есть по одной и больше дезинфекционных камер. Эпидемии в запасных частях не наблюдаются. Немногочисленные единичные случаи острозаразных заболеваний (брюшной и сыпной тиф и оспа) почти исключительно заносного происхождения среди прибывающих из внутренних округов и проходящих через распределительные пункты. Принимаемые на месте меры (изоляция, баня, дезинфекция) пресекают распространение заразных заболеваний»²². Однако уже в августе 1916 г. начальник Калужского гарнизона в докладе губернскому распорядительному комитету сообщил, что казарменные помещения Калуги, ранее занимавшиеся 278-м пехотным запасным

²¹ Там же. Д. 72. Л. 3, 32–33, 136, 140–141.

²² РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 50. Л. 17.

Группа офицеров и сестер милосердия. Калуга. 1916 г.

батальоном и предназначенные для размещения в них нижних чинов 287-го пехотного запасного батальона, находятся в крайне запущенном и антисанитарном состоянии²³.

Ход войны, принявшей затяжной характер, оказывал негативное влияние на изменение настроений военнослужащих. При этом попытки объяснить поражения, во многом и по почину депутатов Государственной думы, сводились не столько к поиску их причин, сколько к поиску виновных. Вина за военные неудачи возлагалась на высшее военное командование и политическое руководство страны. По свидетельству генерала А.А. Брусилова, «офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»²⁴.

В феврале 1916 г. в губернии стали распространяться слухи, что на окопные работы будут брать женщин из сельской местности. В связи с этим начальником Калужского ГЖУ были зарегистрированы случаи, когда крестьяне распродают свои хозяйства, в том числе и зерновой хлеб, не оставляя даже на предстоящие посевы, бросали свое имущество и уходили в города. Подобные явления подрывали сельское хозяйство и имели негативное влияние на общественную жизнь в губернии. В докладе калужскому полицмейстеру начальник ГЖУ сообщил, что «все эти слухи — плод измышлений агентов наших врагов, которые и пользуются в своих целях некультурностью крестьянской массы, затрагивая самые больные для нее

²³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1267. Л. 16 об.

²⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 201.

вопросы — отсутствие рабочих рук». Он обратился к полицмейстеру с просьбой усилить наблюдение за распространителями подобных слухов²⁵.

Калужане следили за резко активизировавшейся политической жизнью. 14 февраля 1916 г. в рапорте начальнику ГЖУ калужский полицмейстер отметил, что «отчеты о заседаниях Госдумы и Госсовета, на которых критикуется деятельность правительства, производят на население известное впечатление»²⁶. В январе 1917 г. уездный исправник в докладе начальнику ГЖУ сообщил, что население «в массе всех слоев стоит на стороне Думы»²⁷.

Произошли изменения и в бытовой жизни солдат. Прежде всего, утратило свое значение понятие «казарма». В Калуге в октябре 1916 г. в соответствии с квартирным расписанием частей 26-й пехотной запасной бригады третья часть гарнизона (8714 человек) располагалась в городе, остальные (17 182 человека) — за городом, в барачном городке²⁸. Вследствие этого участились контакты солдатской массы с гражданским населением. Это благоприятствовало распространению революционных идей среди солдат. В целях ограждения от проникновения вредных идей и недопустимой пропаганды в среду нижних воинских чинов калужский губернатор Н.С. Ченыкаев 23 апреля 1916 г. постановил: запретить посторонним, в особенности евреям и беженцам, посещать казармы; установить наблюдение за торговцами и другими лицами, имеющими допуск в казармы для продажи хлебобулочных изделий и других продуктов; установить негласное наблюдение за нижними чинами во время нахождения их в отпуске; ввести в практику регулярные беседы офицеров с солдатами для объяснения им неправдоподобности всяких слухов.

Так, когда в августе 1916 г. в госпитале Калужского гарнизона жандармам стало известно, что медсестра Юлия Мицит, эсерка, вела революционную пропаганду и агитацию среди военнослужащих, то было принято решение удалить ее из госпиталя²⁹.

Затяжной, позиционный характер войны выступал мощным фактором разложения войск. Наступательные операции показывали, что части, уже небезупречные в моральном и дисциплинарном плане, не отличаются устойчивостью и к мародерству. Имели место случаи неисполнения солдатами приказов офицеров, невыполнения возложенных на них работ и т. п.³⁰

²⁵ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1315. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 1162. Л. 30.

²⁷ Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1390. Л. 3.

²⁸ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 63. Л. 194–203.

²⁹ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1301. Л. 153; Д. 1136. Л. 21–22.

³⁰ Там же. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 6. Л. 522.

В приказе генерал-адъютанта А.Е. Эверта 21 декабря 1916 г. указывалось на массовое мародерство в войсках: «растаскивают на топливо деревянные настилы отремонтированных дорог, разбирают для той же цели оставленные владельцами нежилые и даже жилые здания; уходя из занятого под постой помещения, увозят с собой предметы обстановки и даже части зданий: двери, оконные рамы со стеклами, железные печи, имел место случай, когда один из госпиталей, оборудовав для своего жительства частное здание, при отъезде на новое место увез с собой пол по тем только соображениям, что таковой был его распоряжением возобновлен. Наблюдается также порча садов, в особенности фруктовых, вследствие привязывания к стволам деревьев лошадей, которые объедают всю кору, а в лесах, где воспрещена рубка, допускается обдираание коры с растущих деревьев»³¹.

Таким образом, Калужский гарнизон в 1916 г. представлял собой типичный срез русской армии, имевшей все характерные черты действующей армии. Нараставшие в ней проблемы не могли не затронуть и Калужский гарнизон, который выполнял возложенные на него функции, обеспечивая мобилизационную готовность, обучение, расквартирование и концентрацию войск, а также их ротацию. Анализ ситуации в этом гарнизоне, одном из крупнейших запасных тыловых соединений, не подтверждает, на мой взгляд, наличие серьезных недостатков организации воинской службы, о которых писал А.Г. Протасов в отношении всей страны³². Инспекции гарнизона и 26-й пехотной запасной бригады констатировали хорошую и системную постановку службы и обучения. Санитарное состояние Калужского гарнизона было удовлетворительным. В результате неоднократных проверок запасных частей было установлено, что в гарнизоне выполнены основные санитарные требования, чем своевременно пресекалось распространение инфекционных заболеваний. Факторами же, способствующими революционизации Калужского гарнизона, были: внутренние процессы в гарнизоне, связанные с омоложением офицерского корпуса и расширением его социальной базы; военные неудачи на фронте; влияние политических партий и горожан.

³¹ Там же. Д. 5. Л. 12.

³² Протасов А.Г. Указ. соч. С. 19.

REFERENCES

1. *Protasov L.G. Soldaty garnizonov Central'noj Rossii v bor'be za vlast' Sovetov* [Soldiers of garrisons of the Central Russia in the struggle for power of Sovetovs] Voronezh, 1978. 196 p.

Ключевые слова:

Первая мировая война, солдаты, офицеры, Калужский гарнизон, моральный облик солдат, политические настроения военнослужащих.

Artyom S. Aniskov

THE KALUGA GARRISON IN 1916

The article is an attempt to analyse the processes that took place in the rear garrisons in the pre-Revolutionary year, taking the garrison in Kaluga as a model. Analysed is the social structure of the servicemen, ways of manning and addition drafting of the garrison, changes in the number of soldiers and the history of deployment of reserve units in the Kaluga Province in 1916. Among the reasons that influenced servicemen mood dynamics and their physiological state in this time period were the following factors: revolutionary propaganda, the younger age of the officer corps and widening of its social base as well as the protracted character of the war and hard luck on the front.

Анисков Артем Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Калужского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.А. Пархоменко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В НИКОЛАЕВЕ В 1916 ГОДУ

Первая мировая война с ее масштабностью, длительностью, тотальным характером коренным образом изменила повседневную жизнь городов Российской империи. Мобилизации в армию, появление раненых, беженцев, патриотические манифестации и сборы пожертвований, продовольственный и топливный кризис наложили свой отпечаток на быт горожан. На городские власти легла огромная и ответственная работа по размещению воинских частей, приему эвакуируемых предприятий, организации помощи нуждающимся категориям населения. Для координации работы на оборону с мая 1915 г. стали создаваться Военно-промышленные комитеты (ВПК). На начало 1916 г. в империи действовало 220 местных ВПК. И теперь небольшие заводы, кустарные мастерские также приспособлялись к нуждам действующей армии.

1 июля 1915 г. подобный комитет учреждается в г. Николаеве (Херсонская губерния), он координировал изготовление для армии двуколок, повозок, армейских кухонь. В 1916 г. его возглавил директор Общества Николаевских заводов и верфей Б.А. Юрнев¹. Первый заказ на 350 двуколок был

¹ Государственный архив Николаевской области (ГАНО). Ф. 229. Оп. 4. Д. 487. Л. 192.

получен 10 сентября 1915 г., второй — на 1050 двуколок 19 февраля 1916 г. Оба заказа были успешно выполнены в срок, что даже вызвало удивление в интендантских кругах, и в город прибыла специальная комиссия Одесского областного ВПК, которая убедилась в добросовестной работе николаевцев. В июле 1916 г. был получен новый заказ — к 1 июля 1917 г. поставить армии 4700 двуколок и 400 повозок. Летом 1916 г. на сборке двуколок работало 40 кустарных мастерских с 500 рабочими. Всего в Николаеве «обозную работу» для армии выполняло около тысячи человек².

Накануне войны в Николаеве проживало около 104 тыс. человек, в том числе около 78 тыс. православных, 20 тыс. иудеев, 3 тыс. католиков, около 900 лютеран, свыше 400 мусульман³. За годы войны национальный и конфессиональный состав населения несколько изменился, так как в 1915 г. в город прибыли 2 тысячи беженцев из западных губерний, в том числе 700 евреев и более 200 латышей⁴.

Главным делом большинства горожан в условиях войны была работа на предприятиях, которые производили военную продукцию. С началом войны возросла роль Николаева как центра военного судостроения Российской империи. На заводах «Наваль» и «Руссуд» строились линкоры, крейсера, серии эсминцев и подводных лодок⁵. Особенно патриотические настроения жителей города проявились в апреле и ноябре 1915 г., тогда Николай II дважды посетил Николаев.

Во время апрельской поездки император посетил верфи, осмотрел линкор «Императрица Мария», побывал в Лазарете им. Наследника Цесаревича, организованном и содержащемся на средства судостроительных заводов «Наваль» и «Руссуд».

В письме императрице царь делился николаевскими впечатлениями: «Слишком долго описывать все, что я видел там, — было удивительно интересно и отрадно видеть, на что наш народ способен, когда берется за дело всерьез: 3 дредноута, 4 крейсера, 9 истребителей и множество больших подводных лодок, паровозы, вагоны, турбины и шрапнели без конца»⁶. Такая продукция производилась на следующих судостроительных предприятиях

² Николаевская газета. 1916. 24 июля.

³ Адресная и справочная книга всего Николаева на 1912 год. Николаев, 1912. С. 81.

⁴ Пархоменко В.А. У войны забытое лицо... Малоизвестные страницы Первой мировой. Николаев. 2011. С. 134.

⁵ См. подробнее: Подводное кораблестроение в России (1900—1917). Сборник документов. Л., 1965; Залесский Н. «Краб» — первый в мире подводный заградитель. Л., 1988; Зубов Б. Развитие кораблестроения на юге России. Калининград, 1990.

⁶ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 141.

Николай II среди персонала Лазарета им. Наследника Цесаревича.
Николаев. 15 апреля 1915 г.

Николаева: завод «Руссуд» и завод «Наваль». Благодаря военным заказам они значительно расширили своё производство. Так, на заводе «Наваль» для достройки судов построены 6 новых стапелей, производительность снарядной мастерской выросла в 10 раз, а количество станков завода увеличилось на 70%⁷.

11 ноября 1915 г. царь снова прибыл в Николаев. На Адмиралтейской площади около флотских казарм он сделал смотр частям 4-й Финляндской стрелковой дивизии с артиллерией (дивизия при переброске на фронт в ноябре доукомплектовывалась в Херсонской губернии).

В Николаеве во время войны находились следующие воинские части: 45-й запасной пехотный батальон (с 1916 г. — полк), в котором готовилось пополнение для действующей армии; 456-я пешая ополченская дружина, казачья сотня 7-го Донского полка, моторно-понтонный батальон, подразделение для защиты судостроительных заводов от нападений самолетов противника — 34-я отдельная легкая батарея; Николаевский флотский полуэкипаж⁸. Так, 14 ноября 1916 г. в торжественной обстановке по случаю дня рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, николаевский градоначальник вице-адмирал А.Г. Покровский лично вручил 20 ге-

⁷ Щаццлло К. Из истории финансового капитала. Влияние первой мировой войны на развитие судостроительной промышленности Юга России // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 196.

⁸ ГАНО. Ф. Р-2247. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

Николай II инспектирует войска.
Николаев. 11 ноября 1915 г.

оргиевских крестов и медалей отличившимся членам команды эсминца «Беспокойный»⁹, который совершил 14 боевых походов для обстрела турецкого побережья, минных постановок у берегов Болгарии и обеспечения перевозок войск¹⁰.

С началом войны расположенные в городе кадровые воинские части: 58-й пехотный Прагский полк (15-я пехотная дивизия) и 7-й Донской казачий полк (6-я казачья дивизия) — отправились на фронт. Спустя месяц после начала войны местная пресса стала сообщать о николаевцах, которые отличились, находясь на передовых позициях. Так, командир (с июня 1909 г. по январь 1915 г.) 58-го пехотного Прагского полка полковник А.Е. Кушакевич за бои 16–17 августа 1914 г. в Галиции награжден Георгиевским оружием, так как вверенный ему полк удержал свои позиции, несмотря на атаки превосходящих сил австро-венгерских войск¹¹. Этой же награды удостоен командир 1-го батальона этого полка полковник Ф. Свирский, который в боях 26–30 августа 1914 г. овладел вражескими позициями и захватил около 300 пленных¹². Полковой священник П. Холодный был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. В августе 1914 г. он

⁹ Николаевская газета. 1916. 15 ноября.

¹⁰ Верстюк А.Н., Гордеев С.Ю. Корабли минных дивизий. От «Новика» до «Гогланда». М., 2006. С. 77–78.

¹¹ Летопись войны 1914–1915. № 32. С. 64.

¹² Разведчик. 1915. № 1273. С. 212.

Участники Первой мировой войны. Николаев. 1914–1916 гг.

с тремя военнослужащими Прагского полка, столкнувшись с австрийской засадой, проявив выдержку, обратился к солдатам противника с предложением, чтобы те сдались в плен. 26 австрийских военных, преимущественно чехи, согласились и, сложив оружие, пришли в распоряжение полка¹³.

В конце мая 1916 г. Прагский полк участвовал в Брусиловском наступлении, когда 15-я пехотная дивизия 8-го корпуса 8-й армии на участке Корыто—Носовичи успешно атаковала фронт противника и устремилась в прорыв на Луцком направлении. Георгиевским оружием награждался капитан Прагского полка П. Самсонов за бой 23 мая, когда «под страшным вражеским огнем» со своим батальоном взял 3 неприятельские траншеи, захватив 2 пулемета и 400 пленных¹⁴.

В начале июня 8-й корпус занял позиции в районе Кошев—Пустомыты. Угроза потери Ковеля — важного железнодорожного узла — заставила немецкое командование спешно перебросить для закрытия «луцкой дыры» резервы из разных участков Восточного фронта и 10-й корпус из Франции. 2–3 июня 1916 г. немецкие войска начали контратаки, целью которых было сорвать удачно осуществленный Луцкий прорыв российских войск. За эти бои Георгиевским оружием были награждены офицеры Прагского полка: поручик В. Каминский и подпоручик Я. Радченко. 10 июня, коман-

¹³ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С.106; Огонек. 1914. № 40. С. 2.

¹⁴ Николаевская газета. 1916. 21 августа.

дую 7-й ротой, Каминский успешно отбил 3 вражеские атаки, сорвав наступление немцев на своем участке. 19 июня данный полк снова очутился на острие немецкого удара. В этот день отличилась одна из полурот прагцев: в составе 73 солдат она под командованием подпоручика Радченко взяла в плен 2 офицеров и 184 рядовых, заставив противника отступить¹⁵. Однако в этих ожесточенных боях и Прагский полк был обескровлен.

С началом мобилизации, когда формировались второочередные полки, из 58-го Прагского полка были выделены кадры для развертывания 254-го Николаевского пехотного полка, который пополнился мобилизованными из Херсонской губернии. Этот полк с сентября 1914 г. в составе 64-й дивизии сражался на Северо-Западном фронте. В ночь на 20 июня 1916 г. в районе белорусского местечка Сморгонь на участке фронта, занимаемом этим полком, немцы произвели газовые атаки. В полковом журнале отмечалось, что «облако газов окутало позиции 1-й, 3-й и 15-й рот 4-го батальона. Газы были очень сильнодействующие. Бойцы стали падать отравленными. Силы слабели». По свидетельству очевидца: «Газы от снарядов ели очень сильно глаза, быстро вызывали тошноту и головную боль. Николаевский полк пострадал очень сильно, многие роты пришлось заменять, так как способных драться оставалось по 10–15 человек». В результате Николаевский полк понес большие потери: отравлены газами 19 офицеров и 1114 нижних чинов, умерли 147 человек¹⁶.

На старом Николаевском некрополе сохранились памятники над могилами 20 погибших офицеров-николаевцев в годы Первой мировой¹⁷. Так, 19 августа 1916 г. здесь состоялось погребение 21-летнего прапорщика П.Ф. Кашура. Этот воспитанник Николаевского реального училища геройски погиб 3 июля 1916 г., во время боя на Луцком направлении, при прорыве укрепленной позиции противника. 28 июля на поле брани пал прапорщик Н.Я. Квятковский — выпускник Николаевского коммерческого училища¹⁸. Жертв было много. В городской газете появилось сообщение о том, что командир местного запасного полка передал городской управе, что на военном кладбище уже осталось очень мало места для погребения, и просил увеличить площадь кладбища¹⁹.

¹⁵ Русский инвалид. 1917. 20 мая.

¹⁶ Смольянинов М. В окопах под Сморгонью: газовые атаки на территории Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларуская думка. 2012. № 4. С. 88–89.

¹⁷ Пархоменко В., Губская Т. «Честью и кровью венчаные». Николаев. Первая мировая. Николаев, 2016. С. 87.

¹⁸ Николаевская газета. 1916. 4, 21 августа.

¹⁹ Там же. 27 июля.

Сестра милосердия Е.М. Попова с группой раненых в лазарете. Николаев. 1916 г.

Во время войны возросла роль общественных благотворительных организаций. На попечении Комитета помощи раненым и больным воинам, который был организован в начале войны, в Николаеве находилось 17 лазаретов. За самоотверженную работу в госпиталях в 1916 г. ряд медиков был удостоен наград. Так, А.Н. Викулов — младший врач Николаевского флотского полужипажа награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, Г. Христиан — прозектор Николаевского морского госпиталя — орденом Святой Анны 2-й степени, П.Н. Засухин — помощник главного доктора Николаевского морского госпиталя получил орден Святого Владимира 3-й степени. Для оказания помощи раненым не остались в стороне и николаевские женщины. Еще 4 августа 1914 г. при Морском госпитале были открыты курсы сестер милосердия, и многие из них также были удостоены наград. Например, сестра милосердия Морского госпиталя Е.М. Попова в январе 1916 г. получила золотую медаль «За усердие»²⁰.

Особое городское присутствие по оказанию помощи семьям запасных в Николаеве, созданное 25 июля 1914 г., занималось сбором пожертвований для семей, которые в результате мобилизации остались без кормильцев. Для этого, в частности, была выпущены специальные благотворительные марки.

Наибольшие поступления шли от коллективов судостроительных заводов. Так, Комитет рабочих и служащих завода «Наваль» в июле 1916 г.

²⁰ Пархоменко В., Губская Т. Указ. соч. С. 133—137.

Благотворительная марка в пользу семей запасных Николаевского особого городского попечительства. 1914 г.

выделил: 13 тыс. руб. — семьям запасных, сиротам воинов — тысячу руб., Николаевскому еврейскому комитету помощи беженцам — 500 руб., Латышскому комитету помощи беженцам — 200 руб., в фонд помощи инвалидам Второй отечественной войны — 100 руб.²¹

Материальное положение многих вернувшихся с фронта «увечных» воинов было плохим. Так, в августе 1916 г. градоначальник А.Г. Покровский предложил городскому голове Н.П. Леонтовичу предоставить возможные для торговли льготы терпящему нужду, инвалиду и георгиевскому кавалеру М. Брусиловскому, который занимался продажей на базаре птиц и имел на попечении жену и четырех малолетних детей²². Все чаще в газетах стали встречаться и такие объявления: «Просит помощи добрых людей Ефросинья Литвинова, муж при смерти, 4 детей, семья голодает»²³.

Летом 1916 г. выяснилось, что в пользу семей мобилизованных жертвовали преимущественно рабочие и служащие судостроительных заводов города, а, как сказано в газетной заметке, «интеллигентные классы» остаются в стороне. За месяц ожидалось получить 1200 руб., а удалось собрать лишь 800 руб., и соответственно теперь всё труднее становится изыскивать средства для нуждающихся²⁴.

²¹ Николаевская газета. 1916. 28 июля.

²² Там же. 27 августа.

²³ Там же. 31 июля.

²⁴ Там же. 22 июля.

Николаевский городской голова в 1908–1917 гг. Н.П. Леонтович

Несмотря на финансовые трудности, общественные организации играли важную роль в повседневной жизни города. Николаевский комитет Всероссийского городского союза в 1916 г. организовал госпиталь на 610 кроватей. Этот комитет получил из центра 2750 руб. на реабилитацию инвалидов войны, для обучения их различным ремеслам была создана мастерская в одном из учебных заведений города²⁵. 26 ноября 1916 г. на праздник георгиевских кавалеров данный комитет выдал по 1 руб. воинам, имеющим георгиевскую медаль, и по 2 руб. тем, кто был награжден Георгиевским крестом. Затем для них был устроен праздничный обед²⁶.

18 сентября 1916 г. ввиду недостатка финансовых средств Николаевский комитет попечения о беженцах (создан в ноябре 1915 г.) даже принял решение прекратить выдачу помощи тем беженцам, которые работали на заводах или получали пайки в качестве семей запасных²⁷. В 1916 г. еврейской общиной города для 700 беженцев-евреев было собрано 60 229 руб. При этом количество людей, осуществляющих пожертвования, уменьшилось за год вдвое: 1915 г. — 2110 человек, в 1916 г. — 996²⁸, что свидетельствовало об ухудшении материального положения самих горожан. Появление беженцев в городах ставило на повестку дня решение квартирного вопроса, организации питания, предотвращения угрозы эпидемических заболеваний, открытия дополнительных рабочих мест.

²⁵ Трудовая газета. 1916. 3 января.

²⁶ Николаевская газета. 1916. 27 ноября.

²⁷ Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 135.

²⁸ Шукин В., Павлюк А. Земляки. Очерки истории еврейской общины города Николаева. Николаев, 2009. С. 197.

Важная роль в повседневной жизни города в годы военного лихолетья принадлежала также 95 учебным (включая частные и церковно-приходские) заведениям Николаева, которые насчитывали 14 тыс. учащихся. Еще в мае 1915 г. представителями николаевских учебных заведений создана Педагогическая комиссия, которая оказывала помощь детям семей запасных и беженцев. Так, с 3 июля 1915 г. по 5 октября 1916 г. эта комиссия выделила на учебные принадлежности, обувь, одежду детям воинов и беженцев 4495 руб.²⁹ Летом 1916 г. для польских детей-беженцев открыта школа с преподаванием на родном языке³⁰. Однако материальное положение многих учащихся оставалось тяжелым³¹.

В годы войны дальнейшее развитие в Российской империи получило скаутское движение, члены которого активно включились в общественную жизнь, оказывая помощь раненым в лазаретах, беженцам, работая в сельскохозяйственных дружинах. 26 сентября 1916 г. в Николаеве создано общество «Русский скаут», цель которого заключалась в «содействии нравственному и физическому развитию молодежи»³².

О детском восприятии тех событий оставил воспоминания современник, чьи гимназические годы прошли в военном Николаеве. «И как было не знать, что делается на фронтах мировой войны, когда два раза в день по всему Николаеву, по улицам его, утром и под вечер бегали роями мальчишки, потрясая поднятой рукой с голубыми, красными, желтыми и белыми листками утренних и вечерних телеграмм с текстом, где говорилось о победах русского оружия, количестве взятых в плен врагов, пушек, пулеметов, винтовок, снарядов... Слышал я из бесед родителей, едва доносившихся до моего острого слуха, и сокрушенное осуждение с их стороны поведения “высшего” слоя общества нашего города, продолжавшего кутежи, рауты, картежную игру, сопровождавшуюся скандалами... всё это на фоне глубокой трагедии многочисленных семей жителей города, потерявших на фронтах войны своих кормильцев и терпящих нужду и лишения... Учитывая, что время было военное, всех гимназистов почти ежедневно учили шагистике и строю пожилые унтер-офицеры. Правда, иногда они устраивали игры стена на стену, когда одна шеренга гимназистов с разбега сталкивалась с другой шеренгой, в результате чего дело доходило до драк, которые эти же унтеры и разнимали...»³³

²⁹ Николаевская газета. 1916. 12 октября.

³⁰ Там же. 6 июля.

³¹ Там же. 8 октября.

³² Там же. 30 сентября.

³³ Григор М.И. Море — моя судьба: Воспоминания капитана. Одесса, 1987. С. 13—16.

Учащиеся Николаева в годы войны организовывали сборы пожертвований, устраивали благотворительные концерты. Например, 3–4 декабря 1916 г. учащиеся города провели кружечный сбор для создания фонда помощи георгиевским кавалерам и их семьям³⁴. А на Рождество коллективами 2-й мужской и женской Мариинской гимназий в действующую армию отправлено 12 ящиков посылок с подарками³⁵.

В 1916 г. в николаевских газетах о юных добровольцах, отправившихся на театр военных действий, в отличие от 1914–1915 гг., уже не сообщалось. Очевидно, и на детском восприятии войны сказались военные поражения, большие потери, проблемы тыловой жизни.

Осенью 1916 г. социально-экономическое положение в городе ухудшилось, что было следствием мобилизаций, когда в сельском хозяйстве Украины осталось 39% трудоспособных мужчин, а посевные площади в 1916 г. сократились на 1,9 млн десятин по сравнению с 1913 г.³⁶ О растущей дороговизне николаевская пресса стала писать с конца 1915 г. Прежде всего, освещались факты нарушения торговли, спекуляции, или, как ее тогда называли, «мародерством тыла». Так, в январе 1916 г. местная пресса под рубрикой «Наши торговцы» оповестила николаевцев, что в магазине бакалейных товаров Л. Лахно пуд пшеницы стоимостью 1 руб. 80 коп. продавался по 2 руб. 40 коп. Кроме этого, в магазине был припрятан рис, который не шел в продажу. Этого торговца привлекли к ответственности³⁷, но подобные меры не приводили к ожидаемым результатам и проблема дороговизны для горожан стала гораздо актуальнее переживаемых политических событий.

Дороговизна сказывалась всё сильнее. В конце мая 1916 г. из-за нехватки мужчин Николаевская городская управа разрешила принимать на должность кондукторов трамваев женщин. Из-за недостатка электроэнергии на линию выходило лишь 22 вагона трамвая, а остальные 20 простаивали в парке. С 25 сентября было приостановлено движение пассажирских пароходов по маршруту Николаев–Одесса³⁸. Городская электростанция стала работать с перебоями³⁹.

Все сильнее ощущалась нехватка продовольствия. Николаевский градоначальник А.Г. Покровский предложил в сентябре городскому голове

³⁴ Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 138.

³⁵ Николаевская газета. 1917. 11 января.

³⁶ Реєнт О.П. Перша світова війна й Україна: історико-теоретичні аспекти вивчення проблеми // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. К., 2002. Вип. 4. С. 9.

³⁷ Трудовая газета. 1916. 3 января.

³⁸ Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 151.

³⁹ Николаевская газета. 1916. 9 августа.

Н.П. Леонтовичу организовать из Очакова на местные рынки доставку рыбы⁴⁰. Городская продовольственная комиссия направила своих уполномоченных в Полтавскую, Харьковскую и Курскую губернии для закупки картофеля николаевским лазаретам⁴¹.

О подорожании продуктов на местных рынках свидетельствуют следующие данные: в начале 1916 г. фунт рыбы («бычков») стоил 12 коп., в июле — 25 коп., в октябре — 40 коп., фунт масла коровьего соответственно 70 коп., 1 руб. и 1 руб. 70 коп.; десяток яиц на начало года — 35 коп., июль — 45 коп., октябрь — 75 коп.⁴² Цены, таким образом, выросли на 200–300%.

На городском базаре участились случаи разбавления молока водой. Свиныня встречалась на рынке довольно редко⁴³. После многочисленных жалоб горожан на некачественную обувь полиция осмотрела 6 лавок на базаре и установила, что в них продавались ботинки с картонной подошвой⁴⁴.

Официально в дороговизне власти обвиняли перекупщиков, которые за городом скупали у крестьян продукты и потом перепродавали их вдвое дороже на рынках. Для предотвращения подобных сделок полицмейстер даже распорядился отправлять за город полицейские разъезды⁴⁵. Но эти меры не улучшили ситуацию.

1 июля 1916 г. на заседании городской думы речь шла уже о «сахарном голоде». Город нуждался в 80 тыс. пудов сахара, а было выделено только 34 тыс. пудов. В конце июля «отцы города» всё чаще высказывались о необходимости введения карточек на его получение. И в октябре 1916 г. было изготовлено 45 тыс. продовольственных карточек. Таким образом, как и в большинстве городов империи, первым продуктом, розданным населению по карточкам в Николаеве, стал сахар⁴⁶. Местные газеты указывали на новое явление в повседневной жизни города — длинные «хвосты» у керосиновых лавок.

В сентябре 1916 г. попечитель Одесского учебного округа П.Н. Соковнин уведомил учебные заведения Николаева, что согласно распоряжению Министерства народного просвещения, ввиду дороговизны, учащиеся вместо формы «могут носить домашнее платье, лишь бы оно было скромно и

⁴⁰ Там же. 10 сентября.

⁴¹ Там же. 23 сентября.

⁴² Там же. 19 октября.

⁴³ Там же. 9 августа.

⁴⁴ Там же. 8 июля.

⁴⁵ Там же. 6 августа.

⁴⁶ Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 153.

опрятно»⁴⁷. У бедных горожан стала популярной самодельная обувь из парусины с деревянной подошвой⁴⁸.

В 1916 г. дороговизна жизни негативно сказалась и на уровне жизни рабочих. Реальные их доходы снизились в 1,5–2 раза. В январе — феврале 1916 г. на судостроительном заводе «Наваль» состоялась забастовка, которая охватила 12 тыс. человек. Она имела экономическую подоплеку — рабочие требовали увеличения заработной платы. Их возмущал тот факт, что администрация и инженерный состав получают премиальные вознаграждения при спусках новых кораблей, а нужды рабочих игнорировались. Градоначальник вице-адмирал А.И. Мязговский (в конце июля 1916 г. его заменил Покровский) в своем воззвании к мастерам завода обещал разобрататься в требованиях бастующих и призывал прекратить стачку, косвенно направленную «на пользу и могущество германского кайзера». Однако завод, за исключением снарядной мастерской, был остановлен на 2 месяца. В полицейском донесении отмечалось, что большинство рабочих «уже не находятся под влиянием общего подъема патриотических чувств, как было в начале войны»⁴⁹. По указанию администрации 6 тыс. рабочих призвали в армию, но учитывая нехватку квалифицированных специалистов, через месяц большинство мобилизованных вернули на предприятие. Политические же требования во время забастовки николаевскими рабочими не выдвигались⁵⁰.

Томительное позиционное сидение в окопах, тревога за семьи, оставленные в тылу, стали фоном участившихся волнений в действующей армии, увеличения случаев дезертирства. Подобные настроения отображала и николаевская пресса. Так, в ночь на 26 октября 1916 г. по распоряжению николаевского полицмейстера чинами полиции и несколькими ротами солдат 45-го запасного полка были оцеплены кладбище и пригород — Широкая Балка. Среди задержанного «безприютного люда» оказалось много дезертиров и лиц, уклонившихся от воинской повинности⁵¹. В декабре только за один день в разных частях города полицией и военными патрулями было задержано 44 человека, уклонявшихся от военной службы⁵². В конце года в полицейской хронике газеты всё чаще указывали на рост в городе краж,

⁴⁷ Николаевская газета. 1916. 16 сентября.

⁴⁸ Там же. 20 июля.

⁴⁹ Кирьянов Ю.И. Рабочие Юга России. (1914 — февраль 1917 гг.) М., 1971. С. 268.

⁵⁰ Отражения империалистической войны // Страницы борьбы. Сборник материалов по истории революционного движения в Николаеве. Николаев, 1923. С. 148–157.

⁵¹ Николаевская газета. 1916. 28 октября.

⁵² Там же. 4 декабря.

процветание самогоноварения, распространения попрошайничества, увеличения по сравнению с прошлым годом детской преступности.

В 1916 г. пресса Николаева, как и других городов, трубила об успехах русского оружия, предвещала победоносное окончание войны, но среди горожан стали распространяться пессимистические настроения о невозможности победить врага, выросло сильное недоверие к власти, которая не справлялась с продовольственными затруднениями, ростом цен. У большинства горожан Николаева наблюдалась усталость от затянувшейся войны и вызванных ею последствий. Происходил заметный спад патриотических чувств и одновременно рост протестных настроений и популярности у части горожан идеи смены существующей системы государственного управления.

REFERENCES

1. *Kiryarov Yu.I.* Rabochie Yuga Rossii. (1914 — fevral' 1917) [Workers of South Russia. (1914 — February 1917)] M., 1971. 307 p.
2. *Parhomenko V.A.* U voyni zabyitoe litso... Maloizvestnyie stranitsyi Pervoy mirovoy [The war has forgotten the face ... Little-known pages of the First World]. Nikolaev, 2011. 180 p.
3. *Parhomenko V., Gubskaya T.* «Chestyu i krovyu venchannye». Nikolaev. Pervaja mirovaja [«Crowned with honor and blood». Nikolaev. World War I]. Nikolaev, 2016. 180 p.
4. *Platonov O.A.* Nikolai Vtoroi v secretnoi perepiske [Nicholas II in the secret correspondence]. M., 2005. 800 p.
5. *Reyent O.P.* Persha svitova viyna i Ukraina: istoriko-teoretychni aspekty vyvchennya problem [World War I and Ukraine: historical and theoretical aspects of the study of the problem] // Problemy istorii Ukrainy XIX — pochanku XX stolittya [Problems of the history of Ukraine]. K., 2002. P. 5–11.
6. *Schatsillo K.* Iz istorii finansovogo kapitala. Vliyanie pervoy mirovoy voyni na razvitie sudostroitelnoy promyishlennosti Yuga Rossii [From the history of the financial capital. The effect of World War I on the development of the shipbuilding industry of South of Russia] // Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 [World War I 1914–1918]. M., 1968. P. 192–210.
7. *Schukin V., Pavlyuk A.* Zemlyaki. Ocherki istorii yevreyskoy obshchiny goroda Nikolaeva [Compatriots. Essays on the History of the Jewish community of Nikolayev]. Nikolaev, 2009. 352 p.
8. *Smolyaninov M.* V okopakh pod Smorgon'yu: gazovye ataki na territorii Belarusi v gody Pervoy mirovoy voyny [In the trenches of Smorgon: gas attack on the territory of Belarus during World War I] // Belaruskaya Dumka. 2012. № 4. P. 86–95.
9. *Verstyuk A.N., Gordeev S.Y.* Korabli minnyih diviziy. Ot «Novika» do «Goglanda» [Mine divisions ships. From «Novik» to «Hogland»]. M., 2006. 128 p.
10. *Zalessky N.* «Krab» — pervy v mire podvodny zagraditel [«Crab» — the first minelayer in the world]. L., 1988. 112 p.
11. *Zubov B.* Razvitie korablestroeniya na yuge Rossii [Development of shipbuilding in the south of Russia]. Kaliningrad, 1990. 384 p.

Ключевые слова:

повседневная жизнь, Николаев, дороговизна, благотворительные организации, завод «Наваль», 58-й Прагский полк.

Vladislav A. Parkhomenko

EVERYDAY LIFE OF NIKOLAYEV IN 1916

This article is an overview of everyday life in Nikolayev, based on archive and media research. Particular focus is on social and economic crisis, inflation, strike movement, activities of public charity organisations for helping families of refugees and the wounded in the war. It also informs readers about the inhabitants of Nikolayev who distinguished themselves at the frontline in 1915.

 Пархоменко Владислав Анатольевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины
Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского

А.И. Шеляг

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА III КОНГРЕССЕ СОЮЗА НАРОДОВ В ЛОЗАННЕ (ИЮНЬ 1916 г.)

Третий год войны (1916 г.) — характеризовался продолжающимся напряжением сил воюющих сторон, нарастанием усталости народных масс от войны, неясностью перспектив одержания окончательной победы, поиском новых ходов и приемов в ведении войны. Одним из существенных факторов международной политики на протяжении всего военного периода был национальный вопрос. Его использовали обе воюющие стороны, как в пропагандистских целях, так и для ослабления противника. Для Центральных держав особенно было характерно намерение использовать в качестве инструмента борьбы и способа оказать давление (как военного, так и политического) на своих противников, прежде всего Российскую империю и Великобританию, стремление ряда населявших их народов к автономии или иной форме государственности.

III конгресс Союза народов, который состоялся в Лозанне 27–29 июня 1916 г. и был организован, казалось бы, проантантовскими силами, был использован Центральными державами в своих пропагандистских интересах. Тема конгресса получила частичное освещение в современной историографии¹. Од-

¹ См.: *Śladkowski W. Sprawa polska na Kongresie narodowości w Lozannie (27–29 VI 1916) // Polska–Niemcy–Europa. Poznań, 1977; Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978; Florkowska-Frančić H.*

нако целый ряд ее аспектов еще не достаточно изучен, в том числе и участие в конгрессе поляков. А это представляет определенный интерес и для выяснения значимости национального вопроса и национальных движений в годы Первой мировой войны, и для уточнения деталей событий, методов работы и характера взаимодействия представителей различных течений польского освободительного движения за границей, их идеологических воззрений на тот период.

На ход Лозаннского конгресса оказала заметное влияние созданная при поддержке германской стороны «Liga der Fremdvoelker Russlands» (в современной российской литературе это название переводится как «Лига нерусских народов России», «Лига инородческих народов России», «Лига инородцев России» и др.). Она была создана в марте 1916 г. и функционировала главным образом в Швейцарии, но имела филиалы в Швеции и США. Наряду с ее непосредственным организатором и фактическим главой — прибалтийским немцем бароном Фридрихом фон дер Роппом — «душой» Лиги был Юозас Габрис², деятель литовского движения. В задачи Лиги входило проведение на международной арене антирусской пропаганды, используя при этом положение нерусских народов в Российской империи.

Организатором Лозаннского конгресса, как и первых двух, прошедших во французской столице в 1912 и 1915 гг., стал учрежденный в Париже в 1909 г. и перебравшийся во время Первой мировой войны в нейтральную Швейцарию Союз народов. Во главе данной организации, объединявшей в своих рядах представителей 23 народов, проживавших в Европе и за ее пределами, а также некоторых европейских общественных деятелей, встал бельгийский юрист и публицист, директор Библиографического института в Брюсселе, профессор Поль Отле. Еще в большей степени, нежели в своей специальности, он был известен в Европе как горячий пропагандист идеи широкого международного сотрудничества, которое, согласно его идеалистическим представлениям, должно было способствовать юридическому разрешению конфликтов. В годы войны данная концепция приобрела в его публикациях конкретную форму большой международной организации, стоящей на страже идеалов человечности и мира, которую бельгиец поначалу назвал Конференцией государств, а в 1916 г. — Лигой

Мiędzy Lozanną, Fryburgiem i Vevey. Z dziejów polskich organizacji w Szwajcarii w latach 1914–1917. Kraków, 1997; Греков Б.И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX в. М., 1998. С. 419–430; Biednarz P. Edmon Priva i jego działalność na rzecz Polski w czasie pierwszej wojny światowej. Lublin, 2003; Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; и др.

² Миллюков П.Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России) [Прага], 1925. С. 181; Греков Б.И. Указ. соч. С. 425–426.

народов³. Секретарем Союза народов был Габрис, который основал в 1912 г. журнал «Les Annales des Nationalités». Он проделал основную работу по подготовке и проведению лозаннского форума народов⁴.

Союз народов, созданный под патронатом парижских либеральных и интеллектуальных кругов, в идеологической плоскости придерживавшийся идеалов Французской лиги прав человека и гражданина, поначалу немного значил как международная организация. Руководитель польского Пресс-бюро в Берне Кароль Бадер докладывал в письме от 27 июня 1916 г., адресованном, по всей видимости, председателю Главного национального комитета (ГНК) в Кракове Владиславу Яворскому: «По всем признакам, этот съезд, если не приведет к спонтанным столкновениям и громким дискуссиям, не будет иметь серьезных последствий, широкого освещения и откликов»⁵. Кадетский лидер П.Н. Миллюков вспоминал, что «Союзу национальностей» удалось, наконец, созвать съезд в Лозанне, названный «третьим». «Этот съезд тоже вышел не полон и не очень авторитетен: национальностей, уже имевшие своих ходатаев перед великими державами обоих лагерей, туда не приехали и прислали второстепенных представителей». По его мнению, представители ряда российских «национальностей» хотя и прибыли на съезд, но явились, до некоторой степени организованные «Лигой русских инородцев»⁶.

По данным русской дипломатической миссии в Швейцарии, на конгрессе присутствовало 400 делегатов от 23 народов, из которых 14 «полностью или частично находились под главенством России»⁷. Из польских же источников следует, что от 23 народов прибыли 60 делегатов. Эта цифра представляется более достоверной, так как согласно условиям организаторов форума национальные организации могли направлять 5 своих представителей либо общую делегацию от нескольких организаций в том же количестве участников. Принять участие в конгрессе предлагалось всем народам, которые добиваются освобождения. По разным причинам от участия в конгрессе отказались сербы, армяне, чехи и сирийцы. Их интересы представляли швейцарцы. По утверждению участника конгресса, польского писателя, ученого, общественного и политического деятеля Вацлава Серошевского, на протяжении его работы количество присутствовавших на заседаниях, которые проходили в лозаннском казино «Montbenon», колебалось от тысячи человек в первый день до нескольких сот в последующие. В конгрессе помимо делегатов принимали участие представи-

³ *Śladkowski W.* Op. cit. S. 341; *Florkowska-Frančić H.* Op. cit. S. 328.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 168. Оп. 843/3. Д. 803. Л. 50.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 483. Оп. 1. Д. 210. Л. 202.

⁶ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 181.

⁷ АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/3. Д. 803. Л. 50.

тели центральных и местных властей Швейцарии, дипкорпуса, швейцарской общественности, проживавших здесь диаспор, журналисты, в том числе зарубежные, в частности из Швеции, Венгрии, Турции. В повестке дня конгресса значились следующие вопросы: 1) война, мир и народы; 2) стабильный мир и национальный принцип; 3) актуальные проблемы народов; 4) нейтральные государства и угнетенные народы. Предполагалось, что важнейшие документы конгресса, равно как и материалы, отражающие национальные проблемы, будут представлены на послевоенной мирной конференции держав. Проведение лозаннского форума сопровождалось показом выставки документов, освещающих положение народов⁸.

Приглашение принять участие в конгрессе получили все основные польские организации в Швейцарии, представлявшие зачастую противоположные политические ориентации (направления польской политической мысли, связывавшие возрождение польской государственности с опорой на те или иные державы-участницы воюющих блоков). В их числе были: пресс-бюро в Берне (орган ГНК в Галиции, представляло в Швейцарии австрофильскую ориентацию поляков и существовало на австрийские деньги⁹), наиболее близкое Антанте Центральное агентство в Лозанне, за которым, по сведениям В. Сватковского (информатора российского МИДа в Швейцарии, действовавшего под прикрытием представительства Петроградского телеграфного агентства)¹⁰, «стоит негласный политический комитет Четверного Соглашения»¹¹, Комитет редакции энциклопедических изданий о Польше во Фрибурге, который с 1916 г. публиковал карманную «Encyclopédie Polonaise» («Польскую энциклопедию») в целях пропаганды польского дела в Западной Европе и США¹² (как пишет Сватковский, более определенно подчеркивал свой нейтральный характер, но состоял частью из тех же самых, что и Лозаннское агентство, или близких им деятелей)¹³.

Была приглашена к участию и исповедовавшая идею борьбы за независимость Польши без опоры на какую-либо из держав лозаннская организация «La Pologne et la Guerre» («Польша и война»); по данным Сватковского, сторон-

⁸ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 210. Л. 197 об.; Д. 215. Л. 1, 19.

⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 1.

¹⁰ *Готовска-Хенце Т.* Младочехи и Антанты: контакты в нейтральной Болгарии в 1914–1915 гг. // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. С. 126.

¹¹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 1.

¹² *Polski słownik biograficzny.* Warszawa — Kraków. T. XXXVI/3. Z. 150. S. 355.

¹³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 1.

ница полной независимости Польши¹⁴, которую возглавлял польский юрист, историк и политический деятель из Царства Польского Ян Кухажевский.

Его перу принадлежит брошюра «Во имя единства», изданная в 1915 г. (до конгресса), в которой высказывалась следующая мысль: «Что касается территории будущей Польши, то, отдавая себе отчет в различных существенных трудностях возвращения давней территории Речи Посполитой и объединения всех исторических земель в один политический организм, мы считаем, что сегодня, в настоящую минуту никто из поляков, равно как ни одна организация, институция или комитет не имеет права в своих выступлениях или декларациях отказываться от той или иной части давней польской территории, не имеет права рассматривать ту или иную часть территории как безвозвратно утраченную для народа, не имеет права признавать обоснованными различные чужие претензии, опирающиеся на якобы исторические основания и ставящие под сомнение польский характер стародавних мест проживания нашего народа»¹⁵. Кухажевский не был одинок в вопросе о границах будущей Польши.

Приглашение польским политикам на конгресс пришло сравнительно поздно — примерно за две недели до его начала. Это обстоятельство послужило формальным поводом для отказа польских организаций в Швейцарии от участия в форуме. В действительности мотивы такого решения были более сложными. Прежде всего, поляки опасались, что на обозрение представителей других народов выйдут польские разногласия относительно того, с опорой на какую из воюющих сторон — преимущественно Австро-Венгрию или Россию — следует добиваться восстановления польской государственности, и подозревали организаторов в том, что именно это входило в их намерения. Демонстрация раскола в польском общественном мнении была крайне нежелательна для польской пропаганды в условиях продолжающейся борьбы за будущую государственность Польши. На международной арене в польских интересах было подчеркивать национальное единство в стремлении к независимости.

Серьезное недоверие у поляков вызывала фигура главного фактического организатора конгресса — литовского политика Габриса, известного своими антипольскими настроениями. Кроме того, польские организации в Швейцарии опасались антипольских выступлений со стороны делегаций других народов, прежде всего литовцев, белорусов, русин и евреев¹⁶. С этим обстоятельством было связано еще одно существеннейшее опасение: явное преобладание среди приглашенных на конгресс представителей народов, проживавших на территории

¹⁴ *Florkowska-Frančić H.* Op. cit. S. 330; АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 1–2.

¹⁵ *Kucharzewski J.* W imie jedności. Fryburg, 1915. S. 21–22.

¹⁶ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 210. Л. 197 об.; Д. 215. Л. 5.

Российской империи, грозило, по мнению польских организаций в Швейцарии, превращением польского вопроса в глазах международной общественности во внутреннее дело России. А это они считали крайне нежелательным для польского дела. Ведь польские представительства за рубежом прилагали все усилия к тому, чтобы придать польской проблеме международный характер, то есть отдать ее решение в руки мирной конференции держав, а не одного государства. Как писал об этом Сватковский, «поляки, державшиеся во время настоящей войны отдельно от малых национальностей, не желая смешивать с их лишь в теории признаваемыми интересами своих задач и притязаний крупного исторического народа — принимают в конгрессе весьма ограниченное участие»¹⁷.

Были предприняты энергичные шаги к тому, чтобы избежать негативного для польской стороны сценария. Четырём польским организациям в Швейцарии удалось выработать единую — преодолевающую ориентационные разногласия — позицию в отношении конгресса. Роль посредника между главными оппонентами — проавстрийским Бернским бюро и пророссийским Лозаннским агентством — выполнял не принадлежавший ни к одному из перечисленных политических направлений Кухажевский¹⁸.

15 июня 1916 г. в отеле с символическим названием «De la Paix» в Лозанне состоялось совместное заседание руководства всех приглашенных на конференцию польских организаций в Швейцарии. В нем приняли участие представители польских Бернского и Лозаннского пресс-бюро, Комитета редакции энциклопедических изданий о Польше во Фрибурге и организации «Польша и война»: Бадер и Владислав Барановский, Эразм Пильц, Мариан Сейда и граф Жултовский, Кухажевский и Витковский, а также некоторые другие. Собравшиеся единогласно постановили не участвовать в конгрессе и выставке, но направить в адрес президиума оргкомитета совместное заявление, в котором бы разъяснялась причина их отсутствия (в качестве таковой была названа нехватка времени, необходимого для подготовки к участию), а также содержалась изложенная в общих чертах позиция поляков по национальному вопросу на территории Речи Посполитой. Первый вариант такого обращения в адрес организаторов конгресса подготовил Кухажевский. Для доработки проекта был создан подкомитет в составе Сейды, Кухажевского и Бадера.

23 июня 1916 г. в том же отеле в Лозанне на совещание собрались Жултовский, Сейда, Ян Перловский, Кухажевский и Бадер, чтобы окончательно обсудить текст заявления. За основу был принят проект Центрального агентства в Лозанне, который после внесения незначительных изменений был утвержден.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 1.

¹⁸ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 5.

Бадер и Сейда подготовили сообщения для прессы о вручении президиуму конгресса польского заявления. Было решено, что документ в форме письма Полю Отле вручит депутация в составе Жултовского, Перловского, Кухажевского и Бадера, чтобы подчеркнуть политическое значение данной акции¹⁹.

Как пишет Сватковский, выработка текста солидарного заявления далась нелегко: «Главным камнем преткновения было желание индпендистов (борцов за независимость. — А.Ш.) упомянуть об идеале независимости Польши. ...В конце концов однако соглашение состоялось: был принят более краткий текст, из которого вопрос о независимости или свободе был вообще исключен»²⁰. В письме-заявлении подчеркивалась важность момента, надежда на содействие общему делу через выступление «от имени всех ... соотечественников», разъяснялись причины (нехватка времени для подготовки) неучастия в конгрессе представителей польских организаций в Швейцарии, а также содержалось изложение подходов к национальному вопросу на территории будущей Речи Посполитой, среди которых были: признание неотъемлемого права всех народов решать свою собственную судьбу; вытекающее из данного принципа отсутствие стремления включить в состав будущей Польши какие-либо народы против их воли; соблюдение прав национальных меньшинств на землях со смешанным населением; гарантия гражданских и политических прав гражданам Польши непольской национальности и аналогичные гарантии прав поляков, проживающих в других государствах; принцип религиозной свободы, распространяющийся на все культуры; уравнивание в правах евреев как в Польше, так и в других странах²¹. Бадер в одном из своих писем подчеркивал как успех то, что в заявлении не говорилось о польских «национальных чаяниях» в связи с национальным вопросом, а раскрывалась только позиция в отношении народа «на землях Речи Посполитой». Это, по его мнению, позволило избежать огласки ориентационных расхождений, а также «бесплодной дискуссии и обороны» перед вполне возможными нападками со стороны русинов, литовцев и евреев. Генеральный секретарь ГНК Михал Сокольникский, поддержав позицию Бернского бюро по вопросу о конгрессе, в своем июльском письме рекомендовал как можно активнее использовать заявление в прессе, делая акцент на его единогласном принятии: «Ожидаю, что вы его разошлете в Венгрию, Болгарию, Константинополь и что вы постараетесь также, чтобы оно попало во Францию, Англию и Америку»²².

¹⁹ Там же. Д. 210. Л. 202; Д. 215. Л. 59.

²⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 2.

²¹ *Florkowska-Frančić H.* Op. cit. S. 330; АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 5. Л. 3–5.

²² РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 210. Л. 201–202, 210–210 об.

Немаловажной, как оказалось, была проблема подписания выработанной декларации. Рассматривались две возможности: подписать один документ либо направить от каждой польской организации за отдельной подписью идентичные тексты. В пользу раздельного подписания свидетельствовали соображения пропаганды, так как польские организации опасались в дальнейшем обвинений со стороны общественного мнения и своих сторонников в коллаборационизме с оппонентами. В то же время подпись под одним документом сразу показала бы организаторам конгресса единство польской позиции в национальном вопросе.

Серошевский в отчете о мероприятии среди подписантов заявления не упомянул Комитет редакции энциклопедических изданий о Польше, но отметил польское пресс-бюро в Рапперсвиле²³, которое являлось филиалом Бернского бюро. Однако другие источники и литература, имеющиеся в моем распоряжении, данную информацию не подтверждают.

Развитие событий пошло по несколько иному сценарию. 24–26 июня 1916 г. в Лозанну прибыли польские представители оккупированного в 1915 г. Центральными державами Царства Польского: Михал Лемпицкий (инженер-геолог, предприниматель, бывший депутат (1912–1915 гг.) IV Государственной думы, руководитель Лиги польской государственности, придерживавшейся австрофильских позиций, сторонник активной борьбы за польское дело, председатель «Лиги нерусских народов России»), Вацлав Серошевский (сибирский ссыльный, писатель, этнограф, автор труда о якутах, путешественник, близкий друг Юзефа Пилсудского, горячий сторонник легионов, представитель варшавского Центрального национального комитета (ЦНК)), Владислав Студницкий (публицист, политик, ссыльный, основатель и председатель германофильского Клуба польских государственников). Они были глашатаями восстановления Польши при помощи Центральных держав, а Лемпицкий и Студницкий приехали в Лозанну непосредственно после встречи с германским генерал-губернатором на оккупированных польских землях с Хансом Гартвигом фон Безелером, которая была посвящена будущему Польши. Всех их отличало однозначно враждебное отношение к царской России и ее политике в польском вопросе²⁴. Это подтверждают и оценки Бадера, который констатировал,

²³ Там же. Д. 215. Л. 22.

²⁴ *Śladkowski W.* Op. cit. S. 343; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917. Warszawa—Poznań, 2000. S. 198–199, 320–321, 338–339; *Brzoza C., Stepan K.* Poślowie polscy w parlamencie rosyjskim // *Słownik biograficzny.* Warszawa, 2001. S. 121–122; *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej. 1914–1918. Warszawa, 1990. S. 209, 254; *Polski słownik biograficzny.* Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973. T. XVIII/2. Z. 77. S. 330, 345–348.

что Лемпицкий прибыл в Швейцарию, будучи сильно заангажированным на стороне германских властей и Ропша²⁵.

Попытки, предпринятые в ходе предварительных переговоров руководителем польского пресс-бюро в Берне Бадером отговорить Лемпицкого от участия в конгрессе не дали результата. Аргументируя свою позицию, Бадер ссылался на то, что конгресс организован «сторонниками и агентами Антанты», то есть Отле и Габрисом (как оказалось впоследствии, Габрис сотрудничал как с французской, так и с немецкой разведкой)²⁶, а польское участие в нем повысит значение данного мероприятия. Бадер также указывал на то, что деятельность Ропша «сильно отдает немецкой авантюрой и может скомпрометировать на западе польское движение, создав иллюзию его объединения не только с Австрией, но и с Германией». У последней участие польских представителей в конгрессе может вызвать «ненужные надежды на возникновение прогерманских течений и ориентаций»²⁷. В уговорах делегатов из Варшавы участвовал Кухажевский, но также не преуспел. Телеграмму Яворского, в которой руководство ГНК не рекомендовало варшавской депутации участвовать в конгрессе, Лемпицкий воспринял скорее как нежелательную опеку со стороны ГНК. В сложившейся ситуации представителям польских организаций в Швейцарии оставалось только одно: попытаться убедить Лемпицкого высказываться в ходе своего выступления на конгрессе в возможно более осторожной и взвешенной форме, в частности, без использования обобщенной формулы «поляки стоят на стороне Центральных держав». Такая формулировка в сложившихся обстоятельствах могла «лить воду» на немецкую мельницу, а также быть на руку «Лиге нерусских народов России» в лице Ропша. Как сообщил Бадер, определенные обещания в этом смысле от Лемпицкого получить удалось.

Приезд варшавской делегации предопределил раздельное направление польскими организациями в Швейцарии декларации в президиум конгресса. Это делалось во избежание впечатления единства позиций двух пресс-бюро на случай, если Лозаннскому агентству придется опротестовывать выступление Лемпицкого в ходе конгресса. В свою очередь максимально обобщенный текст документа позволял избежать возможных противоречий с заявлениями Лемпицкого. В сообщении для прессы говорилось лишь о единой позиции в национальном вопросе.

Делегаты из Варшавы провели переговоры с пресс-бюро в Берне и организацией «Польша и война», а также с президиумом конгресса в лице Отле

²⁵ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 59.

²⁶ *Florkowska-Frančić H.* Op. cit. S. 328.

²⁷ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 59.

и Габриса. Состоялись также их встречи с представителями отдельных народов из Российской империи. В этих переговорах посредничал Ропп. Их итогом стало обещание литовцев, русинов и белорусов «не атаковать Польшу», что и было в целом выполнено: заявления соответствующих представителей, по свидетельству очевидцев, были направлены в основном против России, литовцы требовали независимости, белорусы и русины — автономии (без конкретизации, в рамках какого государственного образования). Из всех народов Российской империи, по свидетельству очевидца, «только латыши выступили с анти-немецких позиций, требуя для себя свободы в свободной России». По оценкам, конгресс в целом явился манифестацией антироссийских настроений²⁸. По сведениям Серошевского, Лига согласовала тексты выступлений представителей каждого народа и выработала план действий, который был полностью осуществлен²⁹.

Польский вопрос, несмотря на все опасения, не потерялся во множестве других национальных вопросов. Успехом конгресса, по мнению руководства Бернского пресс-бюро, можно было считать «смелые и решительные выступления польских делегатов против России, что было преподнесено в прессе как польская позиция, а делегация из Варшавы трактовалась в качестве представительства Польши»³⁰. В то же время имеются данные о том, что некоторые швейцарские журналисты выразили мнение, что польская делегация на конгрессе «выступала вопреки воле польской общественности»³¹. Также через несколько дней после окончания конгресса в «Gazette de Lausanne» появилась статья (якобы инспирированная Лозаннским агентством) с критикой польских участников мероприятия. Та же газета не преминула отметить интерес Центральным державам к конгрессу и игнорирование ее странами Антанты: «Конгресс использован, чтобы обрушить на некоторые государства коалиции обвинения во всевозможных преступлениях...» Не ускользнул от внимания издания и тот факт, что ряд делегатов прибыл из оккупированных австро-германскими войсками стран по специальному разрешению оккупантов, несмотря на то, что общим правилом были большие трудности с выездом из этих территорий. Отмечался и большой наплыв в Лозанну австро-германских корреспондентов³². Бадер в своем письме, адресованном, по всей видимости, Яворскому, сообщал: «Депутат Лемпидский прибыл в Лозанну ... через Берлин»³³. Ропп помогал польским пред-

²⁸ Там же. Л. 2, 6; Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 181.

²⁹ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 6, 7.

³¹ Там же. Л. 44.

³² Там же. Л. 76, 78.

³³ Там же. Д. 210. Л. 201–202.

ставителям из Варшавы получить разрешение у Безелера на выезд для участия в конгрессе³⁴.

Русская миссия в Берне сообщала, что «все представители многочисленных живущих в России национальностей явились в Лозанну по большей части из Германии или же были выбраны из живущих в Швейцарии германских агентов». По данным миссии, это касалось и представителей других народов: «Большинство бельгийцев, поляков и литовцев получили особые разрешения от немцев и с германскими паспортами прибыли». Односторонность «лозаннской конференции была замечена даже швейцарской прессой. Известному лозаннскому профессору Рейну, желавшему говорить о притеснениях славян в Австрии, не было дано слова», — сообщала русская миссия в Берне в начале июля 1916 г.³⁵

Пресса франкоговорящей Швейцарии, следя за ходом конгресса народов и отмечая его антироссийскую направленность, все более проявляла беспокойство и в конце концов объявила конгресс делом рук немцев. Руководство Союза народов во главе с Отле решительно отрицало это обвинение³⁶. Официальные организаторы не ожидали такого хода и сожалели, что конгресс получил «вид демонстрации против России и отчасти против ее союзников»³⁷. — писали русские дипломаты в Петроград.

Как сообщает Сватковский, Студницкий не брал слова по причине незнания французского языка. Хотя во время выступления Отле на открытии конгресса Студницкий дважды с места прерывал оратора возгласом «нет», когда тот говорил об обещаниях, данных полякам в манифесте великого князя Николая Николаевича, как примере заботы и проявления интереса Антанты к судьбе притесняемых народов, а также когда Отле подчеркнул, что лозунг свободы народов выдвинула Антанта, которая и борется за него. Когда в заключительном фрагменте своего вступления Отле упомянул о бедах своего отечества, находящегося под немецкой оккупацией, все собравшиеся встали с мест, чтобы бурными овациями выразить свои симпатии для Бельгии. Общему примеру не последовали только поляки. Такое поведение приехавших из Варшавы вызвало волну неприязненных для них комментариев со стороны других участников конгресса. В последующие дни Лемпицкий постарался исправить это впечатление. Его выступление на конгрессе 29 июня длилось около часа. Говорил он по памяти, что в аудитории, знавшей толк в ораторском искусстве, было допол-

³⁴ Там же. Д. 215. Л. 59.

³⁵ АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/3. Д. 803. Л. 48–50.

³⁶ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 7.

³⁷ АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/3. Д. 803. Л. 50.

нительным козырем³⁸. В своем выступлении бывший депутат Государственной думы обрисовал историю польских земель после разделов. Только два светлых периода были им отмечены — периоды существования Герцогства Варшавского и Царства Польского. Оратор подчеркивал, что в Пруссии целью государственной политики всегда была ассимиляция поляков, а Россия — это «исторический, прирожденный противник Польши, ее культурно-политическая и религиозная антитеза», принадлежащая к греко-византийской цивилизации. Со ссылкой на манифест великого князя Николая Николаевича, Лемпицкий утверждал, что данные Россией обещания не выполняются, напротив, она ввела систему угнетения в Галиции после оккупации этих земель. Лишь в Австро-Венгрии, по утверждению оратора, поляки пользуются на протяжении пятидесяти лет конституционными свободами, национальными и политическими правами. В заключение своей речи Лемпицкий обосновывал право поляков на собственную государственность «историческими правами, наличием способностей и средств, а также миссией польского народа перед человечеством, которую необходимо выполнить»³⁹.

Выступление произвело большое впечатление и было встречено бурными овациями. Белорус на сцене бросился в объятия Лемпицкому, все участники съезда начали скандировать по-французски: «Польша — вперед!» и «Да здравствует Польша!». Наконец к Лемпицкому подошел дагестанец в папахе и попросил позволения обняться и расцеловаться. Лемпицкий не отказал, и это вызвало новую бурю аплодисментов.

Дело, однако, не обошлось без пропагандистской борьбы. Лозаннское агентство, стоящее на пророссийских позициях, вело работу по ослаблению эффекта от выпадов Лемпицкого против России во время выступления на конгрессе. Для этого при входе в конференц-зал был роздан специальный бюллетень, подготовленный агентством. В нем освещалось заседание Государственной думы, на котором депутат Лемпицкий был исключен из данного учреждения⁴⁰. 12 мая 1916 г. газета антироссийской направленности «Polen» («Польша»), издание ГНК, выходившая в Вене на немецком языке с 1915 по 1918 г., информировала, что в апреле 1916 г. Польская фракция в Государственной думе разослала в русскую прессу сообщение о том, что в сентябре 1915 г. Лемпицкий был единогласно исключен из состава Польской фракции Думы.

В инструкции делегата конгресса от ЦНК Серошевского рекомендовалось в ходе конгресса «особо подчеркнуть стремление поляков к независимости»,

³⁸ *Śladkowski W.* Op. cit. S. 342, 345.

³⁹ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 10–11, 13.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

акцентировать внимание на международном характере польского вопроса, «обозначить принципиальную разницу отношения поляков к России и центральным державам», а также цивилизационные различия между польской и русской культурами. В инструкции содержались конкретные указания, касавшиеся линии поведения в отношении конкретных народов, с которыми у поляков имелись разногласия и существовала опасность выявления данных противоречий. В этом случае рекомендовалось доказать, что все беды происходят от России и ее господства. Также предписывалось отметить роль польского легиона, борющегося против России. В случае появления политических оппонентов, например, поляков из Петербурга, предписывалось заявить, что эти люди давно дискредитированы в глазах польского общества, а если им все же будет предоставлена трибуна — покинуть зал, объяснив свою позицию. Хотя Серошевский не выступал на конгрессе, можно констатировать, что в целом все выступления и поведение варшавской делегации на конгрессе и в других мероприятиях были выдержаны в духе данной инструкции с учетом договоренностей, достигнутых с польскими организациями в Швейцарии.

Польские участники конгресса оставались в Швейцарии до начала июля 1916 г. Здесь они провели ряд встреч, участвовали в собраниях.

Серошевский выступил на собрании поляков «всех оттенков» 2 июля 1916 г. в отеле «Liliana» в Лозанне уже после закрытия конгресса. В своей речи он защищал антирусские позиции и ориентацию на Центральные державы. Высказался за создание национального правительства и польской армии в миллион штыков, которая бы в решающий момент добилась независимости для Польши при содействии Центральных держав. Сторонники Антанты потребовали дискуссии, но Серошевский отказался в ней участвовать. Такую же позицию занял Лемпицкий. В итоге представители австрофильского направления и те, кто не принадлежал ни к проавстрийской, ни к прорусской ориентации, покинули собрание⁴¹.

По одним данным, еще находясь в Берне, по другим — уже из Берлина польские делегаты конгресса направили послание, адресованное президенту США Вудро Вильсону. В нем от имени польских делегатов конгресса народов в Лозанне выражалась благодарность американскому народу за организацию сбора средств для поляков. Одновременно высказывалась надежда, что «святое для польского народа стремление к свободе и независимости, которые необходимы ему не меньше хлеба, найдут живой отклик в Америке»⁴². Ни один телеграф не согласился принять этого послания к отправке, поэтому Серошевский

⁴¹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. Д. 6. Л. 3.

⁴² РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 17, 28–29.

выслал его в виде письма окольными путями в польский Комитет национальной обороны в Америке, с просьбой распространить обращение в польской и американской прессе.

Лемпицкий не только предварил свое участие в конгрессе встречей с представителями германского руководства. Как следует из отчета Серошевского, а также прилагаемой к нему записи беседы германского канцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега с Лемпицким, в июле 1916 г. варшавская делегация из Швейцарии отправилась в Германию, где и состоялся ряд ее встреч с берлинскими политиками, редакторами германских газет, людьми, близкими или принадлежащими к правящим кругам Германии⁴³, включая канцлера Бетмана-Гольвега и германского статс-секретаря иностранных дел Артура Циммермана. При этом, по словам Серошевского, немецкие политики и журналисты сами искали встреч с польскими представителями. Интерес, видимо, был неслучайным. Еще посол Германии в Берне проявил необыкновенную заинтересованность польским вопросом, в частности, объединением партий, выборами в городской совет Варшавы, а главным образом — легионом и возможностью образования польской армии. Проблематика возможного создания армии на оккупированных Центральными державами польских территориях бывшего русского захвата доминировала и во время встреч в Берлине. Возможно, это было попыткой прозондировать почву, понять настроения и характер отношений в польском обществе с прицелом на решение в перспективе польского вопроса, в том числе на создание польских вооруженных сил на стороне Центральных держав, что оккупационные власти, как известно, попытались реализовать в ноябре 1916 г. Согласно утверждению военного министра и начальника Генерального штаба Германии Эриха фон Фалькенгайна, со времени занятия территории Конгрессовой Польши летом 1915 г. «состязание мнений относительно будущей участи Польши не прекращалось... Берлинское и венское правительства скоро сошлись на том, что полякам еще во время войны должно быть дано и за ними обеспечено “освобождение от русского ига”; однако относительно способа, как провести такое освобождение, долго не могли прийти к согласию»⁴⁴. Отсутствие такого согласия в июле 1916 г. подтверждается и данными о содержании бесед, проведенных польской делегацией в Берлине в это время. Немецкие участники нередко сетовали на позицию Австро-Венгрии, стремящейся к новому разделу польских земель, что, по мнению германской стороны, было небезопасно. Тем не менее появлялись надежды на смягчение австрийской позиции и большую

⁴³ Там же. Л. 26–31.

⁴⁴ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 годов в его важнейших решениях. М., 2014. С. 300–301.

сговорчивость Вены, в том числе под влиянием неудач австрийцев на фронте (в частности, на лето 1916 г. приходится Брусиловский прорыв русскими Австрийского фронта⁴⁵).

Беседа Бетман-Гольвега с Лемпицким, состоявшаяся 20 июля 1916 г. по инициативе германского канцлера, началась с вопроса последнего об итогах Лозаннского конгресса. Лемпицкий подчеркнул его антироссийский характер, отметил, что «большинство угнетенных народов проживает на территории Российской империи, а не в Германии или Австрии, как говорят некоторые», что «польский вопрос на конгрессе получил привилегированный статус благодаря пониманию литовцев и белорусов, которые отдают себе отчет в том, что без поляков им не победить российской опасности»⁴⁶. Оба участника беседы пришли к мнению, что конгресс имел историческое значение. Канцлер поинтересовался возможностями революции в России и ожиданиями Национально-демократической партии (стояла на пророссийских позициях) в связи с этим. Лемпицкий отметил, что революционность в России — это «детская болезнь», которую переживает каждый русский. Что же касается пророссийского течения среди поляков, то ориентацию национальной демократии он предложил трактовать не как «выражение симпатии в отношении России», а лишь как «надежду добиться более хорошего положения, соответствующего культурному уровню поляков», который, по его оценке, возвышается над культурным уровнем России.

Следующим вопросом, интересовавшим канцлера, была сила проавстрийских настроений в польском обществе. Отвечая на него, Лемпицкий постарался донести до сведения канцлера, что для поляков приоритетной целью является воссоздание независимого польского государства. Расхождения же носят тактический характер, то есть наблюдаются только в выборе средств достижения данной цели, и тут одни уповают на помощь Австрии, другие — на содействие Германии, хотя данные различия являются всего лишь вынужденным, по его словам, «отголоском разделов», который, к сожалению, еще присутствует. Если какая-либо из держав ясно и искренне объявит о своем намерении восстановить Польское государство, то за ним пойдет, на его взгляд, весь польский народ, в том числе и национальные демократы, которые тоже являются поляками⁴⁷.

Далее собеседники обсудили проект образования так называемой *Mittleuropa* (Срединной Европы), в которой Польша должна занять достойное ее место и играть цементирующую роль. Лемпицкий высказал мысль о том, что польский вопрос следует решить окончательно, с тем чтобы очередной

⁴⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая война. М., 2014. С. 339.

⁴⁶ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 30.

⁴⁷ Там же.

раздел Польши не стал причиной раздоров между Германией и Австрией и не вызвал бы через пару лет новую войну в Европе. По мнению Лемпицкого, чтобы быть полезной составляющей такой конструкции, как «Срединная Европа», Польша должна иметь внутренние земли для экспансии населения и развития экономики. Такими землями для нее, по словам Лемпицкого, являются Белоруссия и Литва («Гродно и Вильно — польские города»). Россия, по его мнению, должна быть отброшена к своим естественным границам. Решая польский вопрос, необходимо прислушаться к голосу поляков, то есть создать институт в виде национального собрания, посредством которого этот голос будет звучать, также отменить оккупационные границы, создающие у польского населения иллюзию, что раздел будет закреплен навсегда, и дать полякам олицетворение идеи их государственности, а именно: короля. Канцлер соглашался не со всеми постулатами собеседника, видя практические трудности в их осуществлении (в частности, в вопросе о принадлежности Литвы и отбрасывании России к ее естественным границам). Обсуждались также различия в отношении поляков и других славянских народов к России (Лемпицкий делал упор на борьбе римской и греко-византийской культур, утверждал, что Россия является «азиатской монархией», «главным врагом славянства»). Были затронуты вопрос об отделении пленных поляков от русских в лагерях для военнопленных и тема распоряжения германских оккупационных властей о замене, как говорится в записи беседы, «унижающего польские национальные чувства» наименования «русский» в паспортах на «поляки из генерал-губернаторства Варшавы».

Канцлер, провожая Лемпицкого к дверям, выразил надежду на совместную работу в Варшаве для общих целей. Лемпицкий со своей стороны подтвердил это. Согласно впечатлениям поляков, тон беседы, длившейся час, был весьма доверительный, а возможно, даже приятельский. Канцлер казался человеком, осведомленным в обсуждаемых вопросах, знакомым с различными публикациями в периодических изданиях.

Беседы польских делегатов конгресса, проведенные ими в Берлине, показывают ход проработки германскими властями польского вопроса, включая перспективу создания польской армии на стороне Центральных держав, что впоследствии вылилось в Акт 5 ноября 1916 г., согласно которому Центральные державы провозгласили создание самостоятельного (но не независимого) Польского государства из польских земель, «вырванных из-под русского господства»⁴⁸.

Обращает на себя внимание сообщение Серошевского о том, что в ходе обсуждений, проведенных в рамках «Лиги притесняемых народов России»,

⁴⁸ Odbudowa i rozwój państwowości polskiej w świetle dokumentów 1908–1921. Gliwice, 1993. S. 100.

«говорилось о необходимости достижения соглашения ... с государствами и малыми государствами, еще пока независимыми, но находящимися под угрозой со стороны России или “Mitteleuropa”», «говорилось о федерации небольших государств, малых с точки зрения населения, среди которых Польша была бы самым крупным народом, главным, и которые бы шли охранным валом от Норвегии через Швецию, Данию, Голландию, Польшу, Венгрию, Румынию, Болгарию, Сербию до Турции и берегов Эгейского и Адриатического морей». Серошевский добавил, что «это — далекая перспектива»⁴⁹.

Таким образом, польские организации в Швейцарии, вырабатывая единую позицию по отношению к III конгрессу народов, сумели подняться над своими тактическими разногласиями, поставив во главу угла то, что было, как представляется, главным для них: интересы польского дела в целом перед лицом международной общественности. При этом польские организации постарались учесть всевозможные опасности, грозящие с разных сторон национальным интересам польского народа, и выйти из сложившейся ситуации максимально с честью и без ущерба для польского дела и собственной репутации. Это им в общем удалось. В то же время восприятие поляками собственной национальной проблемы на фоне и во взаимоотношении с национальными вопросами других народов, прежде всего, некогда входивших в состав исторической Речи Посполитой, наглядно продемонстрировало зачатки будущих разделительных линий и предмет споров о границах и территориях. Даже действуя в фарватере германских планов по ослаблению своих противников, в частности России, изнутри, польские делегаты-участники конгресса в доверительных беседах со своими покровителями не забывали о главной цели поляков — достижении независимости Польши — и пытались максимально полно обозначить их устремления в надежде приблизить реализацию национальных чаяний польского народа.

⁴⁹ РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 25.

REFERENCES

1. *Biednarz P.* Edmon Priva i jego działalność na rzecz Polski w czasie pierwszej wojny światowej [Edmon Priva and His Activity for Poland during the First World War]. Lublin, 2003. 285 p.
2. *Gotovska-Hence T.* Mladochehi i Antanta: kontakty v nejtral'noj Bolgarii v 1914–1915 gg. [The Young Czechs and the Entente: Contacts in Neutral Bulgaria 1914–1915] // *Narody Gabsburgskoj monarhii v 1914–1920 gg.: ot nacional'nyh dvizhenij k sozdaniju nacional'nyh gosudarstv* [The Peoples of the Habsburg Monarchy 1914–1920: from National Movements to Reconstruction of National States]. M., 2012. P. 125–134.
3. *Grekov B.I.* Nacional'nyj aspekt vneshnej politiki Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny (Liga nerusskich narodov Rossii) [National Aspect of German Foreign Policy in the First World War (League of non-Russian Nationalities of Russia)] // *Pervaja mirovaja vojna. Prolog XX v.* [The First World War. Prologue of the XX Century]. M., 1998. P. 419–430.
4. *Florkowska-Frančić H.* Między Lozanną, Fryburgiem i Vevey. Z dziejów polskich organizacji w Szwajcarii w latach 1914–1917 [Between Lozanna, Fryburg and Vevey: History of Polish Organizations in Switzerland in 1914–1917]. Kraków, 1997. 367 p.
5. *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 [The Poles in Russia from XVII Century to 1917]. Warszawa–Poznań, 2000. 405 p.
6. *Miljukov P.N.* Nacional'nyj vopros (Proishozhdenie nacional'nosti i nacional'nye voprosy v Rossii) [National Question (Origins of Nationality and National Questions in Russia)]. [Praga], 1925. 193 p.
7. *Novikova I.N.* «Mezhdu molotom i nakoval'nej»: Shvecija v germano-rossijskom protivostojanii na Baltike v gody Pervoj mirovoj vojny [Between the Hammer and the Anvil: Sweden in the German-Russian Confrontation on the Baltic during the First World War]. SPb., 2006. 450 p.
8. *Śladkowski W.* Sprawa polska na Kongresie narodowości w Lozannie (27–29 VI 1916) [Polish Question at the Congress of Nationalities in Louzanne (27–29 VI 1916)] // *Polska–Niemcy–Europa* [Poland–Germany–Europe]. Poznań, 1977. P. 339–349.

9. *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej. 1914–1918 [Polish Military Activity during the First World War. 1914–1918]. Warszawa, 1990. 551 p.
10. *Zajonchkovskij A.M.* Pervaja mirovaja vojna [The First World War]. M., 2014. 535 p.
11. *Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg [The League of the non-Russian Peoples in Russia. 1916–1918. Contribution to the German anti-Russian Propaganda among the non-Russian Peoples in Russia during the First World War]. Helsinki, 1978. 431 p.

Ключевые слова:

пропаганда, информационное пресс-бюро, Главный национальный комитет, Михал Лемпицкий, Союз народов, III конгресс народов, Австро-Венгрия, Германия, Антанта, Россия.

Anna I. Shelyag

THE POLISH ISSUE AT THE 3RD CONGRESS OF THE UNION DES NATIONALITÉS IN LAUSANNE IN 1916

The article describes the so-called Polish Issue at the 3rd congress of the Union des Nationalités that took place in Lausanne on June 27–29 1916, the attitude of Polish organisations of Switzerland to it, as well as the participation in the congress of representatives of the Polish state that was at that point occupied by Austro-German troops. Despite the fact that the congress was held by pro-Entente forces, it was used by the key states for propaganda purposes aimed at discrediting the Russian Empire by focusing on the condition of non-Russian peoples, including Poles, inhabiting it. Acting as for-runners of Germany's plans for weakening its enemies, including Russia, the Polish delegates to the congress kept in mind their main objective — the independence of Poland.

 Шеляг Анна Ивановна

первый секретарь Третьего Европейского департамента
МИД Российской Федерации

В.Н. Парамонов

САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИЮЛЬ 1914 г. — ФЕВРАЛЬ 1917 г.

Сборник документов / Отв. сост. О.В. Зубова. Самара:
ООО «Медиа-Книга», 2014. 732 с.

Начиная с 1990-х гг. истории Первой мировой войны уделяется все больше внимания в отечественной и зарубежной научной литературе. Одним из направлений современных историографии и источниковедения стало издание сборников документов, раскрывающих различные сюжеты войны: «Первая мировая война» (Омск, 2014), «Карелия в годы Первой мировой войны» (Петрозаводск, 2014), «Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников» (Владивосток, 2014), «Псковская губерния в период Первой мировой войны по архивным документам» (Псков, 2014), «Последняя война империи» (Вологда, 2014) и др. В изданиях по истории Самарского Поволжья XX в. сюжет об этой войне либо совсем опускался, либо ограничивался рассмотрением ее только как предпосылки революции в 1917 г.

Составители рецензируемого сборника О.В. Зубова (ответственный составитель), Г.В. Галыгина, В.И. Гольцов, А.В. Калягин, К.В. Фролова, В.В. Шестерикова, Н.Ю. Шешунова с особой тщательностью отнеслись к выбору документов, определению авторства, датировке, полноте справочного материала. Им удалось достаточно полно и достоверно отразить военный пери-

од 1914–1917 гг. в истории России, удалось выйти за пределы сложившейся трактовки периода войны только как предпосылки революции.

Рецензируемый сборник содержит шесть разделов (I. Начало войны; II. Общественно-политическая ситуация; III. Экономика; IV. Армия; V. Миграционные процессы; VI. Повседневная жизнь), материалы, которые отражают широкий круг проблем 1914–1918 гг. Достичь победы в войне тотального характера, которой являлась Первая мировая, Россия могла только при внутренней стабильности, которая была необходима не только в центре, но и в провинции. Содержание сборника показывает, что война явилась тяжелым испытанием для сельского хозяйства и промышленности Самарского Поволжья, которые медленно, но неуклонно поддавались влиянию войны, что выразилось в трудностях внешних поставок, нехватке топливно-энергетических ресурсов, транспортных проблемах, сокращении рабочей силы. Особо следует выделить разделы о повседневной жизни и миграционных процессах. Интересный сюжет сборника, на мой взгляд, представляют материалы об отношении провинциальных властей и населения к гражданам стран, находившихся в состоянии войны с Россией. В годы войны в Самарской губернии усилились антинемецкие и антиавстрийские настроения, а также антисемитизм.

Содержание документов сборника позволяет определить особенности качества жизни населения губернии. Сборник отличается введением в научный оборот большого количества новых данных, связанных с социально-экономическими и социально-психологическими процессами, определившими состояние этой губернии в годы Первой мировой войны. В частности, это относится к документам, отражающим влияние на население введения «сухого закона» летом 1914 г. и действия местных властей по обеспечению его соблюдения; положение дел в тыловых гарнизонах в годы войны; организацию снабжения, медицинского обслуживания военнослужащих, условия быта; изменения уровня дисциплины среди тыловых частей в разные периоды войны, борьбу с дезертирством на местах; координацию действий между различными уровнями власти.

Приведенные в сборнике материалы свидетельствуют, что летняя мобилизация 1914 г. на территории этой губернии прошла успешно и сопровождалась подъемом патриотических настроений среди населения. По всей губернии прошли торжественные молебны и патриотические шествия, наметившиеся беспорядки в ряде населенных пунктов, связанные с введением запрета на торговлю алкоголем, удалось пресечь сравнительно безболезненно, ограничившись незначительным применением силы.

В документах сборника отражен процесс оказания благотворительной помощи больным и раненым воинам, их семьям, а также беженцам и вынужденным переселенцам. Данная губерния, расположенная в глубоком тылу страны, оказалась одним из районов размещения вынужденных мигрантов. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и местная общественность стремились оказать беженцам помощь и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями-комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: организация школ, приютов для детей-сирот, поиск работы, организация специальных курсов, культурного досуга. В целом, взаимоотношения с местным населением были достаточно позитивными, в 1914–1916 гг. не наблюдалось серьезных конфликтов между беженцами и коренным населением. Но с лета 1916 г., в связи с увеличением количества беженцев, прибывающих в губернию, начала обостряться ситуация с жильем, принимавшая нередко характер противостояния местного населения и вновь прибывших.

Документы отразили также не только заботу и милосердие, проявляемые обществом в отношении больных и раненых, но и факты, когда служащие в госпиталях обирали находившихся на излечении воинов (док. № 549). В сборнике использованы материалы фонда 468 «Самарское губернское жандармское управление», касающиеся сведений о политических, социальных и морально-нравственных настроениях населения, изучены рапорты уездных исправников, а также чинов Жандармского управления о политических настроениях населения губернии в период с июля 1914 г. по февраль 1917 г. Анализ данных документов позволил проследить динамику изменения отношения населения к войне, к действиям центральных и местных властей по борьбе с ростом цен, дороговизной и действиями спекулянтов.

При освещении хода летней мобилизации 1914 г. использованы рапорты и отчеты самарского полицмейстера, уездных исправников и военных чинов, из которых можно установить, как происходил призыв в регионе, каково было морально-нравственное настроение населения. Изучение приказов и распоряжений командования Самарского гарнизона дает информацию об организации службы в гарнизоне, его составе и состоянии. В приказах командования гарнизона отмечались изменения уровня дисциплины среди солдат в разные периоды войны.

Научности сборника в немалой степени способствует предисловие, подготовленное на документальной основе (в том числе на материалах, не вошедших в состав сборника) В.И. Гольцовым и А.В. Калягиным. Важней-

шим аспектом новизны является критическое отношение к устоявшимся в исторической науке штампам. Сборник полностью соответствует современным требованиям археографической науки.

Сборник имеет Приложение, состоящее из двух разделов — «Письма с фронта» и «Фольклор», дополняющее картину существовавших в обществе настроений. Прекрасным дополнением является иллюстративный материал (фото и документы), выявленный в фондах Центрального государственного архива Самарской области и его Сызранского филиала, Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина. Хочется отметить качественное издательское оформление сборника.

Вместе с тем, на мой взгляд, содержание сборника выиграло бы, если были бы приведены материалы с марта 1917 г. по март 1918 г. Война не закончилась Февралем 1917 г. Составители аргументируют выбор верхней хронологической границы сборника тем, что «события февраля — марта 1917 г. кардинально изменили ситуацию в стране, где начиналась революция» (с. 21). Но влияние войны и революционного процесса было взаимным.

Конечно, есть источниковедческая трудность, поскольку в самарских архивах хранится значительно меньше документов, чем в городах, где располагались штабы военных округов. Уступали многим регионам и промышленные показатели. Тем не менее материалы по уездам, городам, периодическая печать свидетельствуют об активном участии населения в обсуждении перспектив мира и войны, вопросов мобилизации, о противостоянии продразверстки и рынка. Публикация таких документов позволила бы придать освещению темы завершенный характер.

Могут возразить, что составители ограничены объемом. Но, на мой взгляд, можно в данном случае сократить объем размещенного однотипного газетного материала, тем более что он оцифрован и доступен интересующемуся читателю.

Не всегда даются необходимые комментарии и пояснения. В качестве примера приведу следующий: на странице 68 помещен циркуляр губернатора Н.В. Протасьева о надзоре за библиотеками для раненых и запрете включения в фонды изданий Вольного экономического общества. Почему эти издания были запрещены, хотя общество существовало легально, читателю не объяснено.

При отборе и публикации документов было бы целесообразно учитывать динамику явлений. Представляется интересным сюжет о попытках властей регулировать цены на товары первой необходимости (док. 372, 374, 375, 378, 379, 403 и др.), однако не приведены документы конца 1916 г. —

начала 1917 г., когда процесс регулирования цен стал более активным. А ведь на основе публикации соответствующих данных Министерства финансов, губернских органов власти читатель-исследователь смог бы выстроить динамический ряд изменения цен в регионе в рассматриваемый период. Как показывают документы, попытки властей при помощи установления фиксированных цен на продукты и ограничение вывоза продукции за пределы губернии, остановить рост цен, спекуляцию и преодолеть дефицит окончились, по большей части, неудачей.

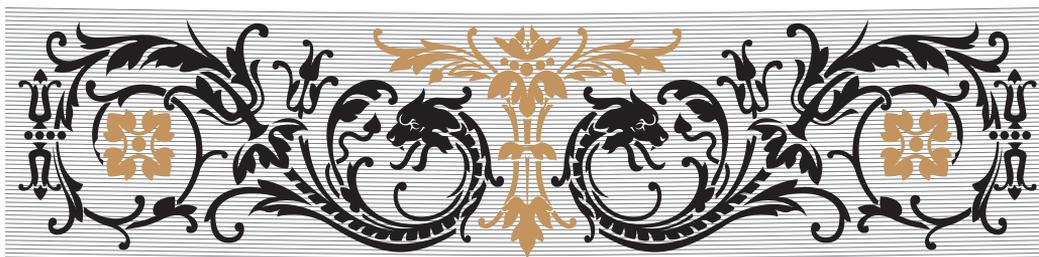
Чтение сборника, разумеется, затрудняет отсутствие указателя опубликованных (а их 966!) документов.

Несмотря на эти изъяны, следует признать, что составители сборника проделали весьма нужную и своевременную работу, снабдив исследователей и широкий круг читателей важными и в значительной части впервые публикуемыми документами.

 Парамонов Вячеслав Николаевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и философии науки
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева

С.М. Исхаков

БАШКИРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1914—1918

Сборник документов и материалов /
Сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа: Китап, 2014. 448 с.

Значение истории Первой мировой войны для Российской империи за последние годы резко возросло — открываются новые источники, возникают новые подходы к проблеме, историки уходят от устоявшихся догм, стремятся дать более точную и объективную оценку событий, происходивших в годы этой войны на территории обширной империи, в различных ее частях, в том числе весьма отдаленных от столицы. То, что здесь происходило в те годы, по-прежнему требует расширения источниковедческой базы за счет привлечения новых архивных документов. В разных регионах России в последнее время появились документальные сборники, приуроченные к 100-летию начала Первой мировой войны. Одним из них является рецензируемое издание, подготовленное группой уфимских составителей, которые решили внести свой вклад в освещение данного периода истории Республики Башкортостан. В этом сборнике собран достаточно большой и малоизвестный историко-архивный, документальный и мемуарный материал, отражающий события Первой мировой войны в таком глубоком тылу, как Башкирия, под которой в сборнике подразумеваются территории Уфимской и Оренбургской губерний.

В предисловии один из составителей Р.Н. Рахимов пишет, что публикуются источники, освещающие ситуацию в Башкирии в годы этой войны,

из которых читатель может узнать об участии уроженцев края в боевых действиях, получить объективную информацию о положении дел в Уфимской и Оренбургской губерниях в 1914–1918 гг., указывает, что в сборнике представлены документы, выявленные в архивах Москвы, Оренбурга, Уфы и частных собраниях, что большая часть источников публикуется впервые (с. 5).

Структура сборника такова: 1-й раздел — «Лето — осень 1914 года. Мобилизация. Начало войны» (66 документов), 2-й раздел — «На фронтах Великой войны. 1914–1918 годы» (87 документов) — включает в себя 3 подраздела: «Уроженцы края в частях регулярной армии и флота», «Народ на войне: Дружины государственного ополчения», «282-я пешая Уфимская дружина государственного ополчения», 3-й раздел — «В глубоком тылу» (193 документа) — включает 10 подразделов: «Запасные части», «Настроения населения», «Повседневная жизнь», «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Финансы», «Помощь фронту», «Беженцы», «Военнопленные», «Благотворительность», 4-й раздел — «Красный Крест, помощь пленным, инвалидам, семьям погибших» (34 документа) — включает 3 подраздела: «Российское общество Красного Креста», «Помощь российским военнопленным», «Социальное обеспечение инвалидов и семей погибших», а также комментарии к документам, список сокращений и именной указатель.

Собранные в данном издании источники представляют определенный интерес для историографии. В 1-м разделе собраны разнообразные документы о действиях центральной и местной власти в начале войны. Сразу бросается в глаза явный перекося с количеством различных распоряжений Центра, имеющих общий характер, и весьма далеких от Башкирии. Зачем, к примеру, надо было воспроизводить приказ о запрещении ношения наград Австро-Венгрии и Германии всем чинам русской армии (док. 27)? Или какое отношение к теме сборника имеет, в частности, «публикация высочайшего повеления о приеме уроженцев Финляндии в войска» (док. 29)? Последним же документом раздела стало распоряжение министра финансов о воспреещении вывоза лошадей через персидскую и афганскую границы (док. 66)! Что касается документов этого раздела о действиях местных властей, то подбор их также удивляет: в основном это различные материалы, которые выражали верноподданнические чувства, и объявления о розыске лиц, подлежащих призыву.

2-й раздел открывается «Походной памяткой русского солдата», которая была издана в Одессе в 1914 г. (док. 67). Здесь далее воспроизведены фрагменты книги Н.С. Гумилева «Записки кавалериста» (док. 88), которые к тому же даны без выходных данных. Эти и ряд других материалов дан-

ного раздела имеют опять-таки косвенное или никакого вообще отношения к представителям Башкирии на фронте. Критикуя в предисловии советские сборники, в которых якобы нет материалов по теме, составители между тем использовали документ из сборника документов «Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — марта 1918 г.» (М., 1973. С. 152) (док. 121). Среди материалов, характеризующих действия местных властей, много документов (например, объявления о вызове к исполнению воинской повинностей, сведения канцелярии Уфимского губернского по воинской повинности присутствия о числе лошадей, принятых в войска с начала войны по 26 ноября 1916 г. (док. 120), и др.), которые научного значения, строго говоря, не имеют.

Структура сборника имеет целый ряд существенных недостатков. Так, материалы, характеризующие настроения населения в тылу, оказались не только в подразделе «Настроения населения» 2-го раздела, но и в других частях книги. Так, в 1-й раздел помещены телеграммы, рапорты чиновников о выражении населением верноподданнических чувств (док. 18, 21, 44), о недовольстве рабочими объявленной мобилизации (док. 25). Кроме того, в подраздел «Настроения населения» включены различные распоряжения власти, к примеру, циркуляр Департамента полиции МВД о принятии мер по пресечению распространения на территории России революционных изданий (док. 165). Такие документы логично было разместить в 1-м разделе.

В подразделе «Благотворительность» собраны документы, которые фактически показывают как настроения в обществе, так и действия чиновников, пытавшихся повлиять на население. Так, здесь публикуются документы мусульманских религиозных деятелей, призывавших своих единоверцев оказать посильную помощь воинам-мусульманам на фронте. В обращении оренбургского муфтия М. Султанова (его резиденция — г. Уфа) от 5 апреля 1915 г. к ахунам и хатыбам Оренбургского магометанского духовного собрания (в сферу компетенции этого учреждения входила территория Европейской России и Сибири, без Крыма и Кавказа) было указано проинформировать в своем приходе в одну из ближайших пятниц (в священный у мусульман день) сбор пожертвований на эти нужды (док. 324). Назначенный на эту должность после его смерти М.-С. Баязитов (его инициалы ошибочно указаны в заголовке документа как Т.С., что означает незнание составителями элементарных биографических данных об этом известном историческом персонаже) 26 мая 1916 г. обратился к ахунам и муллам Уфимской губернии с аналогичной просьбой. В этом документе прямо заявлено, что уфимский губернатор 2 мая 1916 г. поручил ему организовать в мечетях

губернии в две пятницы июня и июля сбор добровольных пожертвований в пользу семей воинов. Муфтий призвал своих подчиненных: «Признавая дело помощи семьям наших героев-воинов, своею кровью защищающих наше дорогое отечество, весьма важным и святым, я уверен, мусульманское духовенство губернии также поймет важное значение сего дела и разъяснит о том же своим прихожанам» (док. 337).

О судьбе одного из таких рядовых участников боевых действий можно судить по публикуемым воспоминаниям уроженца Башкирии С. Нагаева (1885–1963). Их автор вспоминал о своей службе в армии с начала Первой мировой войны. Он воевал на территории Польши, затем попал в плен к противнику и был отправлен в лагерь для военнопленных-мусульман в Германии. Весной 1915 г. в числе других добровольцев (их оказалось около тысячи) его отправили отсюда в Турцию, где он воевал на стороне турецкой армии. Сначала он участвовал в боях против арабов в районе Мекки и Медины. Затем его часть направили в Месопотамию воевать против арабов и англичан. В конце концов в 1920 г. он оказался вновь в Турции, откуда осенью 1920 г. прибыл в Крым, а весной 1921 г. вернулся домой (док. 371). Эти записи, как и многие другие документы сборника, требуют комментирования, но поразительно, что примечания к документам всего сборника занимают всего две страницы (с. 412–413). Пять составителей и несколько членов редколлегии не стали утруждать себя этим трудоемким занятием, оставляя обычного читателя без этого необходимого и важного инструмента восприятия исторических документов. Так что этот сборник документов вышел в свет почти без объяснений — довольно редкий случай в публикаторском деле, который красноречиво говорит об истинном отношении всех причастных к его выпуску к истории своего края, к судьбам земляков, исторической памяти вообще.

С большим успехом можно было сократить данный сборник, оставив гораздо меньше документов, которые имеют непосредственное отношение к его теме. Все эти существенные просчеты могли бы быть преодолены, если бы научным редактором сборника являлся, естественно, не Р.Н. Рахимов, один из составителей. Удивительный факт — составителем и редактором издания является один и тот же человек. Как следствие, получился низкопробный сборник, который к тому же издан под грифами таких солидных учреждений, как Управление по делам архивов Республики Башкортостан и Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Все это в целом производит крайне удручающее впечатление не только о работе самих составителей, но и тех научных учреждений, под грифом которых вышло это издание. Подходы авторов сборника вполне соответствуют факти-

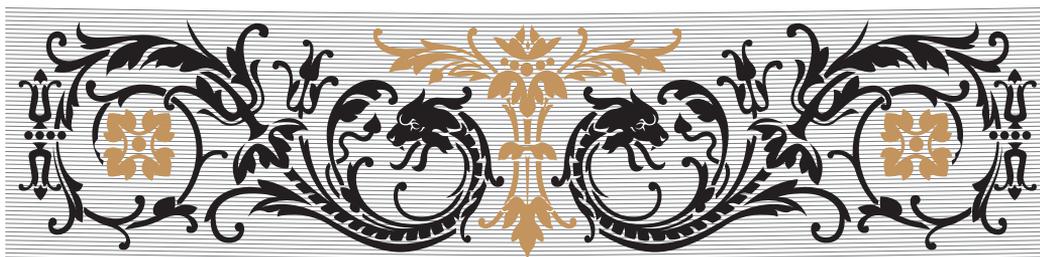
ческому уровню, на котором находится источниковедение в современном Башкортостане.

Документы и материалы данного сборника не дают возможность сколько-нибудь глубоко и широко представить внутренние проблемы такого региона, как Башкирия, в период Первой мировой войны, в массе своей не представляют собой действительно новых источников для изучения истории этого края. По весьма громкому заглавию сборника можно подумать, что предмет его — новейшие архивные достижения историков Башкортостана относительно влияния Первой мировой войны на этот регион. Поставленная цель — показать «объективную информацию о положении дел» здесь тогда, однако, не реализована.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Научного совета РАН
по истории социальных реформ, движений и революций

РАПОРТ О ВОЗДУШНОМ БОЕ В РАЙОНЕ МОЛОДЕЧНО В 1916 г.

истории Первой мировой войны 1916 год занимает особое место, прежде всего, из-за того, что блок Центральных держав постепенно стал утрачивать стратегическую инициативу вследствие таких крупных сражений, как, например, Брусиловский прорыв или Верденская операция. На фоне столь масштабных событий бои местного значения, на отдельно взятых участках фронта, на первый взгляд едва ли заметны и не заслуживают внимания историков. Однако надо иметь в виду следующие аспекты. Во-первых, присутствует нравственная сторона каждого такого события: такие бои также сопровождаются потерей личного состава, личный подвиг которых не следует забывать. Во-вторых, изучение истории некоторых из этих боевых операций позволяет выявить технический уровень оснащения армий противоборствующих сторон и в то же время — подготовку командования к их проведению.

Публикуемый документ — рапорт командира XI корпусного отряда — посвящен обстоятельствам воздушного боя около г. Молодечно (Вилейский уезд Виленской губернии) 12 сентября 1916 г., в ходе которого произошло трагическое и одновременно неординарное событие — российская авиация потеряла самолет «Илья Муромец» вследствие атаки семи германских истребителей (по другим данным — трех) и зенитной артиллерии. В не-

равном бою погиб весь экипаж. Отметим, что такого класса самолет (а эти машины считались лучшими в мире) впервые уничтожили за всю войну. Кроме того, был сбит сопровождающий его аэроплан «Парасоль» — летательный аппарат французского производства, который, наряду с такими марками, как «Вуазен» и «Ньюпор», составил основу российской легкой авиации. Вот как об этом писали современники события: «Под Минском орудует Башко¹, но у него несчастье: сбит и упал в неприятельском расположении 16-й корабль Макшеева². На него накинута три “Альбатроса”, а потом еще артиллерия. Перебили фюзеляж. Корабль уже в воздухе загорелся и разбился вдребезги. Немцы прислали фотографию с братской могилой четырех летчиков»³. Это сражение упоминается и в работах по истории военно-воздушных сил⁴. По мнению Ю.А. Манцурова, такой результат вызван тем, что предложивший полет разнотипных аэропланов офицер штаба 5-й армии подполковник Р.А. Брант⁵, никогда не служивший в авиации, не учел их разные скорости⁶. Не отрицая это суждение, добавим, что публикуемый документ имел серьезные последствия для дальнейшей истории отечественной военной авиации. Более того, в то время были и объективные предпосылки для отправки звена из разных типов самолетов.

В первую очередь отметим, что автор рапорта — опытный и авторитетный специалист в области авиации, и его выводам можно доверять. Иван Яковлевич Земитан (1877–1937) был одним из первых выпускников Офицерской школы авиации в Каче, в 1914–1915 гг. заведовал ее отделением в Симферополе, затем стал командиром 30-го корпусного авиационного от-

¹ *Иосиф Станиславович Башко* (1888–1946) — выпускник Офицерской воздухоплавательной школы, штабс-капитан 3-го отряда Эскадры воздушных кораблей при Верховном главнокомандующем (1916 г.). В годы Гражданской войны служил в Красной армии, а с 1921 г., после возвращения в Латвию, где он родился, генерал латвийской авиации.

² *Дмитрий Дмитриевич Макшеев* (1888–1916) — выпускник авиационной школы при Московском обществе воздухоплавания (1912 г.) и Офицерской воздухоплавательной школы в Гатчине (1913 г.), младший офицер 31-го корпусного авиационного отряда при 3-й армии Юго-Западного фронта (1915 г.), с 27 декабря 1915 г. служил в Эскадре воздушных кораблей, штабс-капитан 3-го отряда Эскадры воздушных кораблей, командир воздушного корабля «Илья Муромец XVI» (1916 г.).

³ *Никольский С.Н., Никольский М.Н.* Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. Воздушные линкоры Российской империи. М., 2008. С. 112.

⁴ *Grehler O.* Geschichte des Luftkrieges mit 1910 bis 1980. Berlin, 1980. S. 15; *Манцуров Ю.А.* Кача: история и судьбы. 2-е изд. Волгоград, 2010. С. 66–67.

⁵ *Ростислав Алексеевич Брант* (1873–?) — участник Русско-японской войны, в 1906 г. уволен в запас в звании подполковника. В 1914 г. призван из запаса, назначен командиром 95-й Калужской дружины в составе 5-го армейского корпуса.

⁶ *Манцуров Ю.А.* Указ. соч. С. 67.

ряда. В 1916 г. был назначен командиром 11-го корпусного отряда 3-й армии Юго-Западного фронта⁷. Как и все командиры авиационных соединений, он находился в подчинении заведующего авиацией и воздухоплаванием в действующей армии великого князя Александра Михайловича.

Роли великого князя в деле становления и развития российских военно-воздушных сил посвящен ряд работ⁸. Незадолго до войны великий князь цель развития авиации изложил так: «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных соседей. Это следует помнить каждому, кому дорога военная мощь России»⁹. Благодаря его усилиям, к началу войны российские вооруженные силы располагали мощнейшим авиапарком в Европе. Вместе с тем постепенно развивались и негативные процессы, которые стали заметны уже в ходе военных действий.

Почти все российские фирмы выпускали французские лицензионные аэропланы. Их выбор предопределялся тем, что во Франции к 1910 г. было налажено производство машин, отличающихся по своему назначению: разведывательные, спасательные и др., причем производство было массовым. Это привело к тому, что российские заводы зависели от поставок комплектующих, а их поставки были сопряжены с большими трудностями: союзники не желали допускать русских специалистов к своим разработкам, обеспечение российской армии шло со срывами сроков, переговоры по доставке занимали много времени. К 1916 г. Германия технологически существенно опередила Францию, как и другие государства, входившие в Антанту, в этой отрасли — немецкие самолеты по своим тактико-техническим характеристикам превзошли французские. Создание российского истребителя, способного эффективно противостоять противнику, стало важнейшей задачей для авиации сухопутной армии. Понимая это, великий князь Александр Михайлович в 1915–1916 гг. неоднократно выступал на совещаниях, отправлял доклады в Ставку Верховного главнокомандующего с предложениями об увеличении количества летчиков и о поставках новых самолетов с пулеметами. Военная промышленность удовлетворить такие планы не могла. Именно поэтому на совещании, проходившем 21–22 но-

⁷ Офицерская школа авиации (1914–1920). М., 2010. Сводная летопись: Ч. 2.

⁸ Кохан П.П. Пожертвования российской авиации // Качинские чтения (XI): 100-летию Качи посвящается. М., 2007. С. 201–213; Елисеев С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910–1917 гг.). М., 2008; Бахурин Ю.А. Русская военная авиация в 1914 г. // Исторический вестник. 2014. Т. 8 [155]. С. 102–123; Лебедев В.Д. Развитие авиационной промышленности России накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: Сборник статей. М., 2014. С. 53–61; и др.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 844. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

ября 1915 г. в Смоленске, пришли к выводу о невозможности предопределить желательный тип некоего универсального самолета не только на 1917 г., но даже и на вторую половину 1917 г.¹⁰

Несмотря на это, великий князь прилагал громадные усилия для создания истребителя, жертвуя на разработки личные средства. Весной 1916 г. интенсивность боевой работы возросла, и медлить с созданием истребительной авиации уже было нельзя. В связи с этим великий князь 21 июня 1916 г. обратился в Ставку с докладом, в котором еще раз обосновал необходимость организации истребительной авиации, на что Верховный главнокомандующий Николай II ответил согласием. Однако малочисленные отряды истребителей не могли оказать сопротивления противнику, когда он применял большие группы самолетов. В связи с этим командующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов писал великому князю (3 августа 1916 г.): «...мы можем успешно бороться с неприятельской воздушной разведкой только при условии решительного сосредоточения воздушных сил на важнейшем операционном направлении, жертвуя направлениями второстепенными». Великий князь Александр Михайлович согласился с его идеей, и в результате на экспериментальной основе сформировали Первую фронтową авиационную группу, имевшую на вооружении скоростные двухместные самолеты с пулеметами¹¹.

Совершенно очевидно, что едва ли не единственным средством победы в воздушных боях могло бы стать участие тяжелой авиации, посредством тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец» — единственных в России самолетов, способных эффективно противостоять противнику. Однако их выпускали столь малыми партиями, что их экипажи всерьез изменить обстановку на фронте могли лишь при совместной работе с легкой авиацией. При этом тяжелая авиация была сведена в Эскадру воздушных кораблей, не подчинявшуюся великому князю. Тем самым единоначалие в управлении авиацией было нарушено, эскадрой часто управляли люди, не имевшие достаточного опыта управления этим родом войск, о чем и свидетельствует публикуемый документ.

Можно предположить, что рапорт позволяет прояснить мотивацию деятельности великого князя по развитию этого вида вооруженных сил, в частности, поставить руководить такой эскадрой специалистов. 20 сентября и 13 ноября того же года он отправляет императору два письма и в первом из них просит его «положить конец привилегированности “муром-

¹⁰ Елисеев С.П. Указ. соч. С. 53–58.

¹¹ Там же. С. 57–58.

цев” и влить их в существующую авиационную организацию и подчинить в армиях командирам авиационных дивизионов»¹².

Характер и трагические результаты воздушного боя в районе г. Молодечно оказали существенное влияние на организацию военно-воздушных сил России. В конце 1916 г. было принято «Наставление по применению авиации на войне», где были ясно сформулированы технические требования для самолетов, которые по назначению стали подразделять на армейские, корпусные и истребители¹³. Кроме того, 5 февраля 1917 г. было издано Положение о боевых авиационных группах. В документе было указано: «Командир группы избирается из числа опытных военных летчиков полевым генерал-инспектором Военного Воздушного флота и по представлению начальника Штаба Верховного главнокомандующего назначается на должность Высочайшим приказом»¹⁴. Этот бой — подвиг экипажей российских самолетов, вступивших в схватку с вражескими самолетами, которых было в несколько раз больше.

Текст документа сверен с оригиналом и публикуется согласно правилам современного правописания, стилистические особенности сохранены. Сокращения раскрываются в квадратных скобках. Исправления и подчеркивания, сделанные авторами документа, оговариваются в подстрочных примечаниях.

**Рапорт командира XI Корпусного авиационного отряда
штабс-капитана И.Я. Земитана заведующему авиацией
и воздухоплаванием действующей армии великому князю
Александру Михайловичу**

№ 3205

21 сентября 1916 г.¹⁵

Киев

Секретно

Всепреданнейше доношу.

К 11 сентября¹⁶ все самолеты, участвовавшие в налете на местечко Борунь, были сосредоточены на аэродроме у д. Мясога, недалеко от станции Моло-

¹² Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925. С. 115–117.

¹³ Наставление по применению авиации на войне. Пг., 1916. С. 20–21.

¹⁴ См.: Хайрулин М. 7-й Корпусной авиационный отряд // Архив Великой войны. М., 2008. Кн. 2. С. 155–157.

¹⁵ Датируется по дате получения рапорта.

¹⁶ Подчеркнуто синим карандашом.

дечна. Выставленные совершенно открыто ангары четырех аппаратов типа «Илья Муромец» были еще 9 сентября вечером обнаружены немецкими самолетами¹⁷. 10 сентября немецкие самолеты сбросили на аэродром около 40 бомб, которыми повредили двух «Муромцев».

11-го. В два часа дня на аэродром приехал подполковник Брант и состоялось совещание относительно налетов. На совещании участвовали все офицеры собравшихся для налета отрядов. На совещании решили: 12 сентября¹⁸ «Вуазенам» и «Муромцам» вылететь в 5 час. утра; «Парасолям» вылететь в 6 час. утра. Всем аппаратам быть над позициями у местечка Крево через 1 час. 30 мин. утра, т.е. в 6 часов 30 мин. утра, а оттуда следовать на местечко Боруны; малым аппаратам держаться больших кораблей («Муромцев»); поддержание порядка на аэродроме было поручено шт[абс]-капитану Данилевскому¹⁹.

Такой порядок налета был предложен подпол[ковником] Брантом. Никто п[одполковнику] Бранту не возражал, так как налет на м[естечко] Боруны находится в 12 верстах за передовыми неприятельскими окопами. Строй для следования самолетов установлен не был. Командира тоже назначено не было.

12 сентября, 5 час. 30 мин. утра поднялся первый аппарат типа «Илья Муромец», управляемый шт[абс]-капитаном Башко. Пассажиром на аппарате был подполковник Брант. Последний «Вуазен» вылетел в 7 часов утра, т.е. в то время, когда все аппараты должны были быть над позициями у м[естечка] Крево. А когда вылетал последний «Парасоль» 11-го отряда, то поднявшийся первый «Муромец» с подполковником Брантом возвратился с налета и был над аэродромом. Этот аппарат («Муромец») прилетел в местечко Боруны первым и не подвергся ни артиллерийскому обстрелу, ни нападению неприятельских аппаратов. С налета не возвратились два аппарата: один «Парасоль» 11-го авиаотряда (летчик — рядов[ой] Янсон²⁰) и один «Муро-

¹⁷ Подчеркнуто синим карандашом.

¹⁸ 12 сентября вписаны над строкой.

¹⁹ Николай Николаевич Данилевский (1885–1938) — выпускник офицерского класса Учебного воздухоплавательного парка в Петербурге (1907), авиационного отдела Офицерской школы авиации (1911 г.), где оставлен инструктором. В 1914 г. начальник летной части Гатчинской военной авиационной школы, в 1916–1917 гг. командовал 10-м дивизионом Западного фронта, в 1920 г. начальник аэростанции Главвоздухфлота, затем служил в гражданской авиации. Репрессирован.

²⁰ Крисан (Христофор) Янсон (?–1916) — выпускник Офицерской школы авиации Отдела воздушного флота при Особом Комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1915 г.), рядовой 1-й авиационной роты 11-го корпусного авиационного отряда 3-й армии Юго-Западного фронта (1916 г.)

мец» (летчик — шт[абс]-капитан Макшеев). Кроме того, два аппарата были повреждены в воздушном бою. Ранены летчик прап[орщик] Жеребцов и летчик-наблюдатель прап[орщик] Юнгмейстер²¹. При разборе налета выяснилось, что результаты не соответствуют (не оправдывают) потерям; что вооруженные «Муромцы» и не вооруженные «Парасоли» сами защищаться не могут и что «Муромцы» обладают большей скоростью, чем «Вуазены», а потому совместно следовать и друг друга охранять не могут. Предполагающиеся на 14 и 15 сентября полеты были отменены. Не удался налет на м[естечко] Боруны²² вследствие плохой организации. Не были выделены вооруженные пулеметами аппараты для охраны не вооруженных, нагруженных бомбами. Не были сведены в группы аппараты, обладающие одинаковой скоростью; не были назначены командиры групп и командир эскадры. Не были установлены сигналы и знаки для управления эскадрой. Также не был установлен строй, в котором аппаратам следовать к пункту налета. Подполковнику Бранту, незнакомому с условиями авиационной службы, не удалось собрать вылетевших аппаратов в группы и установить порядок их следования. Благодаря последнему получилось, что одни аппараты, поднимаясь с аэродрома, встречали аппараты, возвращающихся с налета.

Военный летчик
Капитан И.Я. Земитан

*Государственный архив Российской Федерации. Ф. 645. Оп. 1. Д. 39.
Л. 1—2. Подлинник. Рукопись, с монограммой 5-й корпусной армии
Юго-Западного фронта.*

²¹ Василий Юльевич Юнгмейстер (1889–1938) — выпускник Гатчинской авиашколы (1915 г.), прапорщик (1916 г.). Во время Гражданской войны служил в РККА, воевал на Туркестанском фронте и в Крыму, затем служил в гражданской авиации СССР. Репрессирован.

²² На м. Боруны вписаны над строкой.

Ключевые слова:

рапорт, авиация, авиационный отряд, самолет, командир эскадры, воздушный бой.

Vladimir D. Lebedev

REPORT ON THE AIR BATTLE NEAR MOLODECHNO, 1916

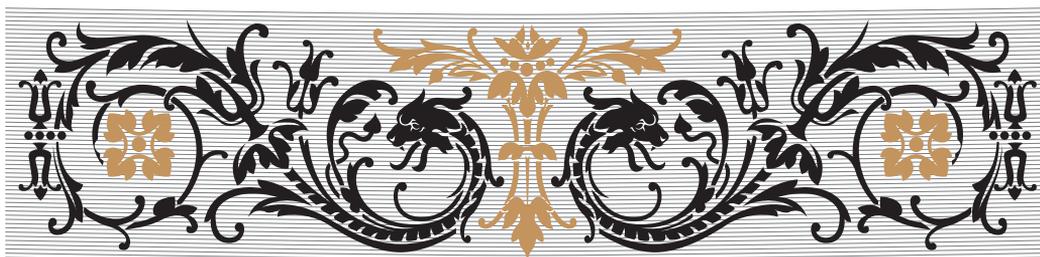

The published document is a report by the Commander of the XI Corps Aviation Detachment I.Ya. Zemitin, addressed to the Head of Aviation and Air Navigation of the Army in the Field, Grand Duke Alexander Mikhailovich. The document describes the circumstances of the air battle near Molodechno on the 12th of September, 1916.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Лебедев Владимир Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий специалист
Отдела изучения и публикации документов
Государственного архива Российской Федерации

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано к печати ????.2016 г. Формат 72×104 1/16. Усл.-печ. л. ????. Заказ № ?????

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2016

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии ООО «Дайбор Про». Адрес: РФ, Москва, ул. Ереванская, д. 13, к. 2.
Электронная почта: dibor@dibor.ru. Тел.: +7 (499) 130-71-01

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Очередной номер «Исторического вестника» посвящен управлению Римской империи и в первую очередь управлению провинциями. В статьях номера рассматриваются и другие институты и аспекты римского государственного управления. Главное внимание уделяется эпохе «Римского мира (I—II вв. н.э.)» — времени наивысшего могущества и процветания Римской державы.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке